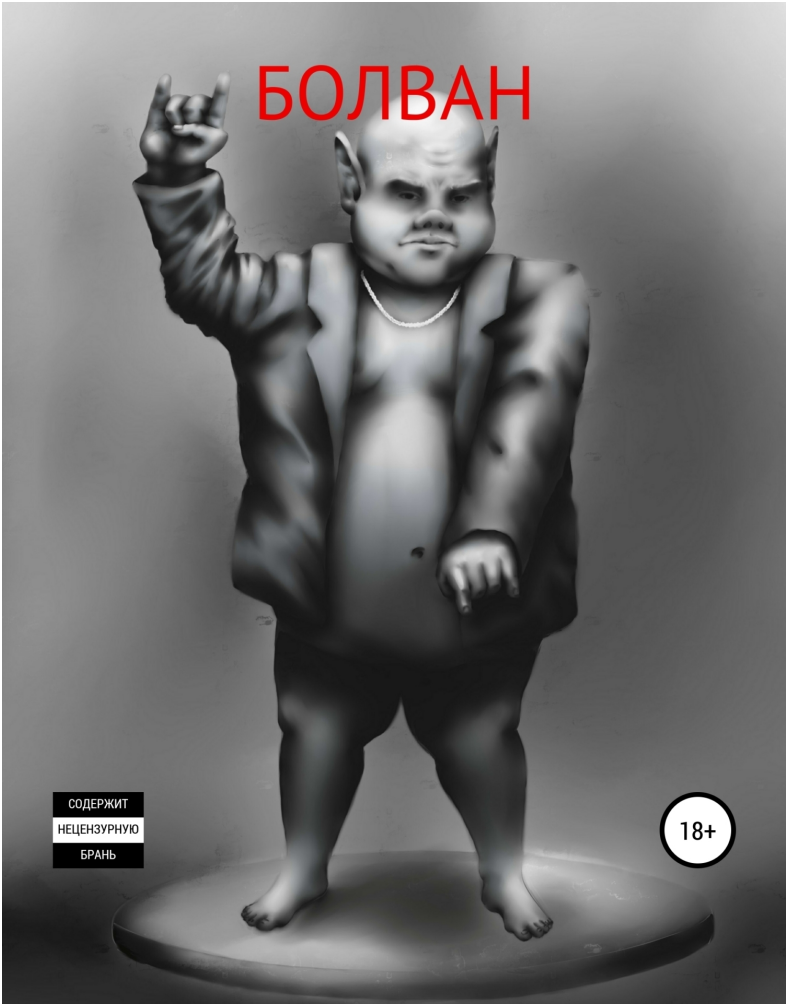
БОЛВАН



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Дмитрий Потехин

Дмитрий Владимирович Потехин

Болван

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47750647
SelfPub; 2022

Аннотация

Богатый московский мафиози приобретает у знакомого археолога древнего глиняного истукана, который, по легенде, способен исполнять желания. Однако у живущего внутри могущественного духа свои планы.

Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Потехин
Болван

Глухово

Каждое лето Коля Чайкин вместе с семьей ездил на дачу в Глухово. А, впрочем, эту историю, наверное, следует начать не с него…

Следует, выйдя из калитки Колиной дачи, пройтись по главной улице, где с одной стороны – сетчатые и дощатые ограды с облепиховыми зарослями и канавами, а с другой тянется насколько хватает взгляда обширный скошенный луг. Раньше этот луг цвел густым морем колосящейся травы, ромашек, иван-чая и желтоглазой полыни, но потом его начали застраивать дачами. Теперь от былого раздолья мало что осталось.

Каменистая дорога бежит все дальше. Мимо крохотного магазинчика, где дачные ребятишки покупают мороженное, а мужчины выпивку. Мимо давным-давно, еще в незапамятные времена закрытой, облупившейся сторожки. До огромного чугунного шлагбаума, похожего на колодезного журавля.

Потом дорога, пробежав еще сотню метров прямо, сворачивает на запад, мимо размалеванного ругательствами непонятно кому и зачем нужного складского ангара. Перехо-

дя в пыльно-серую, растрескавшуюся асфальтовую полосу, устремляется под гору. Катиться по такой дороге вниз на велосипеде одно удовольствие.

А дорога мчится и мчится, рассекая пространство лугов, мимо обступивших ее вереницей берез и лип, мимо колышущихся трав и звенящих полчищ кузнечиков.

Внизу, там, где даже в самые ясные дни, кажется, всегда пролегает прохладная тень, путника ждет Т-образный перекресток.

Справа – бурые кирпичные руины (там по ночам любят собираться и жечь костры загородные неформалы). Церковь, построенная еще при царе-горохе и разрушенная так давно, что никто уже не помнит, как она выглядела. В километре от нее близ перелеска едва заметно светлеют кресты далекого кладбища.

Слева – тоже руины. Бледное трехэтажное здание. Когда-то пионерлагерь, а теперь груда щебня в четырех стенах. За руинами магазин, у которого иногда останавливаются едущие из Глухово машины дачников.

За толстым мертвым остовом дерева, разинувшим навстречу путникам корявое дупло, вниз по склону спускаются две узенькие, страшно крутые тропинки, по которым без подготовки скатиться кубарем немудрено. Самая крутая и длинная уходит к роднику, а та, что полегче и покороче ведет к реке.

Среди дачников даже пятилетний ребенок знает этот

путь. Знает, каково сидеть на кустистой траве у самого края откоса и глядеть на ползущую вдали в диковатых ивовых дебрях бронзово-зеленую реку. Любоваться раскинувшимися на том берегу необъятными лугами, опоясанными на горизонте сумрачной кромкой леса. Нигде больше не сыщешь такого неба. Нигде еще не увидишь льющие далеко-далеко из грозовых туч призрачной стеною дожди и проступающую в небе нежную двойную улыбку радуги.

Где-то там над рекой летают чернокрылые стрекозы и ласточки, цветут хрупкие огненно-желтые кувшинки и тянутся по течению космы подводной травы, словно волосы таинственных русалок.

Новый кореш

Он никогда не видел этой красоты. Его дом стоял на берегу реки, обнесенный кирпичной стеной с тяжелыми металлическими воротами.

Утром, выйдя во двор в мятых спортивных трусах, он не без гордости разглядывал свои внушительные владения: трехэтажный кирпичный дом, похожий на средневековый замок с узкими арочными окнами, декоративными башенками и даже неким подобием зубчатой крепостной стены. Никакого единого стиля здесь, конечно же, не было. Впрочем, пять лет назад никто не заморачивался такими мелочами. Строили все, что в голову взбредет. Архитекторы были толь-

ко рады воплощать самые дикие задумки своих богатых хозяев.

Чуть поодаль – дом для гостей в два этажа, построенный уже четко в английском стиле. За ним – роскошная, позолоченная солнцем бревенчатая баня с бассейном прямо у порога. Посреди газона двое таджиков или узбеков мостили пол будущей шашлычной беседки.

Подышав полной грудью, пощупав шрам от пули на левом боку, он возвращался в дом, пил кофе с коньяком, и, потыкав толстым пальцем кнопки мобильника, беседовал с Сашком, Жекой, Каленым или Каримом о насущных делах: распределении братков по точкам, графике поборов, деталях предстоящей сделки, стрелки или банкета.

После этого он зажигал свой широченный корейский телевизор и мял пальцем без особой цели кнопки пульта. Потом вставал, без охоты работал на тренажерах. Звонил врачу по самой главной проблеме. Снова выходил подышать. Окунался в бассейн. Возвращался в дом, через силу читал Дина Кунца. Обедал.

Далее обычно следовали какие-то немногочисленные дела, требовавшие его личного присутствия. Тогда он садился в свой иссиня-черный, сверкающий серебристой пылью «Вольво» с тонированными стеклами и выезжал на дорогу.

Его громадный автомобиль несся мимо мелких, тихоходных, жавшихся к обочинам «Жигулей», «Волг», «Запорожцев», внутри которых сидели обладатели белых панамок и

очков в толстых оправах. Куры, завидевшие коршуна.

Ему нравилось невзначай нагонять испуг. Это был его величайший талант еще со школьной парты. Вторым была, как ему хотелось думать, сила и жесткость характера. Третьим – хитрость, которую он развил в армии и считал проявлением своего незаурядного ума.

В тот день его «Вольво» остановился у покосившейся ограды старого деревянного, побитого временем как сухарь, но все-таки пока еще дома. Точивший на крыльце ножи старый еврей с полуседой бороденкой некоторое время хмуро глазел на машину, поблескивая стеклами очков. Потом судорожно поднялся и, нервно отряхиваясь и кашляя в кулак, пошел отворять калитку.

– Толя… здрасьте!

– Здоров.

– Идемте. Щас я вам чайку сделаю, – старик заковылял в дом.

– Какой чаек, жара!

– А… и правда. Пива холодненького? Ой да – вы же за рулем…

– Пива можно.

Дома старик достал из дребезжащего «Юрюзаня» зеленую бутылку и, пшикнув, налил «Толе» в граненый стакан ледяного светлого.

– Небось, надеешься, что я от твоего пивка в дерево вмажусь? – он ехидно подмигнул хозяину жестоким бесцветным

глазом. – А, Михал Моисеич?

– И в мыслях такого не было, – Моисеич категорично, даже оскорбленно помотал головой. – Что вы наговариваете! Вы человек приличный, я вас знаю давным-давно…

Толян осушил стакан и отвалился на скрипучую спинку стула.

– Так че у тебя там?

– Скинхеды… – удрученно вздохнул Моисеич, опустив глаза. – Все, что было на складе… все… все сожгли. Фургон разбили…

– Тебя мусора предупреждали, что так будет?

– Хех… предупреждали! Они и сами-то…

– Ну предупреждали или нет?

– Да.

– Ну вот. Ты думал с тобой будут шутки шутить? Думал, как при совке у бога за пазухой поставишь в подвале швейный комбинат – тяп-ляп и хата под Сочи?

– Не-е… Так я, конечно, не думал…

– Не туда ты влез Моисеич! – глухо заговорил Толян, глядя на старика словно бы издали. – На себя посмотри. Ты ж динозавр! Сидел бы в своем НИИ, продавал свои статьи, диссертации. То, что по жизни умеешь делать. Крепче спал бы, дольше бы жил.

Моисеич мрачно кашлянул и уставился на порезанную клеенчатую скатерть, барабаня по ней сухим пальцем.

– Деньги нужны. Сейчас, – невозмутимо продолжал То-

лян.

– Ну откуда они у меня? – глаза старика нервно выглянули из-под косматых бровей.

– Откуда… У тебя верблюда случайно нет?

– Н-нет.

– Значит, и правда неоткуда. Тогда я тебя убью.

Моисеича передернуло, как от удара током.

– Толя… ты… вы что?!

– Ну если ты у меня взял и не отдал. Че мне с тобой делать?

Толян опустил руку под стол, словно у него в кармане был пистолет.

– Вы п-прекращайте такие шутки! – запинаясь и трясясь, забормотал старик. – Еще чего! Я доктор наук! Я т-тридцать пять лет…

– У тебя деньги есть?

– Нет денег, нет! У сына есть! Щас я ему позвоню.

– Лады! – Толян довольный своей шуткой хлопнул в ладоши, поднимаясь со стула. – Видишь, как все быстро нарисовалось! Скажи ему, пусть ко мне в Глухово подъезжает.

– Он заграницей живет.

– А-а… Ну тогда пусть переведет.

Моисеич убежал в другую комнату и вынес большой черный мобильник с антенной.

Чтобы дозвониться потребовалась целая вечность.

– Боря! Да, хэллоу сан! Мне… Послушай! Мне очень

срочно надо, чтобы ты поехал в банк и сделал перевод… Нет, не в этом дело! Одному человеку… Ну какая разница, мне это позарез надо! Жизненно надо! Девяносто тысяч. Я тебе говорю, от этого зависит моя жизнь! Нет, не шутка! Он вот рядом со мной сейчас стоит с пистолетом! Что значит, у тебя нет! Ты издеваешься! Слушай… Хех! Я тебя часто в жизни обманывал? Каких на хрен копов! Это у вас там в Майами копы, а у нас менты драные! Я тебе говорю… Борь! Алло! Боря!

Мертвый женский голос возвестил, что связь прервана.

– И у него тоже пока нет, – провалившимся голосом вымолвил Моисеич.

– Ну че мне с тобой делать-то?

– Толя, я вас очень прошу сейчас…

Толян с кислой миной отмахнулся.

– Я тебя уважал! Я тебе верил! Я был мальцом, ты для меня был дядя Миша, я это помню, понимаешь? И всегда буду помнить.

– Понимаю.

– Но простить я тебя не мо-гу.

– Деньги будут. Щас он с кредитом своим вшивым разберется!

– А если ты мне врешь в глаза?

– Я?!

– Ага. Ты, может, думаешь, я… думаешь, у меня мозги от хорошей жизни заплыли?

Толян отпил из бутылки и, шаркая шлепанцами, направился к лестнице.

– Че ты мне никогда верхний этаж не показывал? А сам туда бегал. Может, у тебя кубышка там, а? С червонцами…

Он стал подниматься по лестнице, отозвавшейся мучительным треском пыльных ступеней.

– Сюда иди! Или решил сбежать тайком? Михал Моисеич!

Делая то, что вряд ли бы надумал, если б не выпил, Толян сначала вломился в бывшую спальню, где на голой доске кровати валялись окаменелые с прошлого лета горошины. Потом дернул дверь второй комнаты и убедился, что та заперта.

Вверх по лестнице затопали старческие ноги. Толян обернулся и увидел злые черные глаза и остервенело сжатые губы.

– Вот, бери! – Моисеич сунул ему под нос две золотые медали. – Бери, бери! Я б их все равно продал рано или поздно!

– Кончай, – вяло отрезал Толян и постучал пальцем по двери. – Че там у тебя?

– Барахло всякое!

– Открой.

– А провались оно… – старик, кашляя и ворча поплелся вниз.

– Давай, давай! А то, если хочешь, я медальки возьму!

Через минуту Моисеич вернулся со связкой почерневших

от времени ключей.

Натужно крякнул замок. В полутьме Толян к своему немалому изумлению разглядел множество диковинных предметов. Был здесь и громадный иудейский светильник-ханукия, и мушкет восемнадцатого века с истлевшим прикладом, пять узкоглазых деревянных болванчиков, облупившаяся статуя Будды, какие-то глиняные миски, горшки, серебряный гравированный турецкий кофейник.

В темном углу торчал самый колоритный экспонат: сделанный в метр высотой пузатый глиняный урод без какой-либо одежды с широкой как у жабы щелью рта, по-свинячьи вздернутым носом и близко посаженными крокодильими глазенками. Безобразно злая, презрительная харя.

– Это у тебя че тут?

– Че… – пробурчал Моисеич. – Из запасников. В девяносто третьем, когда музей закрыли, с имуществом катавасия вышла. Мне, как доверенному лицу…

– А-а, вот оно что! – ощерился Толян. – Я-то все думал: на кой вы, археологи, древний хлам откапываете, раз ничего себе оставить не можете? В чем кайф? А тут гляди-ка… Воона, что наша профессура на чердаках хранит!

Он хлопнул Моисеича по спине, как старого приятеля, чуть не сбив его с ног.

– Я… вас попрошу ничего не трогать.

– Я тя тоже попрошу!

Толян вошел в комнату и начал разглядывать предметы,

непременно щупая каждый из них.

Глиняный толстяк, с самого начала приковавший его внимание, рождал в памяти какой-то смутный знакомый образ.

«Это ж Бурят… голый в бане!»

– Япона мать, точно Бурят – один в один! – прошептал Толян, гладя болвана пальцами по лысой голове. – Только цепи не хватает! Моисеич, зажги свет!

– Здесь лампы нет.

– А елки! Этот… как его? Кто это?

– Статуя-копилка из Иордании. Четырнадцатый век. Поразительно хорошо сохранилась… Нет! Ну не трогайте!

– Да я подвинуть хочу ближе к свету! – пропыхтел Толян.

– Вы ее не вытащите, сломаете только! Она пережила Мамлюкский султанат, нашествие Тамерлана, Османскую империю, Арабо-израильскую войну сороковых годов!

Моисеич раздраженно вздохнул и выдавил то, что, кажется, само не хотело слетать с языка.

– Там внутри… джинн. Вязь на подставке гласит.

– А куда ему деньги совали?

– В рот.

«Надо его Буряту подарить!» – ни то в шутку, ни то всерьез подумал Толян.

– А этот джинн, случайно, за бабки желания не исполняет?

Моисеич пожал плечами и ничего не ответил. В этот миг он напомнил Толяну кого-то из его давно забытых школьных

учителей.

– Значит так, – заявил Толян, выходя из комнаты. – Будешь сегодня дома. Часа через три к тебе заедет грузовик, и мои люди все это отсюда вынесут. Ты им объяснишь, как упаковывать, чтобы ничего не разбилось. Понял?

– Толя… – с задавленной ненавистью проскрипел Моисеич.

– Ну понял, да? А то у тебя не сегодня-завтра дом развалится и все добро похоронит. Не годится это… Не проявляешь должной ответственности!

Толян хлопнул старика по костлявому плечу и, насвистывая, двинулся вниз по лестнице.

Глиняного болвана он уже мысленно окрестил корешем.

У реки

Коля крепко завязал шнурки своих новых, правда уже потускневших от пыли кроссовок, заткнул в носок десятирублевку на жевачку или мороженное, поправил очки и полуодетый подошел к зеркалу. Все нормально, кроме дурацких полос на спортивных штанах, которые почему-то сделали зелеными. Шмотки были привезены отцом из Чехии.

«Там такая фигня в моде…»

Он по-киношному напряг все мышцы, которые несмотря на семилетние занятия плаваньем все еще не казались внушительными.

Прибрал рукой стожок давно нестриженных и нечесаных волос на голове.

Вышел из дома.

– Ты на реку? Обгоришь! – крикнула мать.

Коля выкатил из-за гаража высокий, похожий на металлическую стрекозу велосипед и, оседлав его, тронулся в путь.

Алинка, загоравшая в шезлонге, проводила его своим обычным бездушно-насмешливым взглядом.

Ласковый ветер приятно бил в лицо и щекотал плечи. Под колесами шуршали камешки. Солнце палило так, что деревья, дома и трава словно горели изнутри.

«Может, и правда поплавать? Надо было плавки надеть…» – запоздало подумал Коля, когда впереди уже нарисовались четверо ребят с велосипедами.

Купаться ему в глубине души не особенно хотелось. Наскучило. Хотелось съездить подальше за реку, где он еще никогда не бывал. Может быть, даже до соседней деревни.

Возле магазинчика стояли Алешка, Влад, Максим и его сестра Рита.

– Ну че, едем?

Коля заметил на плече у Риты замысловатую черную тату.

«Наверно, только что из Турции…» – с белой завистью подумал он.

Рита ему нравилась. Впрочем, как и несколько других девчонок в Москве.

– Наперегонки? – предложил Влад.

Состязаться в такую жару было сродни заплыву в огромной горячей ванне. К тому же Рита ездила только на багажнике брата и была бы обузой.

Неспеша проделав знакомый как пять пальцев путь, друзья достигли крутого спуска, ведущего к реке.

– Я не пойду купаться, – хмуро промолвила Рита, опустив свои меланхоличные карие глаза.

Никто не стал спрашивать, почему. Плавать в мальчишеской компании вряд ли было бы для нее удовольствием. Видимо Рита ехала с ними лишь для того, чтобы полюбоваться пейзажем со склона.

– Я тоже не пойду, – сказал Коля, не желая кривить душой.

– А ты-то че? – удивился Алешка.

– Да так… надоело.

– Ясен корень!

– У меня все равно плавок нет. Лучше посторожу велики.

Максим многозначительно кивнул сестре.

– Смотри! Мало ли…

Он воображал, что за Ритой ходит свора недостойных воздыхателей, в числе которых может быть и Коля Чайкин. Коля примирительно махнул ему рукой.

Ребята стали спускаться к реке. Рита села на траву, сняла сандалии, и, обхватив тощими руками ноги, устремил взгляд вдаль.

– Хочешь? – Коля протянул ей столбик жевательных конфет.

Рита молча положила белую подушечку в рот. Ее красивое, чуть смуглое чернобровое лицо хранило апатичное выражение.

– Ты без рубашки ходишь, чтобы покрасоваться? – спросила вдруг она.

– Э-э… нет, – уязвленно солгал Коля.

Ему стало неприятно, словно в него вдруг брызнули грязной водой.

– Просто… лето же… Вы снова в Турцию ездили?

– Да.

Наступило хрупкое молчание.

Коля смотрел на далекие луга за рекой, на два кирпичных дома, которые построил для себя в низине никому не знакомый новый русский. Сейчас возле открытых ворот стоял небольшой грузовик, а двое парней вытаскивали из кузова какие-то коробки и несли в дом.

– Папа говорит, его убьют, – спокойно сказала Рита.

– С чего бы? – хмыкнул Коля.

– Слишком много денег тратит. Мой папа знает, он крутой.

Отец Риты и Максима и правда был крутым. Конечно, не таким, как этот богач. У него был черный джип, хороший новый дом со спутниковой тарелкой и вечнозеленым газоном. Каждое лето он возил семью на юг.

– Почему они все нас ненавидят? – спросила Рита.

– Никто вас не ненавидит.

– Нет, ненавидят. Считают нас черными, говорят, будто мы чеченцы.

– Не знаю, ни разу не слышал, – честно признался Коля.

– А оттуда нас выгнали, наоборот, за то, что мы наполовину русские.

«Оттуда…»

Коля не помнил откуда именно. За время его недолгой жизни появилось столько неизвестных прежде, похожих друг на друга стран с какими-то унылыми, презренными названиями (по крайней мере, о них чаще всего говорили с презрением).

– Раньше были граждане державы! – ворчал порой Колин дед. – А теперь они кто? Узбеки, таджики, молдаване, нигерийцы, танзанийцы и прочие папуасы. Ну и ниче, пусть теперь бетон месят!

Как относились в поселке к семье Риты Коля не знал. Возможно лишь потому, что жил от них через три улицы.

Парни уже выгрузили все, что было в кузове, покурили и, сев в машину, поехали в направлении Глухово. Хозяин дома в белом купальном халате неуклюже одной рукой затворял ворота, параллельно продолжая говорить с кем-то по сотовому.

Ему тоже доставалось от дачников. Правда он об этом не знал. А если б даже узнал, ни капли не расстроился бы, зная, что никогда не пересечется с их миром.

Ребята внизу вовсю плавали, плескали друг в друга водой.

До слуха доносились их отрывистые крики.

– Если б у тебя было столько денег, сколько у него, что бы ты сделал? – неожиданно спросила Рита.

Это явно был вопрос с подвохом, и Коля не знал, как лучше от него уклониться.

«Вложить их – спросит: а куда? Раздать бедным – засмеет».

– Да то же, наверно, что и он, – без уверенности сказал Коля и лег на спину, жмурясь от солнца.

– Чтобы тебе все завидовали?

– А почему бы нет? Только поскромнее… чтобы, как говорит твой папа, не замочили вдруг.

Что-то легкое и цепкое шлепнулось ему на живот. Коля открыл глаза и увидел перед собой большого зеленого кузнечика. Вскрикнул и, стряхнув его, как ошпаренный вскочил на ноги. Он терпеть не мог крупных насекомых.

Рита, фыркнув, залилась тихим, коварным смехом.

– Хватит, а! – огрызнулся Коля, подбирая слетевшие очки.

Он гневно посмотрел в искрящиеся насмешкой глаза Риты и в самых мрачных чувствах стал спускаться по крутому склону к реке.

Он был уверен, что никогда больше до конца жизни не заговорит с ней. Уверенность эта, впрочем, растаяла через полчаса.

Ковчег

Толян протянул гостю свою тяжелую ладонь и почувствовал, как тонкие, слабые, точно лапы вареного краба пальцы осторожно пощупали ее.

– Как поживаете? – осведомился Толян, стараясь придать своему обычно грубоватому голосу любезность.

– Слава богу, – ответил уклончивый смиренный полушепот.

– Садитесь!

Отец Савелий мельком перекрестился на икону, плавно, словно боясь нарушить тишину, отодвинул стул и сел за дорогой овальный стол, настолько гладкий, что по нему, кажется, можно было скользить на коньках.

Этот низкорослый, щуплый, даже не то, чтобы старик (до Моисеича ему было дряхлеть и дряхлеть), но какой-то похожий на одуванчик своей беззащитностью ветхий человек вызывал в окаменелом сердце Толяна тень умиления и даже почтительности.

Его худое бледное лицо держало маску скорбной настороженности, словно он от рассвета до заката жил в ожидании страшного конца. Глаза смотрели с затаенным мученическим остервенением. Тонкие губы, обрамленные седой бородой, искусаны до красноты.

– Как ваши дела, Анатолий?

– Да тоже так… слава богу.

Толяну вдруг дико захотелось курить. Однако он знал,

что, если это сделает, проповеди на тему «воскурений диаволу» не избежать.

– Господь вас очень любит, – проникновенно заговорил отец Савелий, скрестив на столе белые пальцы. – Вы видите, чего вы достигли за столь короткое время. Вы стали по-настоящему большим человеком, сохранив при том насколько это возможно чистоту души.

– Повезло, – пожал плечами Толян.

– Везение – отговорка нищих духом и горделивых атеистов. Сколько раз господь уберегал вас от смерти? Сколько раз выводил из тьмы? Помогал решить неразрешимое?

– Да… было, – криво улыбнулся Толян.

Он до сих пор просыпался в поту, когда во сне ему снова разбивали башку в тюремной камере, или пистолетная пуля каленым сверлом вонзалась в ребра.

В дверь постучали. Недавно нанятая миловидная горничная в красном мини-платье принесла чай.

– С сахаром ни-ни, только с медом, – пугливо предупредил священник.

– Где ж я тебе… для вас возьму мед? С детства его ненавидел, – пробурчал Толян, вылавливая из чашки лимон.

«Пить с сахаром – грех. Е-мое, как он вообще живет?» – усмехнулся про себя Толян. – «Всего на свете боится, святоша, епт… Прости, господи!»

Впрочем, отец Савелий, хоть и боялся всего на свете, но трусом и тихоней вовсе не был.

В советские времена он состоял в диссидентских кружках, боролся за спасение веры и национальное возрождение, за что чуть не угодил в сумасшедший дом.

После распада СССР занимался обличением нравов в церкви и в политике. Пробовал создать общественный комитет «За исцеление русской души». Пытался основать братство для борьбы с «сатанинскими веяниями» массовой культуры Запада.

Борьба с этими веяниями даже пробудила в священнике тягу к писательству. Воюя одновременно с поп и рок-музыкой, Голливудом, юмористическими программами, молодежными субкультурами, фаст-фудом и женским футболом, отец Савелий, тем не менее, считал главным источником угрозы мистическую или (как он позднее узнал) так называемую фэнтезийную литературу. Толкин, Лавкрафт, Стокер, Булгаков, Гофман, По и даже почему-то Даниил Хармс, по его мнению, удостоились особой жаровни в аду. Видя повальное увлечение молодежи творчеством первого из них, отец Савелий пару лет назад написал грандиозный роман-пародию на «Властелина колец», в котором хоббит был порождением сатира и макаки, а эльфы жили долго, потому что пили кровь детей. Книга вышла ничтожным тиражом, получила разгромные отзывы критиков и была вскоре всеми забыта. Тем не менее батюшка не сдался. Он чувствовал себя Давидом, чей камень обязательно рано или поздно повергнет огромного гнусного Голиафа.

– Рассказывайте, Анатолий, что у вас на душе и что за душой? – промолвил отец Савелий, взирая из-под клобука своим спокойным, печальным и мудрым взглядом. – Я же вижу, что сердце у вас неспокойно.

– Есть на мне одна вина, – Толян мрачно потупил взор.

– И какая же?

– Человек из-за меня погиб.

– М-м… – священник растерянно погладил свою мягкую бороду.

– Он поехал… Я его предупредить хотел, что его там кокнут. На него ж маляву Директору накатали. Но… в общем я… У нас же закон такой – как в стае. Все нога в ногу бегут, след в след. Если кто споткнулся, наступай, не оглядывайся.

– Он вам был друг?

– Да нет, не друг. Просто парень нормальный. Пили вместе.

– Однако кровью вы себя не запятнали. А грех предательства – ну что ж… Ученики ведь тоже предали Христа, когда струсили и разбежались. Но убежать или промолчать – одно дело. Это не то же самое, что продать друга палачам за тридцать серебряников.

– М-да…

– За былые ваши прегрешения вы уже с божьей помощью покаялись. Лица ваших убиенных недругов…

– Нет, не снятся!

– Но вы же часто вспоминаете о них. Тем самым, пусть и

неосознанно, просите у их душ и у господа-бога отпущения. А господь-бог…

– Не-е! На фиг мне их отпущение! – мотнул головой Толян. – У бога – да, но не у этих.

– Люби врагов своих, благословляй клянущих тебя, благотвори ненавидящим… Да-да-да, и никак иначе! Ненависть, даже справедливая, не привнесет в мир ничего, кроме ненависти.

– Вы же сказали, господь меня любит, – хмыкнул Толян.

– Любит.

– Вот он мне все это дал, во всем помог, на путь этот выгодный наставил, предположим. А потом вдруг бац – без предупреждения: виновен в том-то и том-то, вот тебе последний шанс на спасение. Так что ли? Подляночка!

– Господь спасает, а диавол мягко стелет. Порой, когда ты один, трудно разобраться, кто из них тебя ведет. Где сила, а где слабость, где добро, а где лицемерие, где мечта, а где искушение. Сердце чувствовать должно.

– А я вот знаете, с каких пор стал чувствовать… и бояться перестал? – Толян распахнул пиджак и ткнул себя пальцем в бок. – После того, как меня балашихинские в девяносто четвертом свинцом нашпиговали. Я уж думал все. Глаза из орбит вылезли, все кругом кр-расное, кр-ровь, захлебываюсь! Думал, баста, конец! Со мной наш Дима-хирург разговаривает, а мне чудится, что это то ли бог, то ли ангел его. Говорит: не бойся, все хорошо будет. А я посмотрел на него,

подумал: а и правда, чего бояться-то? И спокойно вдруг стало, тихо… До сих пор верю, что со мной кто-то из них тогда говорил… – он многозначительно поднял взор к потолку. – С тех пор я никого, слышь, никого, кто по земле ходит, не боюсь! Все они грязь!

– Гордыня… – батюшка предостерегающе поднял палец. – А-яй!

– Да я ж про всех говорю и про себя тоже! Все люди грязь и гниль! Только вот с богом у меня что-то… Чую вот, что-то не то! Разочаровать его боюсь! Боюсь, что н-не заговорит он больше со мной, как в тот раз.

Он провел рукой по бритой голове и, шумно выдохнув, замолчал.

– А что господь сейчас тебе говорит?

– Не знаю.

– А ты спроси его?

– Постоянно спрашиваю!

– Спроси еще раз! Первое, что придет в голову – это и будет ответ. Не в ухо же он тебе должен идеи кричать.

Толян поскреб лоб и измученно закрыл глаза.

В углу монотонно забили часы.

Проползла минута.

– Церковь… надо… – прошептал Толян, выходя из транса.

– Во-от, видишь! А ты переживал, что он не ответит. Церковь!

– Откуда у меня бабки на церковь? Я на этой гребаной даче разорился!

– А ты затяни пояс. Продай что-нибудь. Сдай в аренду, займи денег. Не мне тебя учить. Ты великое дело сделаешь, Анатолий. Народ тебя будет помнить в поколениях. Церковь построишь – добротой и любовью своей сотни душ спасешь и исцелишь.

Отец Савелий говорил приглушенно, неотрывно глядя в глаза Толяна, и что-то непроизвольно чертил пальцем на столе.

– Церковь – наш будущий духовный ковчег. Всех мы, конечно, туда не возьмем, да и не сможем. Но хоть кого-то, хоть наших местных глуховцев. Будет потоп. Не буквальный, конечно. Хотя кто знает… Господи! Ты же сам все видишь, Анатолий. Куда все катится! Дикость, разврат, мерзость повсюду. Как сговорились! Еды полно, одежды полно, машин полно даже в нашей нищей Скифии. Диавол нам кидает подачки, а мы хвать, хвать, ням-ням за щеку как хомячки! Жрем! Это у нас! А там-то, на Западе – там все в разы хуже и страшнее! Извращенцы законы диктуют, в церковь лезут, детей забирают… Когда сумасшедшая англичанка пишет книгу про добреньких ведьм и колдунов, и эта книга расходится по миру громадным, чудовищным тиражом! Это что?! У нас эту дрянь, слава богу, еще не перевели. Но переведут и издадут, будь уверен! Что это, если не конвульсии человечества перед неизбежным финалом?!

Бледное лицо отца Савелия местами налилось красным как огромная редиска. Он не замечал, что начал грызть ноготь.

– Вот… Я посмел излить вам душу, Анатолий. Не обессудьте.

– Ладно, – вымолвил, слегка ошеломленный Толян. – Ниче страшного. Я вам излил, вы мне.

– Церковь нужна как воздух. Вы все правильно поняли. Вам было божественное откровение.

– Я подумаю.

– Да, подумайте. Но не позвольте диаволу сбить вас с пути.

Отец Савелий поднялся из-за стола, осенил крестом Толяна.

– Господь благословит!

Толян закрыл газа и почтительно склонил голову.

Драка

– Всегда жили хреново. И при царях, и при коммунистах, и щас…

– Тогда хотя бы мощь была.

– Да какая мощь…

Иван Петрович хрустнул луковицей и вытер грустные глаза.

– Урожай собирали, как при Иване Калите. Битва за урожай – это что такое? Все равно что битва за чистые носки.

Смех!

– Зато теперь вообще ни хрена не производим! Сельское хозяйство похерили. Спасибо реформаторам! Кругом один импорт, да и тот взаймы.

Василий Палыч с величайшей осторожностью нацедил в стопку водки, боясь перелить.

– Как сказал Жванецкий, поскольку отечественный производитель стоит, в магазинах уже все есть.

– Во-во… И вот что же это за мистика, скажите мне! Когда орбитальную станцию построить можем, двести подлодок соорудить можем, а штаны сами себе сшить… Господи! Это ж чистый… сюрреализм! Этот, как его? Художник… Сальвадор! Волосы себе в гробу рвет!

– Либо двести подлодок, либо колбаса на столе. Середины нет!

Давно уже сникший Борис Генрихович, начал болезненно растирать рукой затекшее лицо.

– А ты че скажешь?

– Э-а…

– После сделанных громких заявлений?

– Я уже вс-се сказал.

– Ну! А обосновать-то? А то рубанул, памаешь, историческую правду-матку и в кусты! Ни источников, ни аргументов.

– К-какие аргументы… Ну чит-тайте, читайте! Книг щас навалом!

– Да уж, повылезали черти!

Борис Генрихович опрокинул в себя пустую стопку.

– Эк-кономика сталинского СССР был-ла глубоко убыточной! И целиком зат-точенной на войну! Не будь Гитлера, все р-рухнуло бы под собственной тяжестью через десять лет. Неуж-жели это т-так сложно понять?

– То есть Гитлер нам подарочек сделал?

– Б-безусловно! Повелся как дур-рак!

Василий Палыч, стоически вытерпевший первые тирады Бориса, стукнул по столу ослабшим кулаком.

– Подарочек! Те сколько лет было, когда война началась?

– Мне? Я т-тогда еще не…

– Вот то-то и видно, что не!

– Василий Палыч, что бы вы мне щ-щас…

– Ты отца своего застал?

– Что бы вы мне щас не р-рассказали про немцев, я со всем соглашусь. Да, расстреливали! Да, вешали! Все правда, все было! Вот т-только надо немножко вглубь вещей смотреть, понимаете? Мир – он… н-не двухмерный!

– В глубь он смотрит, м-мать…

– Да-да, именно так. Двадцать тыщ т-танков против немецких четырех. Это что? Это для обороны с-столько сил? Г-гитлер охр-ренел, когда ему сказали! Он еще потом перед Маннергеймом оправдывался!

– Двадцать? А почему не тридцать? – рыкнул Иван Петрович. – Не сорок, а?

– Читайте! Больше чит-тайте, господа! Учение – свет.

– Тебе рассказать, какой нам Гитлер подарок сделал? – перешел в наступление Василий Палыч. – То, что я вот этими глазами видел под Калугой в сорок первом?

В беседку зашел Коля и хмуро шепнул на ухо Василию Палычу, что мать не велела ему больше пить водки.

– Все, иди, иди! Не мешай… Контролер!

– Коль! – рявкнул Иван Петрович. – Подожжи! Как ты относишься к идее, что не Гитлер на нас хотел напасть, а наоборот?

Коля искренне пожал плечами.

– Вы, с-сударь, употребили запрещ-щенный прием, – зловеще промолвил Борис Генрихович, поднимая палец.

– Ну-ка, ну-ка?

– Какое вы… ты имеешь пр-раво, использовать р-ребенка в споре?

– Что?! Коль! Тебе сколько лет?

– Тринадцать.

– Это ребенок?

Коля двинулся к дому, ускоряясь с каждым шагом. Бухтение в беседке приобрело угрожающий характер.

– Я сказал: «нефформир-ровавшаяся лищность». Я не сказал: «непол-лноценный», – донеслось до Колиного слуха. – Вы э-элементарных слов не знаете!

Потом он услышал одно из тех слов, которыми любят щеголять в школе разные идиоты.

Через минуту Борис Генрихович, проклиная всех вокруг,

с разбитым носом вываливался из беседки и, шатаясь, плелся к калитке, яростно рассекая воздух кулаком.

– Чернь! Чернь ч-чернос-сотенная!

– Уползай, пока жив! – рычал ему вслед Иван Петрович. – С-сука…

Дед с отсутствующим, безмятежным видом наливал себе новую стопку.

Знакомство

Толян, подперев бока руками, задумчиво разглядывал свои приобретения, стоящие на фоне огромного камина в гостиной. Превратить камин в музей случайных вещей не получалось. Большинство экспонатов были слишком крупные, иные, как, например, глиняная посуда, смотрелись убого.

Постепенно до него дошло, что никакого применения всему этому древнему барахлу в его доме быть не может. Его можно было разве что сдать в музей или спрятать на чердаке, как это сделал Моисеич.

Толян страшно не любил чувствовать себя дураком. Но сейчас он стоял перед фактом: только идиот мог как мальчишка натаскать домой со свалки вещей и совершенно не знать, что с ними делать.

Полусгнивший мушкет на стену не повесишь. Облупившийся Будда мог быть изготовлен сорок лет назад в Ташкенте.

«Козел!» – разбито прошептал Толян. – «На ко-ой? Еклмнэ…»

Он чувствовал, что больше не сможет заявиться к Моисеичу и потребовать с него долг. Это будет уже настоящее срамное шакальство. А бог не фраер.

Он выматерился и пошел в ванную

Помлев в джакузи и выкурив сигарету, Толян еще раз критично осмотрел свои «сокровища». Потом без колебаний побросал глиняные плошки обратно в коробку. Деревянные фигурки и Будда тоже отправились на выброс.

«Ружье… ладно, придумаем!»

Кофейник вроде худо-бедно смотрелся на камине.

От чего не хотелось избавляться, так это от роскошной золотой ханукии. Но Толян представил, *что* начнется, когда гости увидят *это* у него дома.

«Еще этот хмырь…» – подумал Толян, переведя взгляд на полюбившегося истукана.

– Че у тя рожа такая тупая? – зло спросил он.

Болван молчал.

«Не-е, Буряту такое дарить нельзя. В морду даст!»

Он провел пальцем по глиняным губам, между которыми зияла узкая щелка для бросания монет.

– Кушать хочешь?

Он подумал, что в брюхе у истукана вполне возможно лежат древние динары. Их-то как раз было бы недурно заполучить. В молодости Толян собирался стать нумизматом.

К этой мысли прицепилась следующая.

«Интересно…» – подумал Толян. – «Пробки у этой штуковины нет. Значит, ее должны были все-таки рано или поздно разбить! Она ж семьсот лет стояла, деньги жрала!»

Думая об этом, Толян взял со стола рубль и зачем-то протиснул его в пасть чудовищу.

Он не сразу осознал, что именно пошло не так. Падение монеты показалось явно не таким, каким должно было быть.

Толян нашел бумажник, вынул пятак и тоже спустил его в щель. Лишь теперь он понял: монеты падали в глиняное брюхо совершенно беззвучно, будто летели в пропасть.

Толян стал швырять монеты одну за другой, пока не истратил их все. Ни намека на звон!

Затем, подумав, достал десятирублевку и просунул в щель. Он хотел лишь пошарить ею внутри, но рот истукана сам вдруг всосал купюру, на манер автомата в банке.

– Ни х…а! – заорал Толян.

Он бешено тряхнул головой, дрожащей рукой достал новую купюру. Болван съел и ее.

Толян бросился в спальню и вернулся с пистолетом.

– Ану, гнида!

Он наставил дуло в пузо монстру, не зная, что делать. Внутри не смог бы уместиться даже карлик, даже обезьяна. Да и как бы она там оказалась, черт подери?

«Кто ж таскает деньги?!»

Толян достал третью купюру, не обратив внимания на со-

лидный номинал, сунул в щель. Купюра исчезла.

– Ты… кто? – выдохнул Толян.

Он вдруг понял, что надо сейчас же, немедля, вмазать рукояткой по этой харе, разнести урода на куски и вышвырнуть их за забор. Иначе он не заснет.

Проклятая морда смотрела на него как-то по-новому, точно с вызовом.

И вдруг Толяна осенило.

«Да это ж машинка для туристов, япона мать!»

Он облегченно рассмеялся.

«Такие в парке аттракционов ставят. За деньги говорят прохожим судьбу. Моисеич, старый першень, фальшивку не распознал! Четырнадцатый век, Иордания – тоже мне, археолог блин!»

Толян вновь расхохотался, однако уже не так искренне и благодушно. Казавшееся миг назад логичным объяснение начинало таять, как сосулька в кулаке.

«Не-е… Не так все просто! За столько лет все сломалось бы! И почему нет ни звука?»

Он постучал дулом по глиняному животу.

– Ты… т-ты понимаешь, что я т-тебя пристрелить могу? Ты попал, слышь!

Урод молчал.

– Ты че, а? Ты кто?

Сердцем вновь овладевал панический страх.

На столе спасительной трелью зазвенел мобильник. Толя-

на словно вырвало из тягучего жуткого сновидения.

– Да, але! Нет! Только безнал!

Он торопливо вышел, радуясь, что голос не дрожит.

– Ща, подожди!

Он закрыл дверь в гостиную. Долго шарил по дому в поисках ключей. Наконец, найдя, запер дверь. Чертыхнулся – вспомнил, что оставил там пистолет. Забрал его и снова запер комнату.

«Все!»

После разговора Толян выпил на кухне виски, покурил и несколько успокоился. Спал на втором этаже. С оружием.

Ночь

Алина посреди ночи встала с постели. Щелкнув зажигалкой, взглянула на часы. Полвторого. Быстро натянула майку и шорты. Нашарила спрятанные под кроватью сандалии.

На всякий случай, хоть и ни на секунду не верила, что кто-то может зайти, сунула под одеяло скомканный халат и баскетбольный мяч.

Ступая по-кошачьи, подошла к открытому окну, перекинула ногу и с привычной ловкостью махнула из спальни в темные заросли рябины и облепихи. Июльская ночь окатила тело доброй прохладой. Повсюду звенели кузнечики.

Перелезать через высокий забор было трудно, да и незачем. Алина поспешила в другой конец участка, отделенный

от соседей низенькой соседской оградкой. Через такую даже болонка перепрыгнет.

Мокрая трава щекотала стопы. Не прошло и минуты, как она уже стояла посреди сумрачной пустынной улицы, под чернильно-синей чашей неба. Звезд почти не было. Полная луна точно в сизую шаль, куталась в тонкие облака, подмигивая из-за них.

Счастливо вдохнув напоенный свежестью и ароматами ночи воздух, чувствуя барабанный бой в груди, Алина побежала в сторону главной улицы на своих быстрых, сильных ногах.

Многие по ошибке принимали ее за спортсменку. Алина никогда всерьез не занималась спортом, ела что хотела, покуривала. Атлетичная фигура досталась ей даром от щедрого небесного скульптора.

Алине нравилось бегать в ночи. Ночь была просторнее, необъятнее и глубже, чем день, фальшивый и угловатый. Темнота страшила только в стенах и коридорах.

«В этих мертвых пещерах, придуманных людьми!»

Она добежала до магазинчика и стала ждать, то и дело отгоняя комаров.

Через пять, шесть или семь минут вдали зажегся огонек и послышался знакомый рокот мопеда.

Олег несся к своей подруге, задорно сигналя в ритме какой-то дурацкой мелодии, трясясь и подскакивая на колдобинах.

– С полнолунием, ведьма!

– Привет! – Алина потрепала его короткую стрижку и села сзади.

– Куда прикажете?

– К речке!

Самодельный мопед рявкнул что было сил, точно изображая из себя грозный мотоцикл.

Они погнали сквозь шепчущий в уши ветер, сквозь призрачный свет луны, серебрящий мглистую бесконечность дороги.

Она держалась за его крутые плечи, откидывалась назад, чувствуя, как волосы подобно знамени весело развеваются на ветру.

Как в ускоренном кино промелькнули мимо сторожка, шлагбаум и заброшенный ангар. Дорога понесла вниз под гору в совершенно черную кромешную тьму, в которую Алина иногда падала во сне. Ей хотелось поверить, что они никуда не едут, что просто висят над какой-то вечной, неизбывной бездной. Над черной дырой, у которой нет ни пределов, ни конца.

Мопед остановился, круто завернув на луг. Алина уселась в высокую, стрекочущую траву и потянула к себе Олега. Они поцеловались.

Луна снова вышла из-за облаков, и в ее сиянии голубоватые лица друг друга показались им непривычными и до странности красивыми.

Далеко в руинах церкви плясали огненные блики, и хрипло надрывалась гитара.

– …Убитых пе-есен. Да мне нечего терять. Мир так те-есен. Дай-ка, брат, тебя обнять, – тихо начала подпевать Алина.

Он обнял ее и прижал к себе, касаясь небритой щекой.

– Хочешь, пойдем к ним?

– Не-е! Надоели. Каждую ночь одно и то же.

– Просто заглянем.

– Не хочу. Давай посидим здесь. А потом на реку… Или на кладбище!

– Ох ты! Какая храбрая!

– С тобой да. Есть курить?

Он вынул коробку сигарет, и во тьме ожили два оранжевых светлячка.

– Скучал по мне?

– Еще бы! Целых пять ночей не виделись.

– Трудно от предков сбежать, – соврала Алина. – Чуют, что-то не так, заставляют спать на втором этаже. А там, как начнешь спускаться по лестнице – треск по всему дому. Демаскирует.

– Съезжала бы ты от них.

– Хе-хе, легко сказать! Ты сам до сих пор с отцом живешь.

– Батя больной и пьет, загнется без меня. А ты-то свободная.

– Ну свободная и что? За квартиру, за еду, за универ –

все деньги, деньги, деньги! А я убиваться ночью в аптеке не хочу.

Она резко затянулась и выпустила кучерявую струю дыма в темное небо.

– Лучше сам переезжай, как сможешь. Я буду ждать.

– Да уж… как сможешь… Если только мамка к нему вернется.

– Не грусти. Может, тебе спеть чего-нибудь из моего?

– У тебя ж гитары нет.

– И че?

Алина обхватила руками воображаемую гитару и ударила по невидимым струнам. Ее переливающийся грудной голос воспарил над спящим лугом:

Эта реальность решила меня убить.

Я это знаю, я чувствую это кожей.

Кто-то решил меня, видимо, в землю вдавить.

Кто-то решил надо мной поглумиться, похоже.

Кто он, не знаю, но знаю я только одно:

В жизни подобной фальшивой игры не увидишь.

Все это словно в дешевом, чернушном кино

Или в романе, который, закрыв, ненавидишь.

Слишком бесчестно,

Пошло и дурно,

Слишком гротескно,

Карикатурно.

Все что любил я, все, во что верил, чем жил

Было насмешливо превращено в мертвечину.

Сколько потребует жизнь предстоящая сил?

Сколько еще мне терпеть, да и есть ли причина?

Мир изменился, будто на голову встал,

Черное белым, а белое черным предстало.

Мне двадцать лет, а мне кажется, я уже стар.

Сила жестокая душу вытягивать стала.

Я лишь начало

Жизни увидел,

Слишком уж мало

Сделал, увы, дел.

Если мне все же не повезло,

Буду я жить Властелину назло.

– Ни фига себе! Ну ты… Цветаева! А почему вся песня в мужском роде?

– Я писала ее во время депрессии, не спрашивай. Наверно мое мужское «я» как-то жестче выражает переживания.

– У меня была девчонка в школе. Тоже писала стихи от лица мужчины. Причем не просто мужчины, а выдуманного

поэта, который якобы жил двести лет назад и даже стрелялся с Пушкиным. Странные вы, барышни…

– Это вы, юноши, слишком простые.

– Спой еще что-нибудь.

– Погоди, надо отдохнуть. Я че-то полностью выгорела.

В это время в темноте послышались медленные шелестящие шаги. Кто-то неспешно приближался к ним по лугу.

– Ну-ка… – Олег стал подниматься, на всякий случай вынимая из джинсов карманный нож.

Темная, сутулая фигура с палкой-посохом в руке остановилась и многозначительно покивала головой.

Это был дядя Петя. Сухой, заросший, полубезумный житель одной из дач, ушедший в себя, после того как его сына сбил поезд. Он почти круглый год жил на даче один, без электричества и газа. Никогда ни с кем не общался. Из всех дел жизни, продолжавших связывать его с реальностью, у дяди Пети оставался только огород.

Иногда в сумерках поздние водители видели его в сером дождевике, бродившим по полям за несколько километров от дома. Он был вполне безобиден. Хотя наверняка этого, конечно, никто не знал. Его ночные странствия давали мнительным бабам почву для самых гадких слухов и подозрений.

– Что сидите-то? – спросил он угрюмым голосом.

Олег пожал плечами.

– Все спят, а вы тут поете! Идите домой!

– Мы сидим в поле и никому не мешаем, – улыбнулась

Алина.

– Знаете, кто тут ходит?

– Волки? – ухмыльнулся Олег.

– Волки… Если б только волки! Чертовщина бродит, бродит, бродит… дымом черным стелется… Вон! – старик вытянул руку с кривым, заскорузлым пальцем в направлении реки. – Во-он оттуда… п-поползет!

– Кто поползет?

Дядя Петя хотел что-то ответить, но лишь захлопал челюстью и раздраженно затрясся от непонятливости молодых.

– Кто, кто! Идите, идите! Домой… Нечего тут!

Он повернулся и остервенело заколдыбал прочь, размахивая палкой.

– Может, он крокодила-людоеда имел в виду? Как в американском фильме? – пошутил Олег, когда шаги стихли.

– Жалко его, – прошептала Алина.

Им обоим стало не по себе. Свидание было основательно подпорчено.

– Пошли на реку! – весело предложила вдруг Алина, сбросив оцепенение. – Купаться.

– Голышом?

– Нет, блин, в аквалангах!

И они пошли.

Она ощущала единство каждым миллиметром кожи. Ее талия скользила в его объятиях. Вода разбегалась и накатывала волнами, которые почему-то казались жаркими. Она

видела то его глаза, то необычайно яркий, вертящийся лунный диск над головой. Остальное перестало существовать.

Он покрывал ее поцелуями, стремясь осмыслить прикосновениями каждый изгиб великолепного тела возлюбленной.

Алина, забыв себя, беззастенчиво хохотала в ночи.

Сотрудничество

– Вот, щас смотри! – возбужденно говорил Толян, подводя горничную Катюху к истукану.

– Господи, ну что вы…

– Смотри внимательно! Видишь десятку?

– Вижу и что?

Толян сунул купюру в щель, но никакой реакции не последовало.

– Н-ну… – простонал Толян, не веря своим глазам. – Давай, жри! Жри, гад!

– И чего?

– Да он у меня бабки вчера таскал!

– Как? Он же неживой.

– Жрал! Пастью всасывал! Блин! Щас…

Он потер бумажку о штаны, уже без надежды принялся впихивать десятирублевку в рот болвану. Тот не только не ел, но и вообще не пропускал деньги, словно был забит под завязку.

Толян яростно выматерился.

– М-может, вам показалось?

– Давай, ты попробуй!

– Мама родная…

– Давай, давай!

Катюха робко пошарила купюрой во рту чудища и, вернув ее Толяну, посетовала на полное непонимание. В ее глазах читалась испуганная констатация: «Псих!».

Когда она удалилась, Толян вновь исступленно ткнул деньги в щель, и болван тут же охотно их заглотил.

– Тв-варь… – прорычал Толян. – Хитрый, да? Ниче, ниче, падла!

Он вышел из гостиной и вскоре вернулся с японской видеокамерой. Включил запись.

Истукан не ел.

– Ах ты… – Толян бросил камеру на кресло и, содрогаясь от бешенства, принялся мерить зал шагами.

«Я че, умом поехал, да? Если вижу всякую хрень? Не-ет… Я же не пью, как лошадь. Не нюхаю! Только по большим дням… Отчего ж это, а? Кто же мне мозги-то сломал?»

Он пощупал себе голову в том месте, где ему раскроили череп много лет назад.

«Точняк! Рецидив! Глюки начались!»

Толян изможденно вздохнул и тяжело опустился на диван. Закрыл лицо руками.

Ему пришла в голову нелепая, но не лишенная логики

мысль: попробовать разбить болвана.

«Если он живой, волшебный, то наверняка сделает что-то, чтобы спастись. А если нет, туда ему и дорога!»

Толян вынул из каминной стойки кочергу и, примерившись, начал замахиваться. Разрушать не разгаданную тайну было жалко. Продолжать с нею жить – невыносимо.

«А если внутри не окажется денег?» – подумал он вдруг. – «Тогда я точно рехнулся!»

И тут Толян вспомнил, что до сих пор не сделал самого главного: ни разу не потребовал от копилки вернуть принадлежащие ему деньги.

«А ведь это моя копилка! И деньги мои. Кто ей позволил без просу бабло сосать?»

Он вернул кочергу на место, присел на корточки перед истуканом. Посомневавшись, открыл было рот, и тут же из глиняной пасти в лицо ему с шелестом полетели купюры. Затем в лоб выстрелила очередь проглоченных монет.

Толян упал на задницу. Дико захлопал глазами. Сперва он хотел крикнуть Катюху, но понял, что ничего не сможет ей доказать.

Он поднялся и поглядел на болвана, как обычно смотрел на низкорослую, но хитрую и опасную сволочь.

Закрыл дверь, чтоб Катюха не услышала разговор.

– Значит, ты и правда джинн? – промолвил он, стыдливо поражаясь самому себе. – Говорить не умеешь, да? Но желания исполняешь. За деньги. Ладно! Какие расценки?

Он снова скормил уроду купюры и мелочь. Добавил еще.

– Я хочу, чтобы…

«А чего я хочу? Просить надо то, о чем действительно мечтаешь».

Как на зло все мечты и желания в едином порыве покинули голову.

– Пусть у меня на столе появится н-ну… чемодан зеленых!

Ничего не произошло.

То ли магия была слишком сложной, то ли плата недостаточно солидной.

«Не-е, таких желаний он не исполнит», – подумал Толян. – «Это те не Старик Хоттабыч! Че ж придумать, епт?»

Он решил ненадолго отвлечься, взял пульт и включил телевизор.

– Джесси, ты должна решить, чего ты хочешь, – говорил белозубый голубоглазый парень понурившей голову красотке. – Нельзя просить бога обо всем и сразу, понимаешь! Может, сперва попросишь его помочь тебе разобраться собственных чувствах?

«Точняк!»

Толян погасил телевизор.

– Хочу, чтобы ты мне помог…

Не успев договорить, он мигом осознал, чего хочет.

«Хочу, чтобы с Катюхой все получилось и как можно быстрее!»

Катюха, наверное, уже собирала вещи, решив, что попала в дом к буйному шизофренику.

Отчетливо понимая, что именно ему необходимо сделать, Толян бросился ее искать.

К двум часам желание исполнилось.

Черный дым

Пятнисто-серая пушистая кошка Ушаня (ей дали это имя за длинные, как у рыси уши с мягкими кисточками) покинула свой дом и, повинуясь внутреннему зову, отправилась на разведку.

Лежащий за пределами малого мира, то есть дома, мир большой, выглядел и ощущался не так, как обычно. Однако причину этой ползучей перемены еще предстояло узнать.

Мудрая Ушаня прошлась по дощатому забору и, спрыгнув вниз, встретилась лицом к лицу с черным соседским петухом. Вздорный петух, заквохтал, возмущенно тряся красной бородкой, и стал приближаться к кошке.

Ушаня выгнула спину колесом, подняла опахалом хвост и слегка стукнула пернатого лапой по голове. Возмущенный пуще прежнего хозяин двора захлопал крыльями, но тут же благоразумно решил ретироваться.

Кошка продолжила путь напропалую по чужим участкам.

Поиздевалась над большим старым лохматым псом, прикованным к будке. Псина заливалась бешенным лаем, рва-

лась с цепи и в итоге лишь потеряла дыхание, зайдясь надрывным собачьим кашлем.

Потом повстречала людей. Ее манили пальцем, говорили: «Кс-кс!», воображая, будто этот глупый, никогда не действующий зов, заставит ее подойти ближе.

Ушаня неплохо понимала человеческую речь. В прошлых жизнях ей довелось побывать и полубожественным созданием в Древнем Египте, и слугой дьявола в средневековой Франции, и главным любимцем эксцентричной английской баронессы, объехавшим вместе с хозяйкой полмира.

Она могла бы общаться с людьми на многих языках, если б умела разговаривать. Впрочем, стоило Ушане выразительно заглянуть человеку в глаза и трогательно мяукнуть, и человек обычно понимал, что от него требуется. Этого было достаточно.

Правда извечный человеческий недуг, который сами люди гордо называют абстрактным мышлением, делал людей замороченными, глупыми и катастрофически оторванными от мира существами. Никакие коробки, в которых люди жили, в которых передвигались и сквозь которые смотрели на других людей, не могли компенсировать эту беду.

Потом Ушаня полежала в тени смородинового куста, умыла языком лапы и грудь, с грустью вспомнила котят, которых хозяйка зачем-то решила раздать своим знакомым, и, неудачно попробовав сцапать семенившую мимо трясогузку, продолжила путешествие.

Ее тянуло в поля, хотя раньше она туда никогда не заходила. Ушаня чувствовала, что что-то не так. С самого утра она ни разу не видела *других*. Другие, как назвала бы их Ушаня, умей она говорить – это бесплотные существа, населяющие мир с незапамятных времен. Люди давным-давно разучились их видеть и чувствовать, а теперь и вовсе перестали в них даже верить. Домовые, овинники, банники, полевики, злыдни, кикиморы, лешие, болотники, водяные, русалки – большие и малые, добрые и злые, забавные и страшные. Теперь их как ветром сдуло.

Уйдя в безбрежный океан колышущейся травы и цветов, Ушаня очень долго следовала по какому-то не вполне понятному ей самой маршруту. Ей казалось, она чувствует необычный смутный запах, какого прежде не знала.

В зените среди густой синевы и белых клочков палило золотистым огнем солнце. Порхали бабочки, деловито гудел шмель. Черной зловещей точкой, простирая крылья, висел в небе коршун. Его бы стоило опасаться, но Ушаня знала, что хищник едва ли посмеет напасть на хранительницу загробного мира.

До сих пор ей не встретилось ни одного *другого*. Если предположить, что все они, включая даже недобрых, сорвались с места и разом ушли, местных жителей в будущем не ждало ничего хорошего.

И вдруг Ушаня увидела дурную метку: лежащую на земле черную тушку мертвого крота. По запаху было ясно, что это

вовсе не крот, а маленький луговик, который перевоплотился в крота перед тем, как его убили. *Другие* своей смертью не умирали никогда.

Ушаня внимательно изучила мертвое тельце и осторожной поступью двинулась дальше. В текущей жизни она еще ни разу не сталкивалась ни с чем подобным.

Она спросила у коршуна, что это может значить. Коршун с высоты дал ей пространный ответ, следуя которому кошка стремглав бросилась туда, где таилась пугающая истина.

Чуждый запах, который она уловила в первые минуты странствия, усиливался с каждым скачком.

Достигнув крутого спуска, сбегающего к реке, Ушаня разглядела курящийся вокруг большого человеческого жилища, окутывающий его подобно туче черной копоти, расползающийся грязными щупальцами по земле ирреальный колдовской дым.

Это было самое худшее, что могло произойти.

Ушаня выгнула спину, вонзила когти в землю и что было злости зашипела на дым, требуя, чтобы тот убирался туда, откуда пришел. В далекое царство-могильник, в мир раскаленного песка и мертвых камней, по которым карабкаются черные скорпионы и ползают, шелестя сухой кожей, ядовитые змеи.

В ответ черный дым на мгновение превратился в огромную, страшную собачью пасть с черным языком и сверкающими клыками. Оглушительно и насмешливо залаял.

«Что ты можешь против меня!»

Ушаня поняла, что враг совершенно прав. Она не могла ничего.

Разборка

Черное, зернистое как наждачная бумага шоссе бежало из непроглядной мглы навстречу горящим фарам несущегося в ночи внедорожника.

Все напряженно молчали. Лишь из заглушенной автомагнитолы едва слышно доносился никому не интересный Дэвид Бирн.

Говорить было не о чем. Все детали предстоящей встречи, любой мыслимый вариант развития событий, любая возможная лазейка и прокол были сто раз обговорены, расписаны и распланированы на бумаге по секундам.

Толян думал об истукане, которому в эту ночь полностью доверил свою жизнь. Карим с механической быстротой перебирал четки. Сашок, как всегда, одними губами молился о грешной душе своей.

У всех при себе были стволы. Карим для верности прихватил даже дробовик.

За ними следом ехал еще один джип, в котором также сидели четверо самых опытных, вооруженных до зубов братков.

Сидевший за рулем Каленый взглянул на стрелки часов

и приложил к уху сотовый. Толян затаил дыхание, слушая тихие равномерные гудки.

Наконец-то ответ.

– Завалили? – по губам Каленого пробежала кривая улыбка. – Тихо, да? Крас-савы!

По машине пронесся возбужденный гул.

– Есть!

– Он там че, один был?

– Один, один… – ухмыльнулся Каленый.

Кортеж свернул на проселочную дорогу и, мотаясь по вековым колдобинам, пополз в какую-то богом забытую глушь.

Кругом простирался заросший бурьяном пустырь. Лишь в сотне метров серой полосой проступал бетонный забор, за которым торчали темные остовы заброшенных заводских построек.

В сердце этой пустоши на голой плеши, которой заканчивалась дорога, возле ржавых железнодорожных путей стояли две черные иномарки с тлеющими фарами, а рядом прохаживались и разминались с сигаретными огоньками у лиц мутные фигуры. Кажется, их было десять.

– На два больше, чем нас, – проворчал Каленый, ставя джип на нейтралку.

Братки начали выходить из машин.

Две шеренги по традиции медленно и вальяжно приблизились друг к другу.

Выступивший из середины навстречу Толяну долговязый

тип с рассеченной губой и цепью поверх синей рубахи заговорил первым.

– Чего звал? Не спится?

– У Директора к тебе разговор есть, – вяло промолвил Толян. – Свидеться хочет. На ковер приглашает.

– А че мне его ковры портить? – высокомерно улыбнулся Север. – Давай тут все обсудим. У вас ко мне предъява?

– Предъява. От чужого откусываешь. Не по понятиям жить стал!

– Хм!

– Рейс Москва-Караганда. Спецгруз: сорок три контейнера. Что с десятью?

– Местным отступной заплатить пришлось. После этого дела… Директор в курсе должен быть.

– Он в курсе. Только вот новость дошла: ты на махамбетовцев как работал, так и продолжаешь работать. На двух стульях усидеть хочешь? Где товар?

– Это кто ж тебе такое сказал? – оскалился Север.

– Гарик твой. Которого ты в Каме утопить хотел.

– Хех! Ты это… хорош гнать! Кого ты слушаешь-то вообще?

– А ты че такой дерзкий?

Толян как бы невзначай резко взмахнул рукой.

Со стороны завода щелкнул снайперский выстрел. Стоявший с краю молодой по прозвищу Серый охнул и начал оседать, хватаясь за живот.

Север и его кодла разом, словно по команде, выхватили пистолеты, готовые изрешетить Толяна и всех, кто с ним приехал. Они явно ждали этого выстрела. Через долю секунды их пальцы уже вдавили бы курки, но именно этой доли секунды хватило Толяну и его друзьям, чтобы взять недругов на мушку. Исход сражения был предрешен до его начала.

– Стволы в землю, гниды! – взревел Толян.

Наступило оцепенение.

Север, как затравленный волк бегал глазами по вражеской шеренге, останавливая взгляд то на дробовике в руках Карима, то на коротком спецназовском «Вихре» в руках незнакомого здоровяка.

Перевес был не в пользу напавших. К тому же ярко зажженные фары джипов били прямо в глаза, мешая сосредоточиться.

– Вы че, фраерки, еще не въехали? – Север усилием воли заставил себя презрительно усмехнуться. – У нас там снайпер сидит! Через пару секунд вы все деревянные бушлаты наденете!

Он злорадно поглядел на корчившегося в агонии Серого, который почему-то уже не корчился и не истекал кровью, а преспокойно сидел на земле, подняв руку с пистолетом.

– Твой снайперок в котельной с открученной башкой лежит, – сухо объявил Каленый.

У Севера екнул кадык, глаза испуганно заморгали, как у перетрусившего подростка.

– Стволы в землю! Или кишок не соберете! – прорычал Толян.

Одно за другим черные дула медленно поползли вниз, боясь все же опуститься до конца.

– Амба! – довольно осклабился Толян, выхватывая зубами сигарету из пачки. – А теперь колись, сука! Откуда борзоты набрался? Кому надо? Чья затея?

– Махамбетова, – выдохнул Север.

– Да неужто! Старик умом двинулся, да?

– Н-не знаю. Он мне сказал…

– По чесноку ответишь – не убью.

– А, сука… м-мать… Булат!

– Хм! Булат?

– Хотел Директора с казахами стравить! Ты ж его любимчик. Я б тебя грохнул, а все стрелки на Тимурыча. Аванс отвалил щедрый. Нам-то один хрен, что вы, что степняки – от кого пулю в спину получать!

– Со снайпером сам придумал?

– Да.

– Дурак! Пулемет бы лучше взял.

Толян сплюнул Северу под ноги.

– Бог видит, Толян, не хотел я твоей смерти! Сам ты до этого дерьма довел!

– Короче, чтоб через два дня деньги за груз были у Директора. А нет – будем с тобой разговаривать по-другому. Понял?

– М-м…

– Исчезни!

Север с опустошенным видом начал поворачиваться к машинам.

– Погодь! – улыбнулся Толян. – Щас фейерверк будет.

Каленый достал мобильник и что-то мягко сказал по нему загадочным полушепотом.

Со стороны завода щелкнуло. Взорвалась шина одной из иномарок. Щелк! Вторая. Щелк! Треснули стекла.

Когда обе машины пришли в жалкий вид, Толян бросил Северу в лицо рублевую монету.

– На автобус!

Север, стиснув зубы, зашелся бессильной витиеватой матерщиной.

– А все-таки, шеф, как ты узнал про западню? – спрашивал Сашок, когда они мчались в кабак праздновать победу.

– Я те сто раз уже рассказывал!

– Оно-то понятно! А главный источник?

– Это только я и Директор знаем, понял?

– По-онял…

Толян подумал, что надо будет попросить болвана состряпать какую-нибудь безукоризненно убедительную ложь.

«Как бы Директор не заподозрил чего…»

Он закрыл глаза под тихий бархатный баритон Круга. Впервые за долгое время у него было право не думать ни о чем.

Последний росс

– Не-ет, не согласен я с вами. Ра-ди-каль-но! – говорил Борис Генрихович, опять неумело забрасывая удочку. – Россия, которую вы рисуете… Слушайте, ну вы же знаете, что тот же Пушкин для публикации писал одно, а в переписках своих личных совсем другое. Вы вспомните его строки: «И нежно чуждые народы возлюбил! И мудро свой возненавидел!» Мудро! И это писалось, когда, как нам сейчас кажется, Россия пребывала на пике своего процветания и могущества. Ненавидеть ее было мудро! С чего бы?

– Для меня русофобия Александра Сергеевича не секрет, – брезгливо промолвил Аркадий Романович, скорбно глядя на искрящуюся рябь. – Пушкин и не такое писал. Особенно, когда страдал желудком в ссылке.

– Вот, вот! Любой, кто тогда жил и мыслил, видел, на каких ничтожных ниточках держится все это хваленое благополучие.

– И что же для вас Россия, уважаемый Борис Генрихович? – Аркадий Романович с высокомерной заинтересованностью поднял свои ястребиные брови.

– Все просто. Мы гибрид Европы и Африки. Народ, ставший жертвой тяжелейшего климата и огромной территории, в которую вцепился и с которой не знает, что делать.

– Да-с… И правда, как все просто!

Борис Генрихович снизу вверх глядел на статного, широкоплечего человека лет сорока с холодными глазами и светло-русыми усами на бледном истинно офицерском породистом лице.

«Куда меня несет?» – подумал Борис Генрихович, чувствуя, что все равно уже не остановится.

– Стало быть, по-вашему, Россия – это нечто уродливое, косное, беспутное и несамодостаточное.

– Ну знаете… Коли рожа крива, надо иметь смелость взглянуть в зеркало!

– Хм! Вы, я гляжу, большой любитель переиначивать чужие цитаты?

Он достал из серебряного гравированного портсигара сигарету и начал задумчиво перекатывать в пальцах, не спеша зажигать.

– А как вам путевые записки Фонвизина о Европе? Там ведь тоже все не так было гладко, как вам нравится думать.

– О-ой, ну ради бога! Перечитайте еще раз, вы поймете, что это совершенно несерьезные, полупародийные в сущности ворчалки. Знаете, это все равно, как наши сейчас ездят в Америку и поражаются: у них-де, оказывается, тоже бомжи на улицах есть, и мусор кое-где, и грязь, и дома стоят не ремонтированные…

– У вас клюет!

– А… все уже… Надо бы потише говорить.

– Надо.

– Вы знаете, – Борис Генрихович утер капающий с бровей пот. – Дело ж не в этом. Кошмар нашей жизни не в том, что где-то грязно и штаны не на что купить – везде так. Но вот представьте: Российская империя (которую мы пролузгали, пропили, проплевали), начало двадцатого века. Не восемнадцатого, не семнадцатого – двадцатого. Две деревни, по ту и по эту сторону реки. В одной люди едят, в другой мрут с голоду. Об этом все знают, в том числе местная администрация. И никто не подумает о том, чтобы доставить голодающим на ту сторону продовольствие. А зачем? Вот это вот… Для сравнения! В современной Африке – я вам приведу интересный факт (сам, когда услышал, не поверил!) В какой-нибудь условной Анголе стоят рядом два селения. Оба совершенно дикие. Но в одном жители освоили колесо, а в другом нет. И вот те, что освоили колесо возят свои тачки мимо тех, кто не знает, что это такое. И им не приходит в голову обучить своих… как-никак сограждан самому элементарному механизму. А у тех нет ни малейшего интереса. То есть это особая африканская модель взаимоотношений, когда всем на всех наплевать.

– И нам она присуща.

– Да! Именно!

– Ваши измышления надо было бы зачитывать кайзеровским солдатам перед атакой для поднятия боевого духа. Про русских, не освоивших колесо…

– Так! Вы-ы искажаете мои слова!

– Простите. После контузии, полученной в Афгане, из-за которой я не попал в Чечню, я мог не расслышать некоторые нюансы.

Он косо смотрел на Бориса Генрихович, как на огромную говорящую вошь.

«Началось!» – подумал Борис, шмыгнув недавно разбитым носом. – «Теперь либо врежет, либо вызовет на дуэль!»

Но Аркадий Романович ничего не сказал и вновь устремил взор в сверкающую мозаику бегущих волн.

– А вас не интересовало, почему люди на фотографиях, сделанных сто лет, назад выглядят б*о*льшими людьми, чем живущие в наше время?

– Это кто же?

– Ну… скажем, дворяне, офицеры.

– О-о! Ну а почему не всякие Сидоры-Пахомы?

– Потому что я не про Сидоров говорю!

– Ну тут, по-моему, все очевидно. Поколения людей, выращенных в тепличных условиях…

– Не-ет! Этот… – Аркадий Романович кивнул в направлении, где в нескольких километрах стоял особняк бандита. – Тоже своих детей в тепличных условиях вырастит. И в Париже они у него будут на «Феррари» гонять, и на Гавайях ляжки греть, и в Лондоне образование получат. У них, по-вашему, когда-нибудь будут такие лица?

– Нет.

– Это не вопрос благосостояния, Борис Генрихович. И не

вопрос чистоты крови.

– Энтшульдигунг, а что конкретно вы имеете в виду? Красивых лиц сейчас тоже не так мало.

– Что конкретно? Глаза! Вы видели эти глаза?

– Э-э…

– Это глаза людей, подсознательно готовых к смерти. Таких глаз сейчас нет ни у кого.

– Я бы не сказал.

– Как вы думаете, – продолжал Аркадий Романович, сумрачно понижая голос. – Почему в самые тяжелые годы Второй Отечественной наши офицеры вставали и первыми шли в атаку на вражеские пулеметы? Не отсиживались в уютных землянках, как тридцать лет спустя. Не тыкали солдатам в спину пистолетиком. Среди них было немало тех, кто, как вы выразились, всю жизнь рос в тепличных условиях.

– У вас очень романтизированные представления…

– В Афгане, – Аркадий Романович не слушал его. – Не было и пятой доли того ада, который творился под Танненбергом, в Галиции или в Карпатах. Но я видел, как крепкие с виду парни, любящие помахать кулаками, за пару месяцев превращались в конченых тряпок, в размазней, готовых уползти от войны в песок. А потом, вернувшись, спивались, сходили с ума или резали себе вены. Как же так? Кстати, у вас клюет.

– О! Сорвалось… Да, ну так и что?

– Да-а, эти люди были готовы умереть за страну и за веру! Они постоянно носили за плечами свою смерть!

Борис Генрихович хотел рассказать пару пикантных историй из жизни князя Юсупова, но понял, что рискует: в глазах собеседника разгоралось нешуточное пламя.

– Конечно, никакого Гитлера бы не было, если б не Ленин! Но, уверяю вас, Борис Генрихович, если б империя стояла вместо СССР, хотя бы в том виде, в каком она была при Александре Третьем, мы к сорок второму уже вошли бы в Берлин!

– На арендованных французских танках? – Борис-таки против воли съерничал.

– Да хоть и на них! С теми людьми… с теми олимпийцами, которых бросили на смерть, как солому в огонь, можно было своротить горы!

– Можно было, да. Но…

– И знаете что? – тихо продолжил Аркадий Романович, начав остервенело наматывать леску и глядя совсем уж жутко сквозь сощуренные веки. – Мне все чаще кажется, что только эти люди и имели полное право называться русскими. А вся остальная… сволочь…

– Что, простите?

– Сволочь, вы не ослышались! Которую совершенно справедливо проклинал до седьмого колена Бунин в «Окаянных днях». Все эти безродные кривоногие, рябые дворняги…

Бориса Генриховича передернуло. На миг ему почудилось, что рядом с удочкой в лапах стоит голодный и злой красавец-тираннозавр, для которого все млекопитающие –

безродная сволочь.

– Вы что же хотите сказать…

– То самое. Извините.

– Так вот оно что… – Борис почувствовал, как у него от гнева начинают подрагивать пальцы. – Вот она, ваша Россия, по которой вы так тоскуете! Плантация! Южная Африка времен апартеида. Белые, значит, на виллах, в пентхаусах, а всякая чернь в-вроде нас…

– Да. Это идеальный порядок, какой здесь только возможен.

– Да вы, батенька…

– Я россофил. Всего доброго.

Он бросил на Бориса уничтожающий взгляд и, взяв пустое ведро, направился к своему «Запорожцу».

«Мальчик!» – шипел про себя Борис Генрихович, сжимая кулаки. – «Корнетик драный! А ведь все с мамочкой живет, грядки ей копает! Да ему ж только волю дай… Он же всех тут сожрет! Россофил…»

Борис закрыл глаза и медленно сосчитал до двадцати. Ему снова захотелось в мирное брежневское безвременье.

Деньги!

Лениво плескаясь в лавовой купели, джинн Ифрит, верный слуга аш-Шайтана, опытный соблазнитель, растлитель и губитель смертных, сквозь пелену дремоты разглядывал

из четвертого измерения сильно изменившийся за время его пятисотлетнего сна человеческий мир.

Подобием перископа служили глаза глиняной статуи, которую он избрал в качестве своего временного вместилища.

Все шло неплохо. Люди почти не менялись. Даже в этом незнакомом краю, в эту странную эпоху со всеми ее фокусами и новинками, пороки продолжали существовать в незамутненном виде. Пожалуй, они даже кристаллизовались, благодаря угасанию в людях веры.

Он не без удовольствия вспоминал, во что превратил цветущее некогда царство Сулеймана ибн Дауда с его дворцами, райскими садами и восторженными подданными. Не помогли царю его ручные джинны, властью над которыми он так гордился. Надо было лишь до самого конца корчить из себя тихого, преданного слугу и заверять царя, что он будет жить вечно.

С мордастым дураком все обещало сложиться гораздо проще, быстрее и веселее. Правда дурак был всего лишь богачом, а не властителем этой земли. Однако и времена настали другие.

Как-то по ящику, сквозь который дурак смотрел состязания и узнавал новости, один молодой, до смешного наивный воин спросил: «В чем сила? Разве в деньгах?» Ифрит бы прослезился от умиления, если б был способен плакать. Да, мой глупец! Деньги! Деньги! И еще тысячу и один раз деньги!

Первый сон

Жаркое тайское солнце озорно и нагло пекло сквозь закрытые веки. Толян кое-как разлепил правый глаз и вспомнил, что все еще лежит в шезлонге на белом пляже острова Самуй. Что перед ним искрится, переходя из зеленоватой прибрежной лазури в густо-синюю бесконечность океан. Что в вечно голубом безоблачном небе медленно кружат, подгоняемые ветром белые точки каких-то птах. Что за спиной качают крылатыми листьями пальмы, и ждет уютное бунгало с кондиционером и ледяным пивом.

Толян пошевелился. На миг заподозрил, что обгорел.

«Вроде нет…»

Хотелось пить. Лежать было жарко и скучно. Идти купаться по раскаленному песку – противно и лень. Возвращаться в дом – просто лень. Оставалось лежать.

Следующие десять минут Толян провел, наблюдая за маленьким белым парусником в океанской синеве. От нечего делать он представил, как огромная доисторическая акула выныривает из глубин, одним махом откусывает половину суденышка. Человечек вместе со своей девахой падает в воду, что-то там кричит, зовет на помощь. У него еще есть время доплыть до берега, гигантская тварь не сразу обратит внимание на двух ничтожных малявок. Но он не хочет плыть, он машет руками, захлебывается, хватается за бабу и орет, орет, орет, как любой европейский козел…

До уха донеслось треньканье мобильника. Раскосая длинноногая кукла-барби по имени Ваан бежала к нему с сотовым в руке с выражением глубочайшей тревоги на своем фарфоровом личике.

– Оу, миста! Ё мобайл, плиз!

– Сэнькю! – буркнул Толян, беря мобильник и любуясь ее приплясывающими на жгучем песке крохотными лапками. – И принеси мне эту… ну… ботл бир!

Он приложил мобильник к уху. Звонили от Директора. Дремота и лень слетели в один миг.

Толян почти ничего не отвечал, только вяло повторял: «да» и «ага», мрачнея с каждой секундой

Он не заметил принесенного пива. Потом встал и, выдохнув: «Хорошо, разрулю!» быстро направился к дому.

Войдя, Толян немедленно выставил за дверь Ваан и Юй, велев девкам пойти поплавать. Сдернул с болвана белую простынь, которой тот все время был накрыт.

– Проблема! Слышь! Дела плохо пошли! Деньги нужны… много денег!

Он отыскал бумажник и принялся щедро кормить истукана долларами. Но вдруг оцепенел.

«Это я что же… прошу у него денег и сам же ему деньги даю?»

Это походило на дурацкий каламбур из юмористического шоу.

«А зачем ему вообще деньги?» – задался Толян новым,

доселе не посещавшим его вопросом.

– А зачем тебе бабки? Ты че с ними делаешь?

Болван оскорбленно выплюнул долларовую бумажку.

– Да нет, я же не в обиду! Ну ешь, ешь, епт! Мне не жалко. Тебе зачем деньги нужны, ответь! Ты там их перевариваешь что ли?

Болван проигнорировал вопрос.

– Так, ладно! Мне денег надо семьсот тыщ, срочно! Проект горит! Понимаешь? Директор мне за них глаз натянет кое-куда! Давай там, я не знаю… Кинь мне идею, где бабки взять. Или сам че-нибудь сделай. Слышишь?

Толян присел на колено, гладя копилку по узколобой голове.

– Если тебе не деньги нужны, а что-то другое, ну… дай мне понять. Че те, кровь моя нужна? Душа? Бери!

В голове мелькнули кадры из какого-то исторического фильма, где кровью окропляли жертвенник в капище.

За весь день он ничего не добился от болвана и долго ворочался в постели без сна. Шумел кондиционер, пищали москиты. Все было мерзко, тошно и постыло.

Толян думал о встрече с Директором, о своей тайне, которую сейчас уже трудно, а в скором времени вообще станет невозможно скрывать.

«Не засну…» – подумал Толян. И ошибся.

Он стоял на ступеньках собственного дома в Глухово. Солнце сияло так, что из его лучей, как из живых нитей, ка-

залось, был соткан весь знакомый пейзаж. Если только это был тот пейзаж, который знал Толян. Газон перед его домом отчего-то очень походил на славное золотисто-зеленое футбольное поле, на котором играть босиком одно удовольствие.

Толян с наслаждением зажмурился. Такого теплого и родного солнца он не видел уже много лет. Даже тайское не шло с ним ни в какое сравнение.

По мощеной плиткой дорожке к его ногам подкатился круглый рыжеватый предмет, на котором вдруг проявилось чудн*о*е, веселое лицо. Не человеческое, но какое-то сказочное, мультяшное, с широкой, точно нарисованной улыбкой и озорными глазами.

– Привет! – крикнуло существо звонким голосом.

– А-э… Ты кто? – не понял Толян.

– Ну кто, как думаешь? Колобок наверно!

– Э-э… Че… Из сказки что ль?

– Из твоего сна! Я тебе снюсь.

– А-а… Ну… привет! Чего хочешь?

– Поглядеть на тебя хочу.

– Ты че, меня знаешь, что ль?

– А ты меня нет?

– Не-а.

Хотя по правде необычный гость показался Толяну смутно знакомым.

– О, дает! Считай, росли вместе – не помнит! У тебя что вместо мозгов, капуста американская?

– Ну ты… не больно-то! – возмутился Толян. – Щас как дам!

– Во-во, давай! – обрадовался колобок, подпрыгнув на месте. – Врежь, блин, так чтоб я своих не узнал!

– Че, серьезно?

– Ага.

– Я ведь и убить могу.

– Меня не убьешь! На меня один раз «ЗИЛ» наехал, и то, как видишь, жив, здоров!

– Ла-адно! – Толян размахнулся и со всей силы пнул под зад колобка, так что тот, подскочив на пять метров, чуть не улетел за забор.

– Э-эх, хорошо! – с неподдельным наслаждением промолвил колобок, прикатываясь назад.

– А-а, так ты мяч мой!

– Ну слава те, господи, признал!

Толян вспомнил свой старенький кожаный футбольный мяч, который получил на свой пятый день рождения и с которым провел во дворе все детство.

– Хех! Я тебя и забыл совсем!

– Да… А футбол-то еще смотришь хоть?

– Как же! Смотрю.

– Ты это… давай, попинай меня как следует! Ты же хочешь, вижу!

Толян поднял мяч, и неуверенно погладил его затертый бок.

– Да я уж разучился, небось. Сколько лет прошло.

– Давай, давай! Разговоры! Как говорил наш тренер.

Толян пошел на газон, и вдруг почувствовал себя молодым, сильным и сноровистым.

– Вот так, видишь! А ты сомневался! – подзадоривал мяч подлетая вверх и приземляясь то мысок, то на колено хозяина. – Эх, здорово! Круто! Бэкхем, ё-мое!

– Не Бэкхем, а Воронин! – пыхтел Толян.

Он вспомнил, как в десять лет мечтал стать профессионалом и играть за сборную. Как ходил в секцию. Как быстрее всех бегал кроссы и доигрывал матч, несмотря на сломанный палец.

– Вот время было…

– Хочешь туда вернуться?

– Не-е, – сказал Толян, подумав, и ловко поймал мяч одной рукой. – Тоска… нищета, совок. Пошло оно все! Ни о чем не жалею!

– Счастлив, значит?

– Представь!

– А с богом тогда почему не в ладах?

– Расплаты боюсь, – неожиданно для себя честно признался Толян. – Наворотил много.

– Значит, несчастлив.

– А кто счастлив-то? Старики без пенсий? Йоги тибетские? Кто?

– Не знаю. А ты несчастлив.

– Ну и что?

– Счастья хочешь?

– Хочу.

– А ты хоть знаешь, что это такое, счастье?

– Конечно! Когда все желания сбываются.

– Так у тебя ж они теперь и сбываются как раз!

Толян понял, что его ловко завели в тупик.

– Хм…

– Счастье – это другое.

– Ну короче, Склифосовский! Счастья нет, я что жалуюсь?

– А то, что желания сбываются, – продолжал мяч. – Тут все ох как непросто!

– В смысле?

– Да ты пинай меня, пинай… Желания сбываются и сами по себе, даже без глиняных болванов. Жизнь так устроена. И, ей-богу, не всегда оно к добру…

– Хрень несешь! Что значит, не всегда к добру?

– Что значит, то и значит. Повзрослеешь, поймешь.

Толян вдруг почувствовал, что мяч общается с ним один в один, как старый тренер Сан Саныч, которого он когда-то очень уважал.

– Разбей болвана, – небрежно посоветовал мяч. – И брось все к чертовой матери. Свали куда-нибудь, начни новую жизнь!

– Тебе легко говорить, колобок, блин! Ты от зайца ушел,

от медведя ушел. А я от Директора как уйду?

– Болвана сломай, потом будешь думать.

Мяч соскочил с его ноги и, шлепнувшись о землю, прыгнул за ворота.

– Пока!

Пирамида

С неба хлестал по-летнему напористый, но уже по-сентябрьски гадкий ливень.

Толян вылез из машины. Прикрываясь журналом и чувствуя ледяные пощечины ветра, от которых в Таиланде напрочь отвык, прошлепал в стеклянные двери главного офиса акционерного общества Гознак.

Все, происходившее с начала дня, напоминало какой-то дурацкий сон или голливудский фильм, где главного героя решили подло и крупно подставить.

Утром в дверь квартиры Толяна раздался неожиданный звонок. Стоявший на пороге курьер вручил ему пакет с официальным штампом Гознака. В соответствии с бумагами, Толян был обязан оплатить услуги по изготовлению призовых бонов в количестве пять миллионов штук.

У Толяна помутнело в голове. Первая мысль была, что курьер ошибся дверью. Вторая: что договор адресован его однофамильцу. Третья: что его, Толяна, хотят окончательно добить тайные враги.

Чтобы оплатить договор, а плюс к тому еще спасти проект надо было бросить в топку все свои накопления и вероятно продать автомобиль.

Толян несколько раз пролистал договор, выпил из крана воды, чтобы не умереть от накатившей жажды и, остервенело матерясь, набрал номер дирекции Гознака.

Надежда как-нибудь по волшебству вырулить из проклятого бреда рухнула, как только его соединили с директором.

Директор предприятия господин Хомяков так мягко, словно не раз имел дело с забывчивыми клиентами, напомнил Толяну, что не далее, как вчера Толян собственной персоной приходил в нему в офис, чтобы обсудить условия сотрудничества, согласовать внешний вид и номинал призовых бонов, и даже предоставил оттиск печати.

Поднявшись в офис Хомякова, Толян узнал, что дело обстоит еще хуже. Директор без тени смущения объяснил, что заказ был срочный, что он уже в работе, и уже имеются напечатанные образцы.

– Верочка, принесите пожалуйста образцы по заказу: двадцать два сорок четыре, – распорядился Хомяков по телефону.

– Но это был не я! Не я приходил, вы это понимаете? – взревел Толян, грохнув ладонями о стол.

– Анатолий Григорьевич, – снисходительно-психиатрским тоном промолвил директор. – Я бы мог вам поверить и даже усомниться в том, что вчера приходили именно вы, но

у меня есть записи камер видеонаблюдения. Если вам угодно, могу их показать.

На мониторе в первоклассном качестве Толян увидел изображение человека, очень похожего на себя, но, все-таки, (это мог почувствовать только он сам, лучше, чем кто бы то ни было знающий свою внешность) совершенно другого. Крупное лицо, широкий, презрительно искривленный рот, узко посаженные маленькие глаза под покатым лбом. Это была *его* рожа. Искусно загримированная колдовскими чарами под лицо хозяина.

– Н-но… это не я!

– Вы хотите сказать, что кто-то подготовил двойника с фальшивыми документами, заслал его к нам, чтобы зачем-то от вашего имени…

– Ну да! Н-наверно!

Директор пожал плечами и покачал головой.

– К сожалению, ничем не могу вам помочь.

Вернувшись домой, Толян ворвался в комнату, где в углу стоял болван, и в гневе замахнулся на него кулаком.

– Ты че творишь, сука?! Ты че мне тут устроил, а? Хоттабыч гребаный! Я че тебе, Мавроди? Тв-варь! Я тебя денег просил достать, а ты… С-сука! Как же я теперь… Я же ни черта не умею! Я же в этих финансах во!

Он постучал по деревянному комоду.

В голове вдруг прояснилось. Зашептал мысленный голос, навеянный волей истукана.

– Че… – Толян изумленно нахмурился. – В смысле? Я, значит, вообще не участвую? А-а… Сам будешь все делать, да?

На лицо наползла улыбка.

– Ла-адно. Поверю тебе. Все равно, блин, деваться некуда…

В один миг невыносимая гора обрушилась с плеч, Толян почувствовал себя в надежных руках.

– Только ты со своими чудесами поаккуратней! Мне вот этой фигни с двойниками не надо! Вообще сделай так, чтоб… Слышь! Чтоб никто толком не мог понять, что это я за всем стою. Запудри им мозги! Чтоб ни моего имени, ни фото, ни подписи, никаких следов! Ты же джинн!

Толян понял, что болван принимает условия.

– Окей. Давай, давай, включай свой насос. Башка!

Он довольный вышел из комнаты, не решаясь до конца поверить, что все опять в норме.

Снова захотелось на Самуй.

Цирк урода

Коля вышел из ворот школы и с ходу пожал сухую дядину ладонь.

– Ну привет, Коляныч! – фыркнул дядя Вова, обдав Колю табачным дымом.

Коля не любил это прозвище, но смолчал.

Они сели в серую дядину «Девятку» с помятой дверью.

– Как учеба? – это был первый ритуальный вопрос, ответ на который дядю нисколько не заботил.

– Ну так… нормально, – вздохнул Коля.

Слава богу, врать не приходилось.

– М-м… А невеста? – второй, самый идиотский вопрос.

– Нету пока.

Про Колины занятия плаваньем дядя Вова даже не вспомнил.

Дядя включил радио. Коля вдыхал запах знакомой, но совершенно чужой машины с толстым, обшитым бурой кожей рулем, с пеплом на сиденьях и скорбно глядящими из-под потолка ликами святых.

«Ne-ey na-na-na! Ne-ey na-na-na!» – пел развязанный женский голос, нагоняя скуку.

Этот хит приходилось слушать с самого детства.

– А у вас как дела? – спросил Коля.

– Да… так, – дядя сделал неопределенный жест рукой, которой до сих пор не касался руля, и вдруг ударил по сигналу. – Ш-штоб тя! Права понакупили, чурки драные!

Разговор, похоже, был окончен. Дядя, раздраженно сопя, повернул колесико автомагнитолы.

«Вся-яко ра-азно, э-это не зара-азно!»

– Опять эта х… – проскрипел дядя.

«Рекламная служба Русского радио: девятьсот тринадцать девять девять шесть три!»

«Осталась зона где-то позади. Ах как свобода щекотала пятки! Так билось сердце радостно в груди…»

Дядя продолжал вертеть.

«Сейчас очень сложное время. У кого-то падает курс, у кого-то встает солнце на горизонте. Я выбираю безопасную рекламу!»

«I can make you feel so right. Be my la-ady of the night…»

Наконец, пройдясь по всем радиоволнам, остановился на обсуждении обманутых вкладчиков.

– Вот так и живем… – мрачно проворчал дядя.

– А при чем тут цирк уродов? – спросил Коля, услышав среди тоскливой экономико-политической муры гротескное словосочетание.

– Ну а кто они еще-то?

Коля не знал, что этой зимой по стране прокатилась эпидемия афер. Преступления носили разнообразный, но всегда мутный и при том совершенно вопиющий характер: от масштабных финансово-вещевых пирамид и невиданных по наглости афер в госструктурах до учреждения фиктивных фирм, поддельных авизо, обмана с недвижимостью и псевдолотерей.

Социологи объясняли это тяжелым состоянием общества после дефолта, от которого страна только начинала оправляться. Но было в этой эпидемии и что-то таинственное, не поддающееся пониманию. Во-первых, все началось внезапно, словно по чьей-то команде. И так же внезапно закончи-

лось. Во-вторых, раскрываемость даже самых простых дел была постыдно низкой. Не только организаций, но даже физических лиц, осуществлявших преступные схемы как бы не существовало. Их не могли отыскать ни по персональным данным, ни по фотопортретам, составленным сотнями свидетелей. Не могли найти и деньги, которые будто бы исчезли из природы, улетев в черную дыру. Не помогло содействие иностранных спецслужб. Следственный комитет ломал голову, журналисты проклинали разложившуюся систему и подозревали заговор, кто-то даже искал во всем этом мистическое начало.

Толпы митингующих с плакатами осаждали двери солидных учреждений, сотрясая морозный воздух пустыми требованиями и размахивая ничего не стоящими бумажками. Система, даже вернись она к сталинским методам, не смогла бы им помочь. Зацепок не было никаких. Кроме, пожалуй, одного странного факта. Факта, на который обратили внимание все эксперты, и тоже необъяснимого. На всех без исключения фотопортретах мошенников, чье существование стояло под большим вопросом, были изображены похожие друг на друга, хоть и далеко не идентичные мужские и женские лица. Все они были зловеще некрасивы с мелкими, близко сидящими глазами на широких бульдожьих физиономиях. Какой-то журналист в шутку окрестил эту плеяду цирком уродов, полагая что за аферами стоит единая крайне могущественная и разветвленная криминальная структура.

Автор перла не подозревал, что урод был всего один. Да, к тому же, не человек, а предмет. Предмет, в чье бездонное нутро с тихого одобрения хозяина со всей страны стекались многомиллионные потоки. Джинн не был способен создавать деньги из ничего. Он мог только брать их.

Толян, несмотря на некоторую робость перед могуществом древнего духа, не мог не тешить себя мыслью о грядущих золотых россыпях. Финансовые проблемы давно уже были решены, дела шли лучше, чем когда бы то ни было, Директор был доволен.

– Я король! – шептал Толян среди ночи, не в силах заснуть от накатывающего возбуждения. – Я бог! Все будет мое!

Хорошенько подоив народ, можно было переходить на новый уровень. Можно было убрать Директора и самому занять его место. Можно было взлететь, стать олигархом, купить Кремль и править оттуда всей чертовой страной. А, может, и целым миром?

«Целым миром на пару с *ним*. Если он только меня не…»

Сон, как всегда, накрыл нежданно.

Второй сон

Толян с удивлением осознал, что на дворе лето, а он лежит в шезлонге на своей даче в Глухово в синей мгле теплой звездной ночи.

Он поднялся, смутно заподозрил, что спит. Сон ему, впро-

чем, пока что нравился.

«Может, опять с мячом поболтаю?» – подумал Толян, обводя взглядом окутанный тайной забытья мир.

Над головой шевелилась и дрожала жемчужная россыпь.

Звезды – гвоздики, которыми темнота приколочена к небу – так вроде давным-давно шутил над маленьким Толяном его отец.

В черных зарослях горели светлячки. Грустно пел сверчок.

Толян встал с шезлонга и пошел за ворота в сторону реки. Под ногами тихо шуршала трава. Сонно перешептывались листья, и плескались робкие волны.

На берегу, опустив ноги в воду, сидела отливающая зеленоватым светом и вся какая-то полупрозрачная, совершенно голая девушка с длинными светлыми, похожими на подводную траву волосами.

Толян застыл как вкопанный и что-то промычал. Девушка обернула к нему свое прекрасное лицо.

В ее волосах белела кувшинка.

– Садись, – сказала она спокойно, словно ждала его прихода.

Толян, робко подойдя, неуклюже опустился на траву.

– Ты кто? – наконец, выдал он.

– А сам как думаешь?

Разглядывая девушку (точнее силясь разглядеть ее лицо отдельно от всего остального), Толян никак не мог выудить

из памяти нужного образа. Девушка напоминала ему слишком многих и никого конкретно. Казалось, она была слита из всех девчонок, которые ему когда-то нравились.

– Почему… без одежды-то? – хмуро спросил Толян, чувствуя в теле волнующий зуд.

Даже во сне он не любил столь наглых провокаций.

– Ну так это же сон, – улыбнулась девушка. – Причем твой. Кого стесняться-то?

– Хорошо-о!

Сон нравился Толяну все больше.

– Ты…

– Русалка, – просто представилась девушка.

– М-м… Ну и? О чем говорить будем?

– Колобка ты не послушался.

– Почему? Я… еще пока думаю. Может, сделаю, как он сказал. Времени-то полно.

– Нет, времени мало, – вздохнула русалка.

Толян заметил, что внутри ее призрачного тела, как в стеклянном сосуде резвятся какие-то серебристые головастики и пузырьки. Пальцы сами потянулись к этому чуду. Русалка заметила его движение, но никак не воспротивилась.

– Либо ты это сделаешь сейчас, либо никогда. Понимаешь?

– Да ладно…

Толян как-то непривычно скованно и неумело начинал щупать ее бока, бедра, словно трогал женщину первый раз в

жизни. Руке хотелось причинять боль, но чей-то голос внутри запрещал это делать.

– Знаешь, какую тварь ты притащил сюда и оживил всем нам на погибель? – невозмутимо продолжала русалка.

– Ну притащил-то, кстати, не я, а этот… старый хрен.

– Чего ты хочешь?

Лапа Толяна переползла ей на грудь.

– Посмотри на меня и скажи, чего ты хочешь, чтобы стать счастливым?

– Тебя для начала! – не выдержал Толян.

– Ага! – ухмыльнулась русалка, дернув плечом и сверкнув глазами. – Я тебе не Ваан!

– Ну и надела бы тогда что-нибудь, чтоб глаза не мозолить! – рассердился Толян. – Нашлась тут!

– Денег хочешь? Власти? У тебя же и так все это есть. Славы хочешь?

– Н-не знаю.

– Свободы хочешь, – проникновенно молвила русалка, глядя Толяну в глаза. – Хочешь, а боишься! Боишься все растерять.

– Свободы без денег не хочу! Видел я такую свободу без штанов, блин… в гробу в белых тапочках! Батя мой был нищий, дед нищий…

Русалка засмеялась тихим, журчащим как ледяной ручеек, презрительным смехом.

– Забыл ты свое счастье, Толик.

– Какое еще счастье? Где оно, счастье?

– Думаешь, счастье – это на островах всю жизнь задницу греть? – жестко заговорила русалка. – Или на трех «Меринах» разъезжать? Или меня на траву повалить? А? Это счастье?

– А че, нет?

– Смотри!

Русалка вдруг обхватила его сзади и с неожиданной могучей силой опрокинула в реку.

Глаза заволоклись пузырящейся мутью, уши заложило.

Над Толяном простирался синий небосвод. Горело радостное весеннее солнце. Толян, а точнее, еще не Толян и даже не Толя, а Толенька сидел на плечах у папы. Рядом шла мама, молодая и красивая, с букетом красных цветов.

Кругом было полно людей. Все улыбались. Все куда-то шли, навстречу какому-то прекрасному событию. В какой-то светлый горизонт, за которым высился храм Василия Блаженного и красная башня с часами и звездой.

Громко играла музыка. Колыхались алые флаги, плыли воздушные шарики. На странном доме, похожем на пирамиду, стояли какие-то люди в темных одеждах, среди которых, как рассказывал папа, стоял тот самый. Самый-самый-самый главный. Толя почему-то был уверен, что это должен быть самый высокий и сильный человек из всех. Он вовсю пытался разглядеть его.

А люди все шли и шли. И он плыл над ними, сидя на ве-

ликаньих папиных плечах. И рядом шла мама.

Толян вспомнил все. Вспомнил, что такое счастье. И так сладко и в то же время нестерпимо горько сделалось на сердце, что в глазах зашевелились слезы.

Он вынырнул. Русалка, улыбаясь, подала ему мокрую ладонь. Толян, плюясь и кашляя, с трудом вскарабкался по скользкой траве на берег.

– Ну что, вспомнил?

Толян не ответил, тяжело потупив взгляд. Русалка потрепала его по бритой голове.

– Разбей болвана.

– Ага. А что потом?

– Потом… суп с котом!

Она лягушачьим прыжком сиганула в воду и исчезла в фонтане брызг.

Паломничество

Отец Савелий вышел из подъезда с большой клетчатой сумкой на плече, туго набитой книгами.

Апрельское солнце ударило в его усталые, красноватые от бессонницы глаза.

«Вот и солнышко до нас соблаговолило…» – без особой радости подумал священник, чувствуя на щеках едва ощутимые добрые поцелуи лучей.

На деревьях по-весеннему щебетали птицы. Крякали ка-

чели.

– Здрастите, Савелий Лазаревич! – прошамкала съежившаяся на скамейке, укутанная в шерстяной платок крохотная старушка.

– Здравствуй, здравствуй, Степанида Ивановна, – задумчиво ответил отец Савелий.

Он остановился. Вдруг, словно о чем-то вспомнив, вынул из сумки маленькую книжицу в дешевой серой обложке и протянул Степаниде.

– Вот, возьми. Подарочек. Тебе и внукам.

– Ой! Что ж это такое! – испугалась старушка. – Вы нам уже и книги дарить? О-ой-и…

– Да, да, да. От всей души, – смиренно вздохнул отец Савелий, без удовольствия слушая охи и причитания взволновавшейся соседки.

Он поправил на плече тяжеленную сумку и, что-то меланхолично шепча себе под нос, продолжил путь.

Вторую книгу он оставил на пустой дворовой скамейке. Третью подарил двум девочкам, игравшим в классики. Четвертую оставил на остановке. Пятую в троллейбусе. С шестой вышла неприятность: зачуханный, злобный солдат, пролистав книгу, демонстративно отшвырнул ее и с кривой усмешкой покрутил пальцем у виска:

– Проблема у тебя, дядя!

Отец Савелий скорбно перекрестил его, как покойника.

– Это чего вы мне даете-то? – сонно пробубнил лежавший

на лавке заскорузлый мужичок в мятой одежде.

– Это «Ковчег». Книга о грядущих событиях. О том, как надо изменить свою жизнь, чтобы спасти не только тело, но и душу.

– Чего?

– Свод мирских правил. Что-то вроде «Домостроя».

– А-а… Мне не надо! Я домов не строю, – отмахнулся мужик, тряхнув мутной головой. – Я ж это… по направленности-то автослесарь, не плотник! Пятый разряд у меня. А зарплата – хоть в гроб! С-суки… А вчера, слышь, пришел – жена, собака, дверь не открывает! Заначку нашла.

Отец Савелий долго передвигался по своему импровизированному маршруту с постепенно худеющей сумкой. С тоской думал о судьбе своего труда, который в лучшем случае откроют пять или шесть человек. А ведь сколько денег на тираж ушло…

«Скупец!» – одернул себя священник.

Доехал на метро до Пушкинской.

Под чистым прохладным небом кроны бульваров едва зеленели. Бронзовый Александр Сергеевич печально разглядывал цветы у своих ног. На его голове снова сидел голубь (куда ж без него!)

Отец Савелий двинулся к Красной площади, мрачно озирая тупые, лощеные, зубоскалящие лица на рекламах, жмурясь от нагло сверкающих, шумных иномарок, высматривая непристойное белье на манекенах, сторонясь пьющих пиво

мужчин и женщин на сумасшедших каблуках, в обтягивающих тонкие ноги новомодных джинсах (или того хуже, в юбках на три пальца выше колен). Отовсюду веяло дикарской, совершенно языческой беззаботностью и порочным самодовольством. В воздухе бродил хаос.

– Харе Кришна! Кришна харе! Харе, харе! Кришна харе! – самозабвенно вопила процессия людей в восточных одеяниях с почти лысыми головами. – Кришна, Кришна! Харе, харе!

– Откуда повылезали, господи! – взмолился отец Савелий. – Что им здесь, Индия?!

– Не пр-роходите мимо! Зах-ходите! – истошно ревел мегафон. – Только для вас, только сейчас и только у нас…

Шестилетний мальчик носился между ног, обстреливая прохожих из пищащего бластера.

Отец Савелий положил книгу на асфальт, рядом с сидящей на коленях нищенкой. Самообладание и чувство реальности покидали его с каждой минутой.

За последние десять лет он был в центре всего пять раз, и каждый такой поход заканчивался для него бессонной ночью, полной гнетущих дум.

Из «Фольксвагена» взвизгнул голосом кастрата Майкл Джексон. Размалеванный дурак в скоморошьей шапке сунул прямо под нос рекламный флаер.

Когда же в витрине книжного магазина посреди Тверской отец Савелий увидел вдруг переведенные на русский книги

сумасшедшей англичанки в красочных обложках, то почувствовал, что может не выбраться из этого ада живым. Он выронил сумку, прислонился к стене и, плотно сжав веки, шепотом принялся читать молитву.

– Отец, те че плохо?

Перед ним стоял узколобый, коротко стриженный парень в дорогом костюме с бейджем.

– А… н-нет. Все хорошо…

– Ну так иди!

«Забирай меня скорей! Увози за сто морей! И целуй меня везде! Восемнадцать мне уже!»

– Мерзость! Гной! – шипел отец Савелий, дыша, как больной сердцем глубокий старик.

На крыше гостиницы «Москва» огромными буквами красовалось название марки пива.

– Господи… Ты же все это видишь! Ты же знаешь, к чему все идет! Отчего же… К-как же ты позволяешь им…

Косматый байкер в рогатом шлеме, оглушительно трындыча, пронесся мимо. У отца Савелия заложило уши.

Девочка лет двенадцати жадно ела хот-дог и сосала из банки напиток из листьев коки.

– Сгорите! Все сгорите! – вскричал он вдруг, не слыша самого себя в шуме машин.

Он чувствовал, как от гнева у него заходятся дрожью руки.

– Содом! Все! Кончено!

Он вытряхнул из сумки оставшиеся книги и, волоча ее по земле, почти бегом, дергаясь и подскакивая, ринулся в сторону метро.

Оказавшись на родном «Соколе», в покое безлюдных дворов и тихих улочек, отец Савелий почувствовал, как на душе постепенно начинает проясняться. Кошмар позади. Паломничество в царство золотого тельца завершилось.

– Ничего… Не ровен час! Мы еще посмотрим!

– О-о, чудила идет! – крикнул из окна наглый мальчишеский голос, когда священник подходил к дому.

У отца Савелия дернулась щека.

– Спаси и сохрани…

Глухов-сити

Толян ступил в обширный, оформленный в маниакально черно-белом стиле кабинет. Мышиный жесткий ковер, пепельные стены, широкий белый стол, черные стулья, ретро фотографии на стенах. В потолке сияли нервным дневным светом люминесцентные лампы.

– Анатолий Григорьевич! Добрый день!

Перед ним стоял высокий, энергичный, совершенно лысый молодой человек в очках.

– Здрасьте, – бросил Толян.

– Пожалуйста!

На столе раскинулся единственный источник живых кра-

сок в этой комнате: огромный, искусно выполненный макет того, во что в перспективе должно было превратиться Глухово.

– Хм… Интересно, интересно…

Толян медленно ходил вокруг стола, разглядывая с разных сторон свое детище. Менеджер проекта мерил комнату журавлиными шагами, суетливо показывал и рассказывал, что, где и как будет обустроено.

Казино, отель, рестораны, бары, кинотеатр, бани, стрип-клуб, магазины, парковки, электростанция.

Толян с трепетом сознавал, что у него теперь достаточно денег для воплощения всего этого.

– Мы запросили у администрации отчет о системах канализации и водоснабжения в поселке.

– Хех! Вряд ли у них там, кроме выгребных ям что-то есть.

– Я осмелюсь снова задать вам этот вопрос, – менеджер виновато улыбнулся, поправляя очки. – Что вас сподвигло сделать выбор в пользу Глухово? Этот населенный пункт совершенно…

Зазвонил мобильник.

– Простите, щас!

Толян вышел за дверь.

– Алло!

– Здравствуй, Толя.

Многозначительный, тихий, шершавый голос принадле-

жал Директору.

– Здрасьте, Кирилл Сергеевич!

– Как поживаешь? Давненько я тебя не видел.

– В порядке, Кирилл Сергеевич. Могу хоть сейчас к вам явиться.

– Да нет, нет, не надо. Все нормально. Просто…

– Да?

– Ты знаешь, удивительные вещи творятся в мире.

– Э-э…

– Ты когда последний раз на своей даче был?

– Этим летом. До середины августа.

– Ничего странного там не заметил?

У Толяна недобро екнуло сердце.

– Н-нет.

– Ты же близ Глухово отстроился, да?

– Да.

– Просто, знаешь… – Директор хрипло усмехнулся в трубку. – Сегодня утром открыл газету. Интервью. Какой-то денежный мешок, пожелавший остаться анонимным, вещает о своих планах превратить Глухово… Во что ты думаешь? В русский Лас-Вегас! А? Каковы замашки!

– Да аферюга обычный!

– Я тоже так думаю.

– Поставит два игровых автомата…

– Хе-хе! Да… А это не ты, случайно был?

– А-э… н-нет.

– Я просто читаю. Он там разоткровенничался, сказал, мол, у него хата поблизости стоит. Местность ему, видите ли, в сердце запала. Я прикинул: кто там еще может жить, кроме тебя? Вроде больше некому.

– Да мало ли, Кирилл Сергеевич! Может, он в двадцати километрах живет. И потом… Да что я псих, что ль? В обход вас такие схемы вертеть? И откуда у меня столько денег, я ж не Абрамович!

– Ну да, ну да… Но вообще я почему-то тебя представил. Иногда человек по тексту угадывается.

– Кирилл Сергеевич, – Толян запнулся, чувствуя, как немеет язык. – Ну что вы меня… с грязью равняете. Ну вы же про меня все знаете. Да если б я с ума сошел только! Да разве б я в газетах об этом хвастался! Вы ж меня всегда можете проверить!

«И правда, может!» – с ужасом подумал Толян.

– Ну ладно, ладно… Толя. Просто, если что-то есть за душой, лучше сразу честно признайся. Мы ж тут не волчары. Это я так. Вдруг? Мало ли…

– Да нет у меня ничего за душой.

– Ну и хорошо. Верю! А Лас-Вегас в Глухово – это, конечно, хе-хе! Забавно… было бы.

Директор повесил трубку.

Через час Толян напряженно глядел в выпуклые мертвые глаза истукана.

– Моей жизнью живешь? Интервью раздаешь газетам?

Что ж ты задумал, урод?

«Не дергайся, дурак. Нормально все будет. Дело делается», – прошептал в голове болван.

– Да иди ты! – огрызнулся Толян. – Знаю… чего ты хочешь. Но ты не борзей, брат! Я тя в любой момент Моисеичу назад сдам. Или просто разобью! Понял?

Болван презрительно скривил рот. То есть, Толяну показалось, будто его рот искривлен с каким-то особенным презрением.

Толян закрыл глаза и помотал головой.

– Пош-шел ты…

Он вышел из комнаты, хлопнув дверью. Для спокойствия запер ее на ключ.

«Бред какой-то! Что ж мне теперь, и Директора бояться, и его?»

Впервые Толян почувствовал, что ничего не контролирует. Это было страшно. До щекотки.

Всю ночь он хлопал глазами.

Столпотворение

– Елки-палки, мы так до ночи не доползем! – Василий Палыч стукнул по рулю костлявой ладонью.

– Папа, ты мне обещал не психовать за рулем! Опять у тебя давление подскочит!

– Но ведь сроду же не было здесь никаких пробок! Два-

дцать лет ездили как по маслу… Что за напасть! Самолет там у них что ль упал?

Мама тяжело вздохнула, вытирая покрытый испариной лоб.

Коля в двадцатый раз играл в тетрис, чувствуя, как ноют неподвижно согнутые в коленях ноги. Алина сидела как статуя, закрыв глаза, с наушниками на голове.

Никто не предполагал, что привычный полуторачасовой путь до дачи обернется дополнительным часом черепашьей езды от Каменки до Глухово. Жаркий, безветренный июньский вечер и душные, дребезжащие, пропахшие бензином «Жигули» все сильнее давили на психику.

– Тебя ж Петрович предупреждал, что там идет какое-то строительство.

– Ну что ж там такое строят-то, что заторы такие!

Впереди рычал и гудел бесконечный поток машин. Какие-то наглецы то и дело проезжали по обочине, поднимая тучи пыли, так что невозможно было опустить стекла.

– Понакупили иномарок, хамье! – ворчал дед.

– Еще раз пихнешь, дам тебе! – зло пригрозила Коле сестра, на миг выйдя из транса.

Коля вяло огрызнулся в ответ. До полномасштабного скандала оставалось совсем немного.

Как и все на свете, пробка, наконец-то, закончилась. «Жигули», почуяв свободу, стали радостно набирать ход.

– Щас посмотрим, что у них там… – пробурчал дед.

Коля отложил тетрис и уставился в окно. Увиденное превзошло любые разумные ожидания.

Глухово – маленький скучный поселок, по соседству с которым расположились дачи, был полностью обезображен, словно подвергся авианалету. Лязгающие лапы экскаваторов нещадно крушили жалкие деревянные домишки. За ограждениями виднелись широкие котлованы. Бульдозеры, бетономешалки, ревущие компрессоры. Сотни чумазых рабочих сновали туда-сюда с тачками и лопатами. Стоявшие в центре три каменных здания не собирались сносить, но даже их обнесли строительными лесами с явным намерением превратить во что-то совершенно иное.

«Там же дед инструменты покупал…» – рассеянно подумал Коля.

– Нет, ну ты посмотри, а! – задавленно прошелестел Василий Палыч, шаря глазами по сторонам.

Среди царящего производственного ада Коля разглядел памятник героям войны, беззащитно торчащий на краю траншеи. Его то ли пощадили, то ли до сих пор не решили, что с ним делать.

– Боже… Куда ж людей-то расселят? – прошептала мама.

– Варвары! – рявкнул дед. – Во-от она, демократия-то! Свободный рынок, едрить в кападык!

Когда они свернули на проселочную, прежде бежавшую через обширные луга дорогу, Коля увидел, что строительство идет и там.

– Пра-ально! Мы для них кто? Тараканы! – продолжал негодовать дед. – Все изгадили! И ведь ни черта же не построят!

– Да ладно тебе, – вздохнула мама. – Подземный магазин на Охотном ряду – ты тоже не верил, что построят. А какая красота получилась!

– Построят они! Для себя любимых построят! Где ты видела, чтобы у нас для людей что-то делали?

– Так они, может, и до нас доберутся, – промолвил Коля.

– Пусть только попробуют! Я им покажу! Я этих фашистов, полицаев проклятых…

Когда они приехали, ни о каком катании на велосипеде уже не могло быть и речи. Надо было ужинать, стелить постели и ложиться спать. Да и усталость после трехчасового сидения в машине накатила жуткая.

Коля вынул из рюкзака роман Стивена Кинга и, улегшись на кровать, попробовал окунуться в чтение.

Не выходило. В голову лезли воспоминания о Глухово. Кусочек знакомого с раннего детства мира, пусть даже небольшой, оказался вдруг разрушен и растерзан.

Коля пытался представить, *что* там могут построить. Судя по масштабам работ, планы у местных воротил были грандиозные. Коля вообразил, как на берегу реки медленно и грязно будут расти многоэтажные новостройки, появятся какие-нибудь гаражи, заборы, трубы. Ему никогда не нравилась мысль, что Москва рано или поздно доползет до Глухо-

во. Но того, что это случится так молниеносно и нагло Коля не ожидал. Это напоминало блицкриг, о котором любил рассуждать дед в своих военно-исторических дебатах.

– Эй, тебя кто-то из твоих зовет! – крикнула с веранды сестра.

Коля бросил книгу и выбежал из дома. За калиткой стоял Алешка.

– Привет!

– Привет! Машину вашу увидел.

Без особого интереса завязался разговор.

– А ты в курсе, что там за стройка идет? – спросил Коля.

– Не-а. Тут вообще никто ничего не знает. Говорят, с мая началось.

– А это вообще законно, то, что они делают?

Алешка пожал плечами.

Коля жалел, что папа из-за работы не смог поехать на дачу. Уж с ним бы точно что-то прояснилось.

– Отец Максима Арханова, вроде сказал, что это этот… рейдерский захват. Незаконно короче.

– Как такое может быть? Это ж целый поселок! Тут же и милиция, и свидетели…

Дед, ругаясь себе под нос, искал связку ключей, которую где-то оставил минуту назад.

Коле вдруг пришло в голову, что дед, который так неистово рвал и метал, похоже напрочь забыл про разрушенное Глухово и теперь точно так же злится из-за ничтожного пу-

стяка.

– Вот, напасть-то а! Как сквозь землю… – ворчал Василий Палыч, шурша сапогами в высокой траве. – Кольк! Иди в дом, щас клеща подцепишь!

– Кстати, у нас тут рядом тоже кое-что собираются строить.

– Что?

– Церковь, – Алешка мотнул головой. – Там, в поле. Где новые дачи стоят.

– Ну церковь – это ничего. Ладно, мне пора. Пока!

– Бывай!

Они пожали руки.

На следующий день ни дед, ни мама ни разу не вспомнили о событиях в Глухово. Алине было «по барабану».

Коля с Алешкой ездили на реку, где, к счастью, все осталось, как было прошлым летом. Правда по пути друзья отчего-то видели сразу двух мертвых птиц, лежавших в дорожной пыли со скрюченными лапками.

– Из-за чего ж это?

– Может, это из-за грозы? – предположил Алешка. – Молния в землю ударила, а птицы рядом пролетали. В Америке было что-то похожее. Целую стаю пришибло.

Они остановились на склоне. На миг Коле показалось, будто что-то вокруг все же резко переменилось. Что-то невидимое. Даже неощутимое.

«Пусто как-то…» – промелькнуло в голове.

Странное чувство рассеялось, не успев толком проявить себя.

Третий сон

Жека ждал, пока повар Зураб разложит по тарелкам лоснящиеся, поджаристо-кровавые куски шашлыка, разольет по бокалам пиво и, пожелав «вкусьно покущат», уйдет на кухню.

– Ты че, нюхаешь, что ли? – спросил он полушепотом, настороженно глядя Толяну в глаза.

– С чего ты взял?

– Вид у тебя странный какой-то. Ты это дело брось! Это Директор пусть кокос себе хоть в чай вместо сахара сыплет. А мы – сам знаешь… Только по праздникам, только со своими!

– Да не нюхаю я! – огрызнулся Толян.

– Выглядишь странно… – прошамкал Жека, жуя шашлык. – Даже не могу понять, почему.

– Короче! К делу давай!

– Да погоди, погоди! Сказать тебе хотел…

– Ну?

– С тобой что-то не так, Толян. Я те это как друг говорю. Все это чувствуют!

– Ну, епт… – Толян мрачно опустил глаза, не зная, чем парировать этот стальной довод.

Он сам чувствовал, что с ним что-то не так.

– Директор на тебя косо смотреть стал.

– С чего?

– Ты ж знаешь, да, что в Глухово творится? Директор не верит, что ты с этим никак не связан.

– А как я могу быть связан? Я че, глава администрации?

Толян нервно отхлебнул пива. Жека пожал плечами.

– Директор – гений. У него нюх особый на людей.

– Параноик он!

– Параноик не параноик, а Соловья раскусил. По пятнышку на ботинке. Помнишь, дело было?

– Н-да…

– Он пока еще не может к тебе нитей нащупать…

– Слушай, а ты че, в натуре веришь, что это я там во всем замешан?

– Не знаю, Толян. Ничего не знаю! Просто предупреждаю, чтобы ты был готов. Он уже совещается с кем-то насчет тебя. Не знаю точно, с кем, но…

– С ума все посходили… – пробормотал Толян.

И вдруг грохнул тарелкой о стол. Осколки фарфора и куски мяса разлетелись по беседке.

– Ты че?!

– Иди!

– Толян! – Жека оторопело вскочил со стула.

– Иди отсюда, иди! Без твоих советов проживу! Давай, давай! Директор заждался!

– Толян, я… как был твой друг, так и остался!

– Все, все, все! Ты мой друг, я твой друг! Токо че-то ты мне глаза режешь! Давай, вали отсюда, блин!

– Я ж ради тебя… Господь свидетель! – Жека поцеловал платиновый крест на груди и, понимающе кивнув, заспешил к своей «Бэхе».

Толян швырнул ему вслед пивной бокал.

– Др-руг!

Он сам не понимал, почему злится на Жеку. Злиться было не на кого, кроме отражения в зеркале.

Толян пришел домой и повалился на диван.

«Что я творю? Какой еще Глухов-сити? Зачем мне это надо?! Это ж не я придумал-то… Надо было русалку с колобком слушать… Ept! Какая на хрен русалка! Какой колобок! Я че, совсем поехал?!»

Толян сел, в отчаянии обхватив голову руками.

«Но ведь болван-то мне не привиделся!»

Он посмотрел в сторону камина. Вспомнил, что истукан теперь стоит наверху в биллиардной, подальше от чужих глаз.

«Пора с ним кончать! Или меня самого кончат!»

Он тут же осекся, поняв, что зашел слишком далеко.

«Его-то я разобью, а как я один из этого дерьма выпутаюсь? Даже если прикажу свернуть все проекты… А что это изменит? Наломал дров, козел! Не-ет, надо до конца идти и во всем ему верить! Иначе смерть!»

«Верь, бойся и проси!»

Толян понял, что урод снова лезет в его мысли.

– Заткнись! Сам решу!

Хоть он уже и знал, что ничего никогда сам не решит.

Ночью опять не спалось. В какой-то момент, не выдержав, Толян встал с кровати и подошел к окну покурить. Была глубокая ночь. В небе, незамутненная облаками, сияла луна. Толян зажег сигарету.

За рекой на холме ему привиделись странные фигуры. Так выглядели бы люди, если б обмазались фосфором и вместо одежды нарядились в серые лохмотья из паутины. Пять, десять, двадцать, сорок… Целая толпа призраков медленно спускалась к его дому по склону, кажется, следуя со стороны далекого кладбища.

У Толяна перехватило дыхание. Пересилив, нахлынувший приступ паники, желание спрятаться в подвал или в шкаф, Толян бросился ко входной двери, запер ее на все замки. Взял из выдвижного ящика пистолет. В следующий миг он понял, что земное оружие вряд ли чем-то поможет против загробных существ.

«Надо быстрей в машину и ехать!» – подумал Толян.

Однако было поздно: призраки уже шатались во дворе.

Толян забился в угол спальни, держа в одной руке пистолет, а в другой ночную лампу.

Незваные гости ввалились в дом, оглашая комнаты стонами и бредовым бормотанием. Они не высаживали дверь, не

разбивали стекол, но в то же время вполне отчетливо топали ногами и шуршали одеждами. Это не были бесплотные духи.

Дверь отворилась сама собой. Толян увидел их вблизи.

– Вы кто?!

– Мы-ы кто?! – истерично взвизгнул призрак пожилой женщины в мохнатом берете и огромных очках. – Мы-то «кто»! А вот ты кто?! Ты кто? Ты никто-о!

– Я «кто»! – затрясся седобородый старик в галстуке. – Сорок лет работы в институте Курчатова, трижды лауреат государственной премии, доктор наук! А ты-то кто сам?

– Во-от он, наш новый символ, вы только гляньте! В трусах, да еще и с пистолетом! – вопила старуха в платке, размахивая костылем.

– Рожу-то наел на народных харчах! – басил старик в фуражке, с рядами орденов на груди.

– Вы, молодой человек, воображаете себя хозяином жизни! Так сказать, хищником! – верещал тощий доходяга в очечках и шляпе. – А вы всего лишь жертва! И мне вас жаль! Вы тот самый грядущий хам!

– Какие себе хоромы выстроил! Это я должен жить в таких хоромах! – ревел грузный дед в спортивном костюме.

Призраки вдруг, забыв про Толяна, накинулись на него с упреками.

– Вам че надо?! – заорал Толян.

– Чего нам надо? Он еще спрашивает! – завопила тетка в берете. – Тебе самому чего надо в этой жизни?! Вы же только

жрать умеете!

– Я тебе сейчас все выскажу, дорогой мой! Ты глаза-то не отводи! Смотри на меня! – злобно шипел сутулый, плешивый старикашка, пытаясь схватить Толяна за лицо.

– Ты в тюрьме сидел? А я двадцать три года на севере… Не то что! Видишь, зубов не осталось! – скалил свой единственный зуб какой-то побитый инвалид.

– Я вам, простите, щас в морду дам! За все хорошее! – рявкнул, трясясь от злобы, костлявый усач, подскакивая к Толяну.

Толян нажал на курок. Призрак чуть не упал от испуга. Лихорадочно принялся ощупывать не раненную грудь.

– Ах, он стреля-ять! – заголосила толстомордая баба.

– Совсем стыд потеряли!

– Встретил бы я тебя в траншее под Курском – громыхал ветеран. – О-ох, ты бы у меня там пострелял!

– Давай, давай! Патронов на всех не хватит! – тараторила психанутая тетка.

– Вам че надо?! – чуть не плача вскричал Толян. – Че пристали, суки!

Ему было уже не страшно, но дурно. Голова шла кругом, как после ведра чистого спирта.

– Хамите, молодой человек!

– Да он хамить только и умеет! Хамить и жрать!

– Анатолий… Или как вас там? Толян, – сквозь общий ор прорезался мирный, тихий голосок, принадлежавший како-

му-то стручку с маслянистыми глазками. – Вы же помните, что вы должны сделать? Вот и сделайте. Прямо сейчас, на наших глазах.

– Что? Что? Что сделать? – бормотал Толян в полубреду.

– Что сделать?! Он спрашивает, что сде-елать!

– Да теперь уж ничего не сделаешь! Сделал все, что мог!

– Доброе дело, скотина, сделай! Хоть какое-то!

Толян озверел. Он схватил с кровати одеяло, вытряхнул из пододеяльника содержимое и принялся хватать призраков одного за другим, бросая их в пододеяльник, как в мешок.

Привидения с воплями носились по спальне. Возмущались, охали, сыпали проклятиями, обиженно кричали что-то из пододеяльника, грозили подать жалобу.

– Вон отсюда все! – рычал Толян. – Мой дом! Моя жизнь! Никому ничего не дам, падлы!

Толян проснулся на полу, борясь с одеялом.

Послание

Ушаня увидела в закатных сумерках бредущую по дороге фигуру в сером одеянии. Это был он.

Кошка бесшумно догнала его на своих резвых и мягких лапках. Села позади и замяукала.

Дядя Петя оглянулся.

– Ушки… – прошелестел он, нагнулся и взял кошку на руки.

Ушаня помогла человеку восстановить рассудок, дав ему своей силы. Взгляд дяди Пети преобразился. Исчезла маска скорби и безумия.

– А-ах, господи! Что бы я без тебя делал, Ушанька! Кем бы я без тебя был! – вздохнул дядя Петя, гладя свою подругу шершавой рукой по прекрасным рысьим ушам.

Ушаня нежно заурчала.

– Да… Надо ехать к нему, – задумчиво промолвил дядя Петя. – А на чем ехать-то? Автобусы не ходют… метро закрыто, а в такси не содют! И денег нет. Ладно… Не убежишь от меня, Ушань?

Ушаня, конечно же, не собиралась никуда сбегать.

Дядя Петя дошел до автобусной остановки в Глухово. Сел на лавку и стал смиренно ждать до утра. Потом, не просидев и десяти минут, двинулся своим ходом.

Он шел быстро и уверенно, привыкший покрывать пешком огромные расстояния. Кошка мирно дремала у него на руке. Вторая рука безостановочно работала посохом.

Прошло почти три часа, прежде чем дядя Петя добрался до покосившейся ограды старого, побитого временем деревянного дома и начал тыкать своей палкой в стену, до которой мог дотянуться.

Через некоторое время в окне показалась испуганная физиономия Мицкевича с всклокоченными волосами и тут же пригнулась, словно боясь поймать пулю.

– Кто там?

– Это я!

– Ты? Чего ты в такую темень! – Михаил Моисеич закашлялся и скрылся во мраке дома.

Через пару минут дядя Петя снимал свой дождевик в слабоосвещенной, пропахшей сушеными грибами и рассолом комнатушке.

– А я уж испугался, думал, все! – кряхтел Мицкевич. – То ли братки ко мне пожаловали, то ли скинхеды меня отыскали!

– Миша…

– О-ох ты какая! Тигри-ица, тигрица… – Михаил Моисеич начал гладить кошку.

Ушаня величаво сносила прикосновения еще более корявой, чем у дяди Пети старческой ладони.

– Миша, я к тебе… по этому делу, – сбивчиво заговорил дядя Петя. – Я без этой кошки снова буду не в себе. Времени мало… Что делать будем, а?

– А ниче не делать, – Мицкевич апатично пожал плечами. – Садись, щас я тебе чаю налью. Ты как сюда добрался-то?

– Пешком.

– Во дает, а! Скороход! От Глухово пешком… Может, водочки капнуть для разогрева?

Дядя Петя мотнул головой.

– Ты же понимаешь, что будет?

– Ну будет, дальше что? Я не виноват. Меня ограбили.

– Но ты ж его все это время у себя держал.

Мицкевич категорично помахал жилистой рукой, ища коробку с чаем.

– Вот только без этого, Петр! Не надо грязи! После того, как меня выкинули, я никому ничего не должен. Все! Пусть этот лоб теперь и думает, и отвечает. Если он вообще способен думать.

– Ну а люди-то?

Михаил Моисеич по-рыбьи скривил рот.

– Ну а что люди? Бывает, чего такого… Сколько их можно спасать? Пусть набьют шишек – не впервой! Мне девяносто скоро стукнет. Мне уже на многое все равно. Сын в Америке, за кого переживать-то!

Дядя Петя хмуро щупал небритый подбородок, не зная, чем тут можно возразить.

– Люди, люди… – ворчал Мицкевич. – А вот то, что меня Толик ограбил… нагло средь бела дня. Пьяный! Это не все равно. Я ж его… Они бы мне хоть что-то оставили – я б его одним взглядом… сделал. Он бы даже понять ничего не успел. А тут… Ты ведь не видел, как все было.

– Да я тебя понимаю. Но делать-то что-то надо.

– Ничего не сделаем. Даже если б захотели. Ты сумасшедший, я… еще хуже.

– У тебя «светляки» остались?

– Есть один. А ты че, пустить хочешь? Да не отзовется никто! Эти штуки еще в восьмидесятые вышли из использо-

вания.

– Ну дай, дай!

– Никто не будет связываться с джинном. Тем более с таким. Это как стихийное бедствие… как чума… – Мицкевич, кашлянув, открыл шкафчик и зазвенел барахлом.

– Вот, – он протянул другу маленькое ржавое подобие зажигалки. – Только на дорогу выйди, а то увидит кто.

– Спасибо, Миша.

– Да чего уж там… Толку нет, говорю тебе!

Дядя Петя вышел в непроглядную ночную глушь. Ушаня семенила следом.

Дойдя до середины улицы, он вытянул руку и щелкнул «зажигалкой». Мелькнула бледная вспышка. В небе, медленно проступая, засиял огромный призрачный контур треугольника. В его центре забрезжил и начал расти такой же призрачный, но как будто переливчато вращающийся круг. Постепенно круг вышел за границы треугольника, распространяясь все дальше и дальше по небосводу. Потом все разом погасло. И на месте прежних форм возникли новые видоизменяющиеся геометрические фигуры.

«Это послание разойдется по всему свету…» – с грустной тенью надежды подумал дядя Петя.

Кошка обняла его ногу пушистым хвостом. Зеленые блестки ее мудрых, спокойных глаз тоже устремились в небо.

Тем временем в Глухово не спавший из-за болей в спине Борис Генрихович вышел во двор справить малую нужду.

Поглядев в небо, он оцепенел, потом вскрикнул, чуть не упал и бросился в дом.

– Люся! Люся! НЛО! Срочно бинокль! А! Нет! Какой бинокль… Фотоаппарат! Где? Где фотик, Люся?

– Не зна-аю! – донесся из спальни сонно-страдальческий голос.

– Дура! – взвизгнул Борис Генрихович. – Говорю тебе, НЛО! Иди посмотри!

– С-сам смотри… дурак…

Борис Генрихович сдернул с жены одеяло и, бешено ругаясь, подтащил ее к окну.

Там уже все погасло.

Последний сон

Толян ехал домой после столичных дел по знакомому как пять пальцев маршруту. Приближаясь к Глухово, он испытал странное ощущение. Словно кто-то подглядывал за ним со стороны. Или что-то настойчиво пыталось приковать к себе его взгляд.

Толян сбавил скорость. Редкие фонари, обступившие шоссе, пестрели наклеенными на них назойливо яркими рекламными листовками.

Толян прикинул, кому и зачем понадобилось обклеивать листовками каждый столб на всем протяжении дороги.

Он затормозил. Вышел из машины и, подойдя к столбу,

пригляделся к изображению.

С плаката на Толяна смотрел он сам. Или кто-то до крайности похожий на него в его пиджаке и галстуке.

Толян отпрянул, даже не прочитав напечатанный текст.

– Черт… – простонал он. – Че-ерт!

Он прыгнул в машину и помчался дальше. По мере того, как он приближался к поселку, истина проступала все яснее и беспощаднее. Листовками были обклеены не только столбы, но и заборы, и стены, и деревья. Даже дорожные знаки.

– Какого хрена… – бормотал Толян, надеясь, что ему это просто снится после крепкой попойки.

Подъезжая к дому, он чуть не потерял сознание. У ворот стояли две «Газели» с логотипами какого-то телеканала. Рядом слонялись люди с аппаратурой.

Едва Толян стал вылезать, как в нос ему ткнулся микрофон.

– Анатолий Григорьевич! Добрый день!

– Камеру убрали! – взревел Толян.

– Анатолий Григорьевич, мы хотели бы задать несколько вопросов о ваших проектах! – продолжала щебетать репортерша. – Это займет всего пять минут.

– Я… я… н-не могу щас!

– Но как же? Мы же все обговорили с вами по телефону!

– Не знаю! Вашу мать! Уберите камеру! Не смейте это показывать!

Толян отпихнул оператора и, судорожно нащупав ключи,

принялся отпирать калитку.

Он не помнил, как припарковал машину, закрыл ворота и, слыша за спиной адский щебет журналистки, убежал в дом.

– Все! Конец! – шептал Толян, хватаясь за голову. – Амба! Все! Кранты! Попал!

Он хотел было идти к болвану, но вместо этого вдруг открыл мини-бар, схватил большую бутыль и, свернув ей шею, начал самозабвенно глотать виски.

Очнулся Толян уже на диване. Вокруг все ходило ходуном. На полу среди осколков стекла в луже спиртного звенел сотовый.

– А-а… Але…

– Толя!

Это был Директор.

– К-кирилл Серхеич…

– Я впечатлен. Очень остроумно!

Толян промямлил что-то нечленораздельное.

– Завтра утром тебя жду. Надеюсь, приедешь сам.

Толян завыл. С трудом поднявшись, взял из каминной стойки кочергу и, пошатываясь, двинулся наверх в биллиардную.

Болван стоял на своем месте, нагло тараща жабьи глазенки.

– С-сука! – облизнулся Толян. – Все… К-конец тебе!

Он размахнулся. Опустил кочергу.

– А-а… Не-ет, гнида… Сначала ты все исправишь! Вер-

нешь как было.

Толян схватил урода за глиняные плечи.

– Давай! Д-делай! О-о-ох…

Он в изнеможении сел на пол. Из глаз потекли пьяные слезы.

– Все, гад! Сдаюсь! Слышь? Твоя взяла! Бери все мои деньги! Все, все бери! Вытащи только! Спасай…

Толян умоляюще глядел в мертвые глаза истукана.

– Не хочу завтра к Директору! Спрячь меня! Хоть куда! Хоть в ад! Пусть меня… ч-черти заберут отсюда! Сука!

Толян кое-как встал на ноги и совершенно изможденный поплелся спать.

Лежа в полудреме, не вполне сознавая границу между реальностью и сонно-хмельным бредом, Толян услышал мерные, словно стук часов, приближающиеся шаги.

Дверь распахнулась. На пороге стоял высокий человек с заостренным бледным лицом в черном макинтоше и шляпе, поля которой подпирали торчащие из его лба миниатюрные рожки.

– Ну что, пошли? – черт криво ухмыльнулся и подмигнул Толяну.

– К-куда? – выдохнул Толян, вцепившись в одеяло.

– Что значит «куда»? – оскалился черт.

Толян хотел закричать, но позабыл, как это делается.

Новый хозяин

В полдень к воротам усадьбы Толяна подъехал черный внедорожник. Из салона вылезли Каленый, Сашок, Жека и Карим.

– Набери-ка его еще раз, – посоветовал Карим Сашку.

Сашок вынул мобильник и приложил к уху. Проползла минута. Ответа не было.

Жека нажал кнопку радиозвонка.

– Да не работает у него! – промолвил Каленый, который, встав на цыпочки, пытался нащупать верхнюю задвижку ворот.

Недолго повозившись, братки смогли попасть на участок.

Мертвая тишина окутывала двор. Даже птицы и кузнечики словно сговорились играть в молчанку.

– Колеса на месте, – Карим кивнул на скверно припаркованный «Вольво».

– Вижу, не слепой, – буркнул Каленый, с подозрением разглядывая главный дом. – Значит так, мы с Сашком сюда, вы туда!

Каленый и Сашок обошли весь дом, заглянув в обе ванные, проверив балконы и даже кладовки.

– Одежда в шкафу висит, – доложил Сашок. – Не голый же он ушел!

Каленый пронзительно свистнул, точно хотел пробудить спящего дракона.

– Толян!

– Надо в бане посмотреть.

Спустившись на первый этаж, они наткнулись на Жеку и Карима. Жека красноречиво всплеснул руками:

– Как сквозь землю…

– Че-то вообще не понимаю! – покачал головой Сашок.

– Да че тут непонятного… – проворчал Карим, зажигая сигарету. – В подвал надо идти – труп искать.

– А из этих… здесь никого не было? У него ж вроде баба какая-то была, повар.

– Не знаю.

– В доме все чисто. В зале только бутылка разбитая. И кочерга почему-то в биллиардной лежит.

– Может, там драка была?

– Да не…

В кармане Сашка вдруг запел мобильник.

– Это он! Его номер!

Сашок, не веря своим глазам, нажал кнопку вызова.

– Алло!

– Привет, – раздался из трубки спокойный, до странности невозмутимый, непривычно глухой голос Толяна.

– Э-э… А ты где? Мы тебя обыскались! Звонили, ты не отвечал.

– Бывает.

– Слушай, тебя же Директор вызвал!

– Не сейчас.

– О! Да как же не сейчас? Это ж Директор!

– Он че, бухой что ли? – шепотом спросил Жека.

– Вас там четверо?

– Н-ну да.

– Идите все в комнату, где стоит сейф, – продолжал сурово вещать голос Толяна. – Он открыт. Можете забрать все деньги и разделить между собой.

– Ты че, шеф?! Ты… вообще в себе?

– В себе, Сашок, в себе.

– Ниче се! – забормотал Жека. – Вот это шизец!

– А ты уверен, что это его голос? Ну-ка дай! – Каленый выхватил у Сашка телефон. – Алло!

Через полминуты его привычно каменное лицо ошарашенно вытянулось, глаза округлились.

– Ладно, Толян. Если… если ты отвечаешь…

Они пошли к сейфу и выгребли все его содержимое.

– Блин, он же подставить нас хочет! – испуганно зашипел Жека. – Не трожьте деньги, братаны!

– Спокойно, друзья, – промолвил голос. – А теперь, Каленый, бери бумагу, ручку и записывай мой ответ Директору.

– А ты сам ему не хочешь позвонить?

– Нет. Зачем?

– Как, зачем? Але, Толян! Ты че, совсем того?

– Пиши, пиши.

Каленый повертел пальцем у виска и взял заранее оставленные для него на столе ручку и лист бумаги.

Братки следили за ним, как зачарованные.

Через час Директор барабанил пальцами по столу, ходил из угла в угол, раз за разом перечитывая письмо и ухмыляясь заоблачной наглости, а, главное, поистине самурайскому бесстрашию своего еще недавно преданного щенка.

– Хм-м… Ловкач, ловкач…

Каленый, Сашок, Жека и Карим прожигали деньги в казино. Было решено, что Толян круто вляпался, дал деру и теперь пытается сбить Директора с толку, кося под психа. Впрочем, дела до него не было особо никому. Никому, кроме самого Толяна, который продолжал существовать, правда гораздо дальше, чем смели предположить его друзья.

Никто из них не подозревал, что деньги в сейфе были аппетитной наживкой с тонким, поначалу неощутимым крючком внутри.

Сверхъестественное

Коля читал «Оно», закинув босые ноги на обеденный стол, когда со стороны поля донеслись сигналы, оповещающие дачников, что приехала молочная машина.

Шло время, грузовик продолжал однообразно дудеть, зовя покупателей. За окном с банкой в авоське протопала баба Нина. Кто-то еще проехал на велосипеде, позвякивая бидоном на руле.

Коля никогда не понимал: откуда такая нужда ходить в поле, если молоко всегда есть в магазине. Может, там его про-

дают дешевле? Или оно лучшего качества? Алина с презрением говорила, что «совок живуч». А вот дед, хоть и с неохотой, все же не упускал возможности затариться.

Сигнал звучал уже в тридцатый раз, не собираясь умолкать. На улице было необычайно людно. Вернувшиеся с поля люди ходили по дачам и стучали в двери соседей.

«Что ж там такое?» – подумал Коля, выходя из дома.

В калитке с бидонами в руках появился дед.

– Кольк! Зови всех! – бодро потребовал он.

– Зачем?

– Не знаю. Народ, вишь, собирается! Говорят, собрание какое-то очень важное. Все должны быть! Может, против строительства митинг?

Через несколько минут Коля, дед и мама (Алине было «по фигу») подошли к обрывкам сетки, с незапамятных пор ограждавшей поле. На воротах теперь висел красно-белый, совсем как в советские времена плакат: «Заходите, не пожалеете!»

– Там, наверно, супермаркет открыли, – предположила мама.

Но и она, и дед ошиблись. Вместо супермаркета или митинга посреди скошенного, наполовину застроенного дачами луга стояли грузовик и черный джип. Кузов грузовика был закрыт, возле джипа прохаживались парни с короткими стрижками, в темных очках.

«Бандиты…» – подумал Коля, вспомнив сериал про мен-

тов.

Огромная толпа, какой дачный поселок не знал за всю историю, гудела и шепталась, объятая смутным предчувствием и напряженным любопытством. Один из братков сжимал в руке мегафон.

– Ну чего созвали-то? – проворчал дед. – Ниче не говорят, молока не предлагают… А эти-то чего здесь забыли?

– Щас денег с народа потребуют! – то ли в шутку, то ли всерьез фыркнул стоявший рядом Иван Петрович.

Один из бандитов кивнул остальным, видимо давая понять, что народу собралось достаточно. Водитель грузовика торопливо начал открывать двери кузова.

– О-ой, как немцы прямо! Щас нас всех из пулемета покосют! – простонала старуха в панамке. – Помереть спокойно и то не дадут!

Бандит поднес мегафон к губам:

– Уважаемые граждане дачники! Короче… У нас тут есть для вас кое-что. Да не пугайтесь, не пугайтесь! С добром мы к вам! Выноси!

Шофер вместе с одним из братков осторожно вынес из кузова и поставил на траву невысокого, пузатого глиняного истукана.

Публика настороженно зашепталась. Главный бандит заговорил с кем-то по сотовому.

– Бредешник! – дед, сердито почесал лоб. – Все, пошли отсюда!

– Идолам поклоняться будем? – крикнул кто-то из толпы.

– За козлов нас держат, что ли? – прорычал Иван Петрович.

Бандит свистнул в мегафон, и у всех протестовавших разом заложило уши. Где-то захныкал ребенок.

– Граждане дачники! Один вопрос: вы любите деньги?

– Любим, любим, не волнуйтесь!

– Любите, да?

Коле вдруг показалось, что бандит-оратор не слишком-то уверен в себе и как будто сам чего-то ждет.

– Вам-то что за дело, граждане крутые?

– Кто любит деньги, пусть щас же встанет на колени!

После этих слов глухое бухтение толпы перешло в оскорбленный гомон. Люди стали разворачиваться и уходить.

Братки обеспокоенно зашептались, явно не зная, что предпринять.

И вдруг…

– Деньги! Деньги! – услышал Коля за спиной.

Изо рта болвана, как из работающего наоборот пылесоса, летели, кувыркаясь в воздухе, купюры в пятьсот и тысячу рублей.

Толпа ахнула. На несколько секунд все застыли, не до конца понимая смысл происходящего. Все ждали, что денежный поток вот-вот иссякнет, что это дурацкий фокус и не более того.

А потом Коля увидел, как люди стали наклоняться, тол-

каться, вставать на четвереньки, чтобы подобрать, пощупать и поскорее набить карманы. Кто-то, запрокинув голову, разглядывал на солнце водяные знаки. Где-то вспыхнула перебранка.

– Деньги! Деньги дают! – заорали на окраине толпы.

И Коля почувствовал, как сзади начинают напирать. Мама вскрикнула.

Кто-то в гуще (кажется, Борис Генрихович) пытался перекричать всех, убеждая, что деньги – фальшивка.

Какой-то дед сбил Колю с ног и сам повалился на траву. Коля ощутил жуткую боль в колене. На смену недоумению к сердцу подступил внезапный страх перед безумием толпы. Словно волной накрыло.

Над головой рявкнула автоматная очередь. Толпа замерла, оглушенная громом и повисшей следом мертвой тишиной.

– Народ, поорганизованней! – крикнул мегафон. – Не толпиться, не драться, не валяться! Всем хватит!

Истукан продолжал сыпать рублями как ни в чем не бывало. Казалось, у него внутри неисчерпаемый источник наличности.

Приведенные в чувство дачники тихо и мирно, стоя на коленях, собирали купюры.

Коля набил деньгами карманы джинсов. Дед долго мусолил и разглядывал одну тысячерублевку, не веря, что никакого подвоха нет. Потом, бережно свернув, положил ее в карман. Мама спокойно, точно цветы, подбирала с травы деньги.

– Ты что, не понимаешь? Мы же их соучастники! – боязливо шептал кто-то сзади.

– Спаси-ибо вам, сынки ро-одные! – заливалась бабка в платочке.

– Слушай, а как эта штука работает? Я че-то вообще не пойму, сколько у него там денег?

– Товарищи, войдите в положение! Мой отец участник войны!

– Давай, давай, дура, иди в милицию! Чтоб нас обоих потом без голов нашли! Бери деньги и помалкивай!

– Э-эх… Теперь куплю себе «Самсунг»!

Вдруг Коля увидел, как к бандитам подошел пожилой седобородый священник. Он что-то горячо говорил им, кладя руку на сердце, сокрушенно мотал головой, судорожно указывал на ползающих по лугу людей и с почтительным ужасом взирал на плюющегося истукана.

Наконец, старший браток, рассмеявшись, похлопал старика по плечу и сунул ему в руку пачку денег. Священник оторопел. Тщетно попытался вернуть деньги бандиту. Потом стыдливо, как бы невзначай сунул их себе в рукав и, что-то удрученно прошептав, зашагал прочь.

– Да-а, случился-таки праздник на нашей улице! – улыбался дед, идя домой.

– Если только это все законно, – говорила мама.

– А если незаконно, то что? Весь поселок на Колыму сошлют? Не-е, не выйдет!

– Может, они нам эти деньги в долг дали? – предположил Коля.

– В долг без расписки никто не даст! – бодро рявкнул шагавший рядом Иван Петрович. – Не боись, Колян! Не смогут они весь поселок в кулаке держать! Мы не какая-то там деревня посреди тайги! Посмотрим, посмотрим, че они задумали! Главное щас не бояться! Дают – бери, бьют… бей в ответ, так, чтоб зубов не осталось!

Всю ночь Коле снились странные, дурацкие сны. Проснувшись к полудню, он почему-то с облегчением подумал, что вчерашние события тоже сон.

«Какие бандиты, какие деньги…»

– Пойдем в поле, может, там еще что-то лежит? – долетело с соседского участка.

Золотые россыпи

Неон мигал, переливался и пульсировал, скользя бликами по изящным кузовам дорогих иномарок, следовавших в Глухово. Зажигался шальными искрами в хмельных зрачках. Пылал в глухой ночи манящим цветком соблазнов.

Глухов-сити отмечал свой второй день рождения. Увидеть подмосковную жемчужину эпохи капиталистического ренессанса съезжались гости всех мастей: лощеные московские воротилы в костюмах от Армани, поотесанные временем воры в законе в бордовых пиджаках, кичливые, ищущие скан-

далов клоуны шоу-бизнеса, вальяжные депутаты, неизвестные решительно ничем, но полные достоинства. Приезжали журналисты, вожаки молодежных организаций, рок-музыканты и просто те, кто мог приехать, пусть даже только поглазеть.

На месте маленького, никому не известного поселка раскинулась сеть превосходно заасфальтированных улиц, освещенных гирляндами подвесных фонарей. Роскошные казино, залы игровых автоматов в три-пять этажей с подмигивающими неоновыми цыганками и стреляющими ковбоями будто перекочевали из Лас-Вегаса в сильно уменьшенном масштабе.

Посреди городка, опутанная лесами, возводилась будущая визитная карточка Глухово: казино «Пизанская башня». Рядом, впервые за свой долгий век удостоенный подсветки, неуместно и одиноко торчал монумент героям войны. Он был похож на старого ветерана, случайно зашедшего в крутой ночной клуб.

Из ресторанов и баров, пошатываясь, выплывали обладатели стеклянных глаз и слюнявых ртов, держась за талии блондинок. Из окон отеля в расположенный прямо под ними бассейн с гиканьем бросались люди в плавках. Кто-то безобразно ревел караоке. Где-то на все лады визжала сигнализация, заглушая вопли перебранки. Чокнутыми светлячками метались по асфальту и стенам точки лазерных указок.

Попавшему в Глухово с непривычки могло показаться,

будто он очутился в центре славного турецкого курортного городка. Контраст между Глухово и окружавшими его темными одичалыми полями, с грустно тускнеющими вдали огоньками дач, поражал и завораживал. Словно роскошный лайнер посреди мрачного ночного океана, который плывет своим курсом и живет своей отвязной жизнью, плюя на волны и мглу за бортом.

Алина и Олег шли по главной сияющей улице в направлении поля, где в этот вечер намечалось грандиозное событие. Алина ела мороженное, Олег посасывал из банки пиво, щурясь от режущего глаза буйства красок.

– А мы твоих не встретим? – спросил Олег.

Их отношения больше не были секретом для матери Алины. Она уже год жила с Олегом и пересекалась с семьей только на даче. Мать не очень любила Олега за необразованность и, как ей казалось, безответственное отношение к жизни. Олег это знал.

– Не-е, ты че! Мои ни в жизнь сюда бы не пошли. Дальше своего курятника ни ногой, тем более ночью.

– А че брат твой, Колька не пошел?

Алина пожала плечами.

– Мама не разрешила наверно. Похитят, убьют, на иглу посадят…

– Хех! Он же взрослый уже!

– Ты ему это объясни.

На окраине поселка начинал толпиться народ. Там посре-

ди скошенного луга сияли мощные прожекторы, освещающие эстраду и внушительные конструкции для грядущего байкшоу. Этой ночью в Глухово должно было прибыть «Племя из ада».

– Когда-нибудь была на байкшоу? – спросил Олег.

– Неа. Мне всегда казалось, что это что-то вроде рок-концерта. Только попьяней и погрязнее.

– В фильмах насмотрелась? – усмехнулся Олег.

Толпа гудела, как возбужденный улей, густея с каждой минутой. Казалось, что в Глухово съехалась вся Московская область.

Из динамиков грянул хард-рок. Через несколько минут до слуха долетел приближающийся, похожий на грохот сотни отбойных молотков, рокот мотоциклов.

– Едут! Едут! – заорали позади.

Гул толпы перерос в неистовый рев. Алина долго не могла разглядеть байкеров. Она видела лишь черный флаг, летящий, колыхаясь, над головами зрителей. В лучах фар, как инфернальный пар из адского котла, курился выхлопной дым.

– Шприц! Шприц! Шприц! – заухала толпа.

На сцену, самоуверенно стуча сапогами, взошел крепко сбитый человек в черном кожаном костюме и бандане. Его глаза скрывали темные линзы очков.

Основатель байкерского клуба «Племя из ада», один из первых байкеров СССР, бизнесмен Богдан Дмитриевич Соломатов по прозвищу «Шприц».

– Здор-рово, глуховцы! Форева ту уилз! – властно крикнул он.

– Почему Шприц-то? Он, что наркоман? – хихикнула Алина.

– Да какой наркоман! Н-не знаю. У них там… Знаешь какие кликухи бывают в их среде… Черт их поймет, откуда берут!

– Поздравляю вас! – продолжал рявкать байкер. – Поздравляю с праздником! Хозяев и гостей, всех с юбилеем! Да-а… Я теперь понял, что такое наш народ! Наш народ, он… вот на голом месте может такую вот красоту за год отгрохать! Блеск! Круто! Просто круто! Мы сегодня для вас зажжем! Не волнуйтесь, – в его черной бороде сверкнула улыбка. – Никто не сгорит!

Два огромных трамплина озарились мощными гейзерами искр. Публика засвистела.

Шприц сделал упреждающий жест.

– Но перед тем, как начать, я хочу пригласить на сцену человека… человека-глыбу, короче, который все это сделал! Сделал все вот это для нас! Которому надо сказать огромное «спасибо» за этот шикарный город! Анатолий Григорьевич, пожалуйста!

Алина привстала на цыпочки, глядя поверх голов.

Спустя десять секунд на сцену, не спеша, поднялся коренастый человек с коротко стриженной головой, в пиджаке и галстуке. Приветственно поднял руку.

Шприц почтительно передал микрофон хозяину праздника.

– Мира, счастья, здоровья!

– Толян! – не веря своим глазам, выдохнул стоявший в толпе рядом с Жекой Сашок.

– У меня, к сожалению, всего пара минут! Поэтому, друзья, желаю вам классно провести время! Наш город Глухов-Сити – это новое, дерзкое, обращенное к будущему лицо нашей великой страны! Я верю, что богатство придет со временем в каждый русский дом, в каждую квартиру, в каждую семью! А Глухово останется в памяти, как первый луч добра и надежды, озаривший наши непростые времена! Добро пожаловать, дорогие глуховцы и гости! Люблю вас всех!

Шприц снял с ремня кривой, сверкающий, зазубренный нож.

– Анатолий Григорьевич, это вам от нашего клуба и от всех байкеров России! И лично от меня!

– Ох ё, куда ж я его положу-то? – растерялся Анатолий. – Ладно. Спасибо, Богдан!

Сидевшая на суку старой березы Ушаня смотрела, как человекоподобный сгусток черного дыма, который все принимали за Анатолия, благодарно кивнув, принял подарок и начал сходить со сцены.

– Толян! – наперебой заорали Сашок и Жека, поджидавшие возле ступенек.

– Ребята, нет времени. Улетаю!

– Никуда ты не полетишь, Толян! – вскипел Жека. – Смотри на меня!

– Ты че с-совсем того?!

– Директор на тебя охоту объявил! Мы тебя щас должны к нему доставить, ты это понимаешь?

– Потом обсудим! – сухо отрезал Толян, даже не глядя на друзей.

Он уселся в свой «Вольво» и стал выруливать к шоссе, сопровождаемый благодарным ревом толпы.

Матерясь, Сашок и Жека сломя голову бросились к «Бэхе», которую как на зло оставили на парковке в полукилометре от эстрады.

Они ехали почти до самой Кольцевой, надеясь все-таки нагнать безнадежно канувшую в ночь машину Толяна. Жека вертел руль, вперив глаза в темную даль, Сашок обзванивал братков.

– Сука, падла, издевается над нами! – прошипел Жека.

– Может, в аэропортах его как-нибудь…

– Ага, сука, щас! Все! Был да сплыл! Мр-разь… Лучше б ты о нем вообще никому не говорил! Опять по башке получим…

– Он так быстро слинял. Не стрелять же в него было.

– А можно было бы и стрельнуть! – мечтательно пробурчал Жека. – В ногу…

– Ты че, нас бы народ на куски порвал!

– Верно. Так и скажем.

Жека скривился в змеиной ухмылке.

– Крыша у него появилась. Мощная! Потому и обурел. На всех плюет, фраер хренов!

Зазвонил мобильник.

– Он! – прошептал Сашок.

– Дай мне! Алло!

– Ну че, набегались? – из телефона веяло ледяной насмешкой.

– Толян, – Жека вздохнул, собираясь силами. – Я твой друг. Ты это помнишь?

– Не поймаете вы меня.

– Погоди!

– Возвращайтесь и смотрите шоу. Не пожалеете.

Мобильник смолк.

Испытание

На утро после праздника в дачном поселке бомбой разорвалась страшная весть: проживавший на крайней улице ничем не примечательный пятидесятидвухлетний Федор Посохин избил жену до полусмерти, а потом разворотил себе мозги электродрелью.

Возле забора дома Посохиных, вздыхая и строя догадки, шатался народ. У калитки стоял милицейский «УАЗ». Карета скорой помощи уже увезла пострадавшую. Вторая готовилась принять труп.

– За что ж он ее так, а? – стонала беззубая старушка в платке. – Себя-то за что?

– Себя – понятно, за что! – мрачно буркнул сухой дед с косматыми бровями, – Я ж говорю, не к добру эти черти на мотоциклах вчера приезжали! Где бога нет, туда они и лезут!

– Господь есть везде, – тихо промолвил возникший за спиной отец Савелий.

Он понимал, как мало значат эти слова. Двадцать лет назад он еще находил в себе силы верить в то, что говорил. Теперь эти силы иссякли.

Отец Савелий знал, что бога в Глухово нет. Как и во всей стране. Как и во всем мире. Бог отошел от дел. Это даже не зависело от того, достроят церковь в поселке или нет, будут туда ходить прозревшие жители или не будут. Но разве он смел о таком помыслить?

В том, что приезжавшие ночью байкеры – плохо сокрытые бесы, отец Савелий даже не сомневался. Они и назвали себя «Племя из ада», куда уж откровеннее? Но вопреки всем убеждениям, к своему величайшему шоку и стыду, он чувствовал, что не так уж и ненавидит их.

«Если бога здесь нет, тогда они тут сила! Что поделаешь, все правильно… Место пусто не бывает. Пусть приезжают, хоть на мотоциклах, хоть на козлах, хоть в одежде, хоть голые с хвостами и рогами. Теперь либо бесы, либо пустыня. Еще неизвестно, что хуже…»

Он тут же обрывал себя и начинал молиться. В голове

вспыхивали бредовые картины Босха, увиденные в юности и произведшие на него тогда колоссальное впечатление. Но как ни старался отец Савелий, мысль, что ад все-таки лучше, чем абсолютное ничто, не давала себя победить.

Когда стали выносить накрытого простыней покойника, толпа, ахнув, расступилась. Многие заторопились прочь.

Стоя как вкопанный, отец Савелий смотрел на страшно проступающие под белой материей очертания тела, на торчащие ноги, на свесившуюся землистого цвета кисть, поросшую волосами.

– Помяни, господи боже наш… – прошелестел он, на миг забыв, что перед ним истязатель и самоубийца.

Он посмотрел, как носилки с мертвецом укладывали в кузов, скорбно опустил взор и, шатаясь, будто в полубреду, рассеянно шепча молитву, двинулся по дороге.

Стоял знойный, безветренный день. Солнце щедро поливало лучами главную улицу так, что мелкие камешки сверкали, как блестки на платье. В безоблачном синем небе метались стрижи. Стрекотали кобылки.

Всего через пару часов после трагической новости поселок снова, как ни в чем не бывало, погрузился в ленивую полудрему. До самого шлагбаума не было ни души.

Отец Савелий шел, провожая взглядом уезжающую «скорую помощь», которая на удивление медленно, переваливаясь с колдобины на колдобину, исчезала в сияющей дали.

Он не сразу осознал, что видит лежащие посреди дороги

разворошенной стопкой зеленоватые купюры. Доллары.

Отец Савелий подошел к деньгам, нахмурился, в смятении стиснул веки, надеясь отогнать наваждение прочь.

Купюры лежали на своем месте. Он не мог представить, кто, когда и почему обронил их посреди дороги. За время пути ему не встретилось ни одного человека.

Отец Савелий с дрожью вспомнил о жуткой, плюющейся деньгами штуковине, которую последние два года регулярно привозили в поселок бандиты.

Перекрестился. Обернулся по сторонам, силясь разглядеть хоть что-то похожее на человеческую фигуру.

Он подумал, что может взять доллары. Отдача от грешной мысли стиснула душу когтями.

«Так и начинается падение! Диавол во искушение вводит!»

Ему пришло в голову, что, вероятно, это подстроенный соседской детворою трюк. Что, быть может, прямо сейчас за ним из какого-нибудь окошка или из зарослей подсматривают чьи-то бессовестные, озорные глаза.

Одно лишнее движение могло обернуться позором на всю оставшуюся жизнь.

Он еще раз обвел местность пристальным взглядом. В свои годы отец Савелий видел довольно неплохо. Никого.

«Но надо же взять их хотя бы для того, чтобы найти владельца! Или… или отправить на благотворительность? Не пристанут же ко мне эти бумажки!»

Эта мысль показалась ему настолько праведной и заманчивой, что он, боязливо нагнувшись, начал протягивать руку.

«Не-ет… Западня!»

Отдернул руку. Хотел уже было продолжить путь, бросив коварные доллары на произвол судьбы.

Налетевший внезапно невесть откуда мощный порыв ветра подхватил купюры и, точно дразня, поволок их по дороге. Деньги убегали, кувыркаясь и подпрыгивая, будто хотели взлететь.

Отец Савелий содрогнулся. Не вполне отдавая отчет в своих действиях, поймал одну замешкавшуюся сотню.

Его охватил азарт. Он вдруг понял, что оставлять деньги на волю ветра – огромная безответственность и, в сущности, подлое позерство.

«Возгордился, глупец! Пройду мимо, утру богу нос! Прости, господи… Нельзя, нельзя деньги бросать! Чай, не на Канарах живем!»

Он ухватил еще две. Ветер усилился. Отцу Савелию пришлось бежать за деньгами, превозмогая робость и стыд. Он так и видел хихикающих сорванцов, наблюдающих из кустов его нелепую погоню.

Наконец, изрядно запыхавшийся священник с хрустом сцапал последнюю купюру и в который раз, уже с совершенно вороватым видом огляделся по сторонам.

Он ждал конца. Не может быть, чтобы его не видел никто.

В такие моменты дьявол обязательно подкинет хоть одного свидетеля.

– Скажите мне! Кто владелец этих денег? – воскликнул отец Савелий пронзительно-высоким голосом. – Если вы не отзоветесь, мне придется сдать их в милицию!

«Так и сделаю!» – с не слишком-то искренним облегчением подумал он.

Он вспомнил, как два года назад нашел в себе силы избавиться от денег, подаренных бандитом.

«Смог тогда, смогу и сейчас…»

До милицейского участка можно было добраться только на автобусе из Глухово. Отец Савелий пришел в поселок и сел на скамейку посреди усыпанного мусором после вчерашних гуляний, обезлюдевшего тротуара.

Автобус не шел. Водитель попутной легковушки запросил денег, которых у священника, кстати, не оказалось.

Обшарив карманы, отец Савелий вдруг понял, что никуда не сможет доехать без кошелька. С собой у него были только чужие доллары. Ездить зайцем он не привык. Тем более, что с недавних пор за безбилетниками стали следить куда пристальнее.

Крякнув от досады, отец Савелий поплелся домой за деньгами.

Солнце накалило седые волосы на его голове. На лбу выступил пот. Очки давили на переносицу и то и дело норовили съехать вниз. Отцу Савелию казалось, что солнце оплело

мир вязкой, сухой паутиной, продираться сквозь которую с каждой минутой все труднее.

Ему потребовалась целая вечность, чтобы дойти до дома. Еще одна вечность, чтобы вернуться в Глухово.

Подходя к остановке он увидел, как стоящий в ожидании пассажиров «Лиаз» предательски начал затворять дверь. Чуть не взвыв от обиды, отец Савелий бросился к автобусу. Водитель несомненно видел его. И, вероятно, именно поэтому поспешил надавить на газ.

«Господи… Я ведь не заслужил!» – прошептал отец Савелий, слушая насмешливое бульканье уезжающего автобуса.

Бог по своему извечному обыкновению молчал.

«Что ж мне теперь весь день на это убить? Ладно… ладно… Значит возьму доллары на хранение! Не оставлять же их… Чтобы детишки потом себе героин на них купили. Нет, батенька! Да и кто их, позвольте спросить, в нашей глуши мог обронить-то, а? Уж не один ли из тех, кто этой ночью в казино бесам душу закладывал? Больше некому!»

Эта мысль так взбодрила его, что все сомнения разом отвалились. Отец Савелий понял, что все делает правильно. Доллары надо использовать по уму. И по-божьему закону. Не возвращать их тому, кто сам их украл и заслуженно потерял, одурев от разврата и выпивки. Не отдавать первому встречному, не жертвовать неизвестно куда, неизвестно на что.

Страх перед ответственностью ни в коей мере не мог быть добродетелью. Отцу Савелию предстояло его преодолеть.

«Деньги могут служить великой цели, будучи в праведных руках», – думал он по дороге домой.

Какой именно цели, отец Савелий ещё не придумал. Их можно было бы пустить на позолоту купола новой церкви, строительство которой близилось к завершению. Впрочем, недостатка в средствах благодаря щедрости Анатолия до сих пор не было.

Отец Савелий не знал, как относиться к делам своего могущественного знакомого. Семена порока, посеянные им в Глухово и зловещий, явно языческий ритуал с глиняным идолом, к которому он вероятно тоже имел отношение, хоть и не присутствовал на нем, внушали ужас. Но церковь он построил, как и обещал.

Отец Савелий несколько раз пытался зайти к Анатолию на разговор. Однако хозяин теперь почти не бывал дома, и его железные ворота неизменно были заперты.

Таинственный сумрак окутал всю его жизнь. Сумрак, от которого (отец Савелий сердцем это чуял) следовало держаться подальше.

Подвиг

Аркадий Романович выполз из-под раковины с закапанным грязной водой лицом и перепачканными руками.

– Ну что там, заяц? – осторожно спросила мать.

Аркадий давно свыкся с этим невыносимо нежным про-

звищем.

– Сифон… Прокладки старые, загрубели. Надо сантехника звать. Я сам не сделаю.

– А-а, ну ладно, ладно. Молодец, Аркаша! Иди во двор, руки помой.

Аркадий размял затекшие плечи и, многозначительно вздохнув, пошел к уличному рукомойнику.

Никакого сантехника бы не потребовалось, будь жив дед.

«Последний из могикан!»

Аркадий с трудом намылил руки окостенелым хозяйственным мылом. Вымыл и вытер лицо.

Чувствуя в сердце назойливый зуд, требующий сейчас же совершить что-то полезное, Аркадий засучил рукава рубашки, взял топор и принялся колоть сложенные возле бани дрова.

По старой, ещё в детстве укоренившейся привычке, он воображал, что раскалывает головы злодеев.

«Нет, конечно, не головы…»

Аркадий не был настолько кровожаден.

«Скорее их личности, их предательские души в корявых древесных оболочках!»

Многие из тех, кого он ненавидел, умерли еще до его рождения. А куда было переселяться их душонкам? Только в дрова!

Нарубившись до онемелых рук, Аркадий Романович выпил на кухне воды из холодного самовара, спросил мать о ее

самочувствии и, улегшись на кровать в своей комнате, начал перечитывать трактат Клаузевица «О войне».

«О войне…»

Аркадий знал о ней более, чем достаточно. Из книг. Ганнибал и Александр Македонский, Карл XII и Фридрих Великий, Суворов и Наполеон, Черчилль и Гитлер. Он хорошо представлял себя в роли тех, для кого война сводилась к стрелкам и флажкам на карте, либо к бушующему человеческому океану под косогором, с которого полководец невозмутимо наблюдает за ходом битвы.

То, что в своей жизни увидел и испытал сам Аркадий Романович было похоже не на войну, а на разлагающий бред. Он никому об этом не рассказывал, кроме матери. Но даже ей раскрыл не все.

Он прибыл в Афганистан младшим лейтенантом, когда война уже перевалила за половину. Пробыл там всего месяц. Моджахеды стреляли с далеких холмов редко и почти наугад. Им отвечали минометным огнем. По-настоящему боялись только снайперов и мин (чаще всего своих же собственных).

Вечером двадцать седьмого дня Аркадий ехал в колонне, трясясь на броне лязгающего БТР-а. Он не спал больше двух суток и, несмотря на адский шум, тряску и пыль, то и дело клевал носом.

Что-то грохнуло. Удар горячего воздуха сшиб его на землю. Он ничего не слышал, в ушах звенело. Грудь, плечо

и ребра горели, словно каждый сантиметр кожи изрезали бритвой.

Аркадий видел, как вспыхнул ехавший впереди броневик, подбитый из РПГ.

Он тряс головой, жмурил глаза, в панике пытался нашарить автомат.

Нашел чью-то кисть со скрюченными пальцами.

Когда бой закончился, Аркадия отыскали под колесами «Урала», лежащего без чувств в мокрых штанах. Его контузило и посекло осколками.

Находясь в госпитале, Аркадий, как помешанный, раз за разом умолял врачей вернуть его домой, дрожал и не мог держать ложку.

Ему потребовалось полгода, чтобы оправиться от шока. И ещё пять лет, чтобы выйти из чудовищной депрессии, вызванной осознанием своего позора.

Единственным человеком в его жизни стала мать. Единственным делом – чтение книг.

Будучи уже давно комиссован, Аркадий с началом Чеченской войны принялся учить симптомы контузии, чтобы (он молил об этом вселенную) никогда больше не вернуться в пережитый ад.

Злоба и презрение к себе, которые он испытывал постоянно, даже в сновидениях, тихо бродили в крови, отравляя душу и перекраивая сознание. Он искал виновных в своем жизненном провале. Тех, кто неверно его воспитал, не пока-

зал, что значит быть сильным, не приучил смотреть смерти в глаза. Он чувствовал, что если бы оказался в четырнадцатом году в Восточной Пруссии, а не в загаженном Афганистане, если бы воевал с европейцами, а не с душманской нечистью, то непременно стал бы тем, на кого с давних пор не смел и равняться.

Во всем была виновата страна! Орел не сможет воспарить, если всю жизнь рос в курятнике и клевал пшено. Десятилетия отрицательного отбора сделали свое дело!

«Что могло вырасти из ребенка, которого с пеленок учили любить пятидесятилетнего «дедушку» Ленина и восторгаться пьесой «На дне»? Ребенка, чей отец по ночам плакал от зависти к приятелю, ездившему на «Волге»?»

От этого нельзя было отречься. От этого нельзя было спрятаться. И жить с этим тоже было, в общем-то, невозможно.

Аркадий вспоминал своего деда. Сверхчеловека, прошедшего войну, работавшего на шахте, в одиночку построившего дачу и до последних дней сохранявшего бодрость и ясность ума. Он фантазировал, что не случись советской власти, каждый третий мужчина в стране был бы таким…

Аркадий много бы отдал, чтобы проснуться другим человеком. Не таким, как дед (он при всех своих достоинствах все же был плоть от плоти деревня), но кем-нибудь столь же бесстрашным и непробиваемым. Если б ему предложили, он бы без долгих колебаний начал жить заново. Разумеется, в

другой России в иную эпоху.

У него не было здесь даже женщины.

На столе зазвонил мобильник. (Благодаря бандитским подачкам Аркадий и его мать, наконец, узнали, что такое телефон без диска и проводов).

– Алло!

– Аркадий Романович?

– Да. Я вас слушаю.

В телефоне звучал незнакомый, но располагающий к себе женский голос. Это было странно, поскольку номер Аркадия знали всего два человека на планете: он и мать.

– Здравствуйте!

– С кем имею честь?

– Я представляю ветеранскую организацию «Несокрушимый обелиск». Мы узнали о вашем подвиге и были бы счастливы, если бы вы обнародовали свои воспоминания.

– Откуда у вас мой телефон? – мрачно спросил Аркадий.

Неизвестная организация с банально-казенным названием не внушала ни малейшего доверия. Упоминание подвига пробудило в сердце недобрый морок: это была либо ошибка, либо, в худшем случае, чья-то гнусная провокация. Похоже кто-то прекрасно знал про его «подвиги» и с какой-то целью захотел вынести их на всеобщее обозрение. От одной такой мысли Аркадию захотелось немедленно послать даму ко всем чертям и отключить телефон.

– Пятнадцать лет назад под Кандагаром вы спасли множе-

ство жизней. Насколько нам известно, вас даже не наградили…

– Вы меня с кем-то спутали.

– Но как же…

– Всего доброго!

Аркадий швырнул телефон на кровать.

– С-суки! Сколько можно! Падальщики…

Ночью он долго не мог заснуть. Ерзал, хлопал глазами, тщетно пытался выправить одеяло в спутанном мешке пододеяльника. Вспоминал, кому, когда и где мог дать свой номер.

Потом он провалился в сон и увидел то, во что никогда и ни за что не решился бы поверить в здравом уме.

Все начиналось так же, как в тот проклятый вечер. Аркадий клевал носом, сидя на броне. Взрыв. Он уже на земле. Кругом крики, выстрелы. Вспыхивает БТР.

Настали минуты, которых Аркадий решительно не помнил.

Он смог найти свой автомат. Да, да, он его нашел! Он бежал вдоль колонны, стреляя короткими очередями по мутным теням на каменистых склонах.

Потом он прятался за танком с разбитой гусеницей. Видел вспыхнувший белым облаком и прошипевший прямо над головой гранатометный выстрел.

Затем разглядел несколько смуглолицых фигур в лохмотьях, которые, пригнувшись, спускались к нему с холма, то

и дело стреляя и перекрикиваясь на тарабарщине. Шум сражения словно бы начал стихать. Ему почудилось, будто он единственный во всей роте остался в живых.

А дальше… Кажется, он завалил двоих. Третий хотел швырнуть гранату, но получил пулю в колено и сам же на ней подорвался.

Когда он бросился к хвосту колонны, то краем глаза увидел совсем рядом чью-то бородатую рожу. Подобравшийся с другой стороны душман замахнулся прикладом, но Аркадий, увернувшись, успел разрядить последний патрон ему в живот.

Потом он залег под грузовиком, сжимая в окаменевшем кулаке нож. Он ждал конца, каким бы тот ни был.

Аркадий проснулся в рассветных сумерках, слушая далекий крик петуха и щебет ранних пташек.

Это не могло быть пустым видением. Слишком реалистично. Все так и было. Память просто подло вычеркнула правду на долгие пятнадцать лет, оставив лишь одну посттравматическую мерзость.

Аркадий мучительно стиснул зубы, раздираемый сомнениями. Он знал, что сон не мог ему солгать.

«*Такие* сны не лгут!»

Он нередко вспоминал во сне мелодии и фразы из фильмов, которые забыл давным-давно. Это была специфическая черта его памяти. Видимо телефонный разговор дал толчок, обрушивший стену многолетнего забвения.

После завтрака Аркадий позвонил в «Несокрушимый обелиск» и, ничего не объяснив матери, уехал в Москву.

Вечером мать увидела его бодро шагающего домой по дороге, с улыбкой на лице и горящими (чего с Аркадием давным-давно не бывало) глазами.

– Что с тобой, заяц?

– Я вернулся, мама! – Аркадий, сияя от счастья, взял ее за плечи.

– Чего?

– Я… вернулся! Вернулся с войны!

– Ты че выпил, что ль?

– А… считай что да! Я писатель, слышишь! Я буду писать!

– Про кого?

– Буду писать про то, что со мной было! Правду! Люди хотят знать! Им интересно, понимаешь? Я… я все вспомнил, мама!

– Н-ну ладно. Иди ужинать! Потом расскажешь.

Аркадий обнял и поцеловал мать, звонко чеканя шаг, направился в дом. Это было похоже на избавление от затяжной болезни, на выход из тяжкого похмелья, на окончание дрянного тягучего сна. Впервые за треть жизни он чувствовал себя полностью живым.

Крепость

Народ, не поднимая глаз, ползал по траве собирая щед-

ро наплеванные истуканом деньги. Потом в приподнятом настроении разошелся по домам. Кто-то хвастался хорошим «урожаем», кто-то делился планами, кто-то строил теории. Василий Палыч в старом пиджаке с медалями, залихватски бегал пальцами по кнопкам баяна. Словно окунулся в забытую молодость.

– Давайте к нам, у нас стол накрыт! – ревел Иван Петрович. – Заодно покажу вам моего красавца!

– Ой, хвастун… – вздыхала Софья Владимировна, похлопывая мужа по широкой спине.

– Мы себе компьютер отдельный на дачу хотим прикупить. Мать негодует, мол все лето в игры проиграю, – как бы между прочим рассказывал Коле Алешка. – А вы куда собираетесь в августе-то лететь?

– В Болгарию.

– Куда? Так там же война…

– Нет там никакой войны. Ты с Югославией перепутал.

– Разве?

– Мне вся эта бесовщина с денежным идолом напоминает какой-то зловещий эксперимент. Словно у Стругацких в «Граде обреченном», – кряхтел, отряхивая брюки от травяного сора, Борис Генрихович.

– Ты ведь зарекался деньги брать! – презрительно ухмыльнулся Иван Петрович.

– Зарекался… А как сына от армии отмазать? Если он здоров как бык и поступить никуда не может? А матери на ле-

чение? Я вот только в отличие от тебя этот дамоклов меч над головой хорошо чувствую! С нас со всех еще за эти бумажки спросят!

– Тебе так трудно поверить, что Анатолий просто щедрый человек, искренний филантроп, желающий нам помочь? – спросила Бориса Генриховича его жена, ревностно ощупывая набитую деньгами пляжную сумку.

– Во-первых, я с тобой спорить тоже зарекся! Во-вторых, с каких это пор он стал для тебя Анатолием? В-третьих, он бандит! И все они бандиты, ты это понимаешь? В-четвертых… вообще, почему вся эта акция носит черты какого-то гнусного псевдосектантского ритуала? Нас вгоняют во времена Рюрика?

Они шли на дачу к Ивану Петровичу, кто-то с любопытством, кто-то с завистью намереваясь узреть очередное доказательство его бесспорного первенства. Вся улица знала, как ловко и масштабно он смог использовать собранные за эти два года деньги. Прежде всего он помог своему богатому, но в какой-то миг едва не севшему на мель тестю поправить дела. После этого у него сперва появилось спутниковое телевидение, потом роскошная в половину дома терраса и гараж, потом дочь отправилась учиться в Германию, а теперь в его гараже вместо ржавеющей «Шестерки» стоял серебристый «Фольксваген» последней модели.

Следом за хозяйской четой гости, впечатленно хмыкая, прошли через устланный вечнозеленым газоном двор и, про-

топав по гладким лакированным ступеням, поднялись на террасу, где их ожидал длинный, уставленный яствами и дорогой выпивкой стол.

– Ну… неплохо, да? – смущенно хвалился Иван Петрович, обегая взглядом новую пристройку. – Мы сначала хохлов наняли ее делать. Хлебнули горя! Мало того, что ни черта не умеют, собаки, так еще и пол-литра бензина напоследок слили! Я их перестрелять хотел… Нанял армян – все живо, без нареканий сварганили – раз-раз и готово. Во, красота! А потом и гараж.

– Да, армяне народ такой… – многозначительно промолвил Василий Палыч, пригубив водки.

– А машина… машина – это песня! Я два часа разбирался, как этого немца на сигнализацию ставить! И как ее потом отключать. Автоматическая коробка передач – рычажок двигаешь взад-вперед, даже ребенок трехлетний освоит! Летом кондиционер, зимой обогрев – все на электронике… Двери закрываются автоматом, как в бандитских фильмах. Щелк – ты заперт! Щас поедим, я вам покажу.

– Ну знатно ты поднялся, Петрович, знатно… – прошамкал бывший председатель кооператива Давыдыч. – А я и на ремонт себе все накопить не могу. Туда-сюда – всюду расходы, везде траты, дети, внуки! Как будто бы и не было получки. Таланту предпринимательского видно мне не хватает, а?

– Да-а, не у всех хозяйская жилка есть. А что остальные? Граждане, есть о чем отчитаться?

Отчитаться было о чем. В последние годы у многих дачников стали появляться спутниковые тарелки, пластиковые окна и газоны. Средние обыватели открыли для себя пляжи Египта и Турции. Старики реже гнули спины в огородах. Молодежь пересаживалась на мопеды. Мобильный телефон из диковинной роскоши превращался в естественного спутника жизни.

– Ну-с! – с какой-то хмурой настойчивостью продолжил Иван Петрович. – Чего у кого нового?

Соседи, пожимая плечами и всплескивая руками, стали без охоты делиться своими относительно скромными достижениями, вроде покупки компьютера или нового гарнитура для гостиной. Талантом искренне и самозабвенно хвастаться, как и хозяйской жилкой обладал далеко не каждый.

– Иван, скажи по чести, ты всем доволен? – не выдержал вдруг Борис Генрихович.

– А что не так?

– Да все так… За исключением того, что наш поселок превратился в бандитскую помойку, в подмосковный порт Тортуга, все тип-топ.

– Так… Я не пойму, ты правду искать сюда пришел? – Иван Петрович мрачно нахмурил свои тяжелые брови.

– Ты человек взрослый, да? Я надеюсь, – продолжал Борис Генрихович, не глядя на жену, которая уже принялась тыкать и щипать его под столом. – Ты наверно помнишь, как тебя всю жизнь обманывали? Как ты пятьдесят лет глотал пустой

крючок!

– Хватит… – грозно скрежетнул зубами Иван Петрович.

– А теперь, когда ты уже научен горьким опытом, что голую железку глотать нельзя, тебе (и не только тебе, всем нам!) впервые дали крючок с наживкой.

– Бойся завистников, Ваня! – ехидно фыркнула Софья Владимировна.

Борис Генрихович пропустил ее насмешку мимо ушей.

– Вы все хотя бы задумываетесь, чем это нам грозит? Нам уже второй год задаром выдают колоссальные деньги. Мы их должники!

– Должники… – проворчал Василий Палыч. – Сначала ограбили народ, а теперь ишь – должники! Ничего я им не должен! Пускай платят!

– Вот именно! – подхватила баба Нина.

– Ну давай, развивай мысль! – потребовал Иван Петрович. – Под каким соусом они от нас потребуют долг? Они, что, считали, кто из нас сколько денег подобрал? Мы им за что-то расписывались? Или как? Ты, может, не видел, а я заметил: они сами эти бумажки тайком ловят! Как будто это даже не их бабки!

– Я тоже видел! – поддержал Коля.

– А вы не думали, что они покупают за деньги нашу лояльность? – выпалил Борис Генрихович. – Что им, может быть, в будущем понадобится деревня крепостных рабов, готовых отстаивать их интересы. Может, им электорат лояльный ну-

жен?

– Электро… Чего говорит? – изумленно пробурчал Давыдыч.

– Если вам скажут: проголосуйте за бандитского кандидата или мы вам золотой краник перекроем, что вы будете делать?

Вдоль стола побежал озадаченный полушепот.

– Ладно, все! – рыкнул Иван Петрович, уронив нож в тарелку. – Закрыли тему!

Борис Генрихович понимающе закивал:

– Да-да-да…

– Моя Светка… – чтобы как-то соскочить с неприятной темы Иван Петрович начал было рассказывать о переезде дочери в Берлин, но вдруг будто чего-то смутившись или устав, заглох на втором предложении.

– Это да… – вздохнул Василий Палыч.

Наступила странная тишина. Каждому хотелось ее прервать, но каждый неожиданно для себя почувствовал, что говорить больше не о чем.

Как-то странно и смешно теперь было идти осматривать стоящий в гараже, никому в сущности не интересный «Фольксваген» и восхищаться им.

«Зачем вообще собрались?» – бродило в голове у каждого.

– Анекдот! – сурово возвестил Иван Петрович, подняв палец. – Нашел новый русский лампу. Оттуда джинн…

– Товарищи! – воскликнула вдруг, прежде сидевшая тихо в углу стола Алла Юрьевна. – Мне кажется, мы сейчас обсуждаем не то, что нужно!

Сидящие перевели взгляды на эту резкую худую, еще пока не пожилую особу, с длинной жилистой шеей, цепкими глазами и тонкогубым подвижным ртом.

– Нам сейчас в кое-то веке дана возможность наращивать и приумножать свои… ну капиталы. Давайте называть вещи своими именами! И наша задача теперь прежде всего в том, чтобы оградить доступ к деньгам от посторонних лиц! Да! Я категорически против того, чтобы сюда приезжали те, кто тут не живет, и лезли в наш карман! Даже друзья и родственники! Мы стоим на опасном рубеже! Наши дачи соседствуют с Глухово, куда со всей области стекается всякий алчный сброд. Это чудо, что чужаков пока единицы, а не десятки тысяч! Еще год-два, и тут будет не протолкнуться! А там и власти заинтересуются, что это за денежные дожди идут в Подмосковье без их ведома! И все! Плакало наше Эльдорадо! Верно же?

– Верно, – растерянно согласился Иван Петрович.

– Так что, товарищи, проявляем сознательность! Рты на замочки!

Коля почувствовал знакомую тошноту, словно он сидел в классе, слушая непрекращающиеся вопли раздраженной училки. Кажется, Алла Юрьевна и была учительницей. То ли в школе, то ли в институте. Только у педагогов бывают такие

окостенелые глотки.

– Я предлагаю каждому дать подписку о неразглашении тайны!

– Хосподи… На чем подписываться-то? – испуганно пробухтела баба Нина.

Алла Юрьевна нервно мотнула головой, словно речь шла о недостойном обсуждения пустяке.

– Это второстепенный вопрос.

– Да хоть клятву дать, какая разница, – промолвил Иван Петрович.

– Именно подпись! – категорично покачала пальцем Алла Юрьевна. – Хотя клятва тоже не помешает.

– А что будет, если я нарушу клятву? – с плохо скрытым презрением спросил уставший молчать Борис Генрихович. – Бойкот?

– Взыскание, – холодно ответила Алла Юрьевна. – Денежный штраф или, скажем, недопуск к э-э… к ритуалу.

– К ритуалу? Хех! Ну-ну… А публичный разнос?

– Я бы на вашем месте не увлекалась сарказмом! Вы тоже подбирали деньги, а, значит, взяли на себя общие обязательства!

– Нет, нет, нет, прошу вот в этом месте поподробнее! У вас есть на службе какой-то властный орган, который привлечет меня к ответственности? Или просто толпа идеологически обработанных вами дачников придет ко мне ночью с вилами и факелами? Выпорет кнутом, изваляет в смоле и в

перьях…

– Вам лишь бы поерничать! – взвилась Алла Юрьевна, тряхнув серыми локонами. – Любитель разрушать чужое счастье!

– А еще тайный троцкист, плюралист и космополит! – оскалился Борис Генрихович.

– Так все… – оскорбленно-глухо прорычал Иван Петрович. – Давай отсюда!

Жена Бориса Генриховича, чуть не плача от стыда, бросилась к калитке. Супруг поспешил за ней.

– Сам не живет и другим не даст! Клещ! – ненавидяще выплюнул Иван Петрович.

– Товарищи, я прошу вас прислушаться! – продолжила Алла Юрьевна, постучав по столу перечницей. – Мы должны превратить наш поселок в крепость! Неприступную для чужих посягательств! Я надеюсь на ваше понимание и ответственность!

Наступила еще одна неловкая пауза, в завершении которой жена Ивана Петровича вынесла на террасу магнитофон и предложила всем послушать Высоцкого.

– Я домой, – сказал Коля матери.

– Гари Потира пошел читать! – иронично вздохнул подвыпивший дед. – А я сколько про этого Гари Потира не слышу, даже не знаю, кто он такой, чего написал?

– Во-во! – поддержал Давыдыч. – Настоящий писатель – это тот, чьи книги на слуху!

С уходом Бориса Генриховича все ощутили резкое, почти физическое облегчение.

– Кстати говоря, знаете, кто никогда не ходит за деньгами? – неожиданно заметил Иван Петрович. – Арханов! Ни он, ни его семейка.

– А им-то зачем… – махнула рукой баба Нина. – Они ж и так богаче всех.

– Гордыня горская не велит! – промолвила Софья Владимировна.

– Они здесь никому не доверяют, – отметила Алла Юрьевна. – Как цыгане. Кстати говоря! Вы думаете им по нраву, то что с нами сейчас происходит?

– Им-то что! – хмыкнул Василий Палыч.

– Ничего. Просто это следует иметь в виду. В поселке есть прослойка людей, которые не поддерживают происходящее. Есть сознательные противники нашей жизни. Как, например, этот… – она кивнула в сторону калитки, не затворенной Борисом Генриховичем. – Если они объединятся…

– Ой, да ладно…

– Если они объединятся, – Алла Юрьевна красноречиво провела пальцем по шее. – Нам останется только сказать «спасибо» за недолгий период благополучия. Достаточно предать дело широкой огласке и все! Мой отец не для того воевал на фронте, моя мать не для того таскала шпалы и умерла в пятьдесят семь лет, чтобы какие-то… э-э диссиденты и инородцы еще раз выбили у нас из-под ног почву!

– А при чем же тут инородцы? – не понял Давыдыч.

– При том! Думаете, им нравится, что русские начали догонять их по доходам? Что они больше не смогут нам пальчиком грозить из окна джипа?

Чувствуя, что слишком распалилась, Алла Юрьевна перевела дух и осушила рюмку.

– Так что так… Никто нас не защитит и никто о нас не позаботится, кроме нас самих. Государство наше вы знаете.

– У вас, конечно, суровый взгляд на мир, Алла Юрьевна, – проворчал Иван Петрович, откупоривая бутылку кальвадоса. – Но в целом… согласен. Организация должна быть! От бандитов, кстати, тоже защищаться, может, еще придется…

Он многозначительно сверкнул глазами:

– Кто знает, что у них на уме…

– Ты что ж, вооружаться предлагаешь? – усмехнулся Василий Палыч.

– Не предлагаю, а вооружаюсь. Лицензию уже оформил. Я, конечно не верю Генриховичу, но… ч-черт их знает!

– Ладно, давайте не будем обо всем об этом! – встрепенулась Колина мать.

– Вот-вот! – подхватила Софья Владимировна.

Голос Высоцкого начинал петь ее любимую песню про коней и волков.

Погоня

Михаил Моисеич вышел из автобуса, чувствуя неприятные колики в отходивших свое старческих ступнях. Поправил обвислые поля рыбацкой панамы и медленными шагами, припоминая дорогу, двинулся в сторону дач.

В разгар знойного дня Глухово казался таким же пустынным и забытым, как в былые дни своего полунищего существования. Лишь в шашлычных и барах продолжалась какая-то вялая похмельная жизнь. Ветер гнал по асфальту сухие листья и обертки от жевачки, мерно, словно океан, шумел в кронах берез.

Мицкевич не без интереса оглядывал новые здания, которые при свете дня еще больше отдавали безвкусной помпезной дуростью. На всем лежала печать чьей-то злой насмешки.

На выезде из поселка он заметил диковатое строящееся сооружение: некое подобие средневековой крепости, стиснутое в один блок. Из-за высокого забора и лесов Мицкевич не мог толком изучить это чудище архитектуры. Зато ворота, которые почему-то воздвигли в первую очередь, производили колоссальное впечатление. Какая-то варварская мешанина из металлолома: морды адских химер, торчащие пики, на которых не хватало разве что черепов, позолоченные православные кресты, гильзы от снарядов.

Мицкевич прочел выложенную над створками металлической латиницей надпись: «Tribe from Hell».

– Кто-то там из ада? Н-да… За такие адские врата Люци-

фер бы отправил оформителей в девятый круг… в смирительных рубашках!

Довольный своей шуткой, он двинулся дальше.

«Мотоциклисты, точно… Потянулись, как мухи на мед! Теперь будут по ночам тарахтеть, спать не давать людям!»

Путь был долгим и утомительным. Никто из проезжавших мимо водителей не желал остановиться и лишь плевал в лицо выхлопами и пылью. У Михаила Моисеича сжимались кулаки. Злился он, впрочем, не на бездушных автомобилистов, а на друга Петю и на себя.

– Послушался, старый козел! Альтруизм! Надо всех спасти! План составить! А мне… может, завтра коньки отбрасывать! На кой мне это все надо-то, а? Ох, Петя, Петя… Тебе легче, ты же псих!

Миновав шлагбаум, возле которого с недавних пор разместился тронутый ржавчиной жилой трейлер, Мицкевич прошел несколько шагов, а затем вдруг встал как вкопанный. Сердце защемило.

В паре десятков метров от него, посреди скошенного луга дюжина по пояс голых бритоголовых молодчиков, дружно выкрикивая, отрабатывала каратистские приемы.

Мицкевичу показалось, что Земля завертелась быстрее, уходя из под ног. Он чуть не повалился навзничь.

Доносившиеся из трейлера звуки радио стихли.

– Эй! – из двери выпрыгнул лысый громила с рейховским орлом на черной майке. – Куда?

– Я… я… в гости?

– К кому ты в гости? – тон незнакомца не предвещал ничего доброго.

– П-послушайте, какая разница? – заговорил Мицкевич, судорожно собирая воедино мечущийся в хаосе разум.

– Ты кто? Имя?

– М-михаил…

– Фамилия?

– Миц… Микоян.

– Юде?

– Э-э что?

– Ну жид, еврей?

– Простите! У меня фамилия Микоян! Я еврей, по-вашему?

– Ну а что, в Армении евреев нет?

Мицкевич тоскливо посмотрел скинхеду за спину, не едет ли по дороге какая-нибудь машина. Хотя разве машина тут спасет?

– Вы… вы что со мной сделать-то хотите? – внезапно для себя выпалил он. – Убить, избить – что? Вот так вот, невинного человека! За то, что у него лицо неправильное! Средь бела дня, да?!

– Друг, ты не понял. Мы просто хотим знать кто ты и куда направляешься. И все. Поменьше телевизор смотри.

Бритоголовый говорил спокойно, даже примирительно. Но его серо-водянистые глаза светились каким-то плото-

ядным предвкушением. Или, может, это был его обычный взгляд?

«Уроды!» – мысленно взвизгнул Мицкевич.

Он заметил, что парни в поле прекратили тренировку и стали приближаться.

– Скажи адрес, куда идешь!

– Адрес? Да вы что! Здесь деревня, откуда я знаю адрес! Тут и номер-то не на каждом доме есть!

Скинхед пожал плечами.

– Имя хозяина дома?

– Петр! Фамилию не помню.

«Дурак, как же можно не помнить фамилию!»

– Се-семенов, вроде.

– Хм… Ну ладно, сверим с картотекой. Давай, дуй! Ара Зильберович!

– А у тебя дед в карателях служил, небось! – зло подумал Михаил Моисеич и вдруг осознал, что произнес мысль вслух.

– У меня дед на Колыме сгнил! Скажи спасибо красной сволочи!

– Че, нарывается? – нагло каркнул подступивший сзади бритоголовый.

Оскорбленный скинхед достал из-за пояса короткую резиновую палку и начал многозначительно сгибать ее в могучих лапах.

– Иди, иди… – произнес он тоном смилостивившегося бо-

га.

– Э-эх… – ответил Мицкевич и поскорее затопал прочь, чтобы не успеть вякнуть еще что-нибудь роковое.

Внутренний голос подсказывал, что беда еще не миновала и ничего не кончено.

«Кто ж этих сволочей сюда пустил? Чем они тут занимаются? Вроде охраны, что ль?»

Пройдя с полсотни шагов, он не выдержал и оглянулся. Опасение сбылось: хулиганы о чем-то совещались, показывая на него пальцами. Главный, приметив его взгляд, что-то крикнул и поманил рукой.

– Ага! Щас!

Он подумал, что лучше всего свернуть на одну из улиц, забежать в какой-нибудь дом, укрыться. Но вспомнил про заборы, через которые в его годы точно не перелезть.

«Да и жители выдадут, если припрет!»

В поле строились новые дачи.

«Надо туда, там гастарбайтеры! Расово-идеологические противники, так сказать… Не защитят, так спрячут!»

Мицкевич со всех ног кинулся в поле. Надежда оказалась напрасной: волей дьявола все рабочие точно испарились. Дома стояли без дверей и оконных рам. Прятаться в них было все равно что укрываться в фанерных домиках на детской площадке.

Он оглянулся. Скинхеды приближались неспешным шагом, видимо считая ниже своего достоинства переходить на

бег.

Впереди стояла недавно возведенная церковь с сияющим на солнце куполом. Михаил Моисеич слабо верил в божье чудо, но выбора, как и времени уже не оставалось.

Внутри не было никого, кроме пожилого худощавого священника с болезненным взглядом и дорогим перстнем на пальце.

– Помогите!

– Да?

– Банда к-козлов за мной бежит! Фашисты ваши! Спрячьте!

– Что вы хотите в доме божьем? – сумрачно произнес священник, глядя на Мицкевича с явной неприязнью.

– Да что не понятно?! Спрячьте меня!

– Где ж я вас спрячу?

– Подвал есть?

– Нет.

– Господи… – Мицквеич заметался по церкви, слыша голоса приближающихся подонков. – Ну поговорите с ними! Вы же батюшка!

– А вы православный христианин?

– Я… Да, да!

– Мне так не кажется.

Священник вдруг подступил к Мицкевичу, яростно глядя в глаза.

– На все воля божья! Выйдите!

– Да вы… вы что?!

– За Христа отплатить придется! И вам, и потомкам вашим! Выйдите сейчас!

– Да я тебя… фашист проклятый! Удушу! – заорал Мицкевч, тряся скрюченными пальцами.

– Души! – вздохнул священник, стоически закрыв глаза. – Вот моя шея!

Чья-то железная рука рванула Мицкевича за плечо.

– Ты куда, старче! В православие решил переметнуться?

– Спаси и сохрани… – прошептал отец Савелий, отступая к алтарю.

– А мы ведь узнали, кто ты! – насмешливо заговорил вожак. – Вайссвольфа знаешь? Черепа? Они с тобой давно встретиться хотят!

– Сынки… милые! Мне ж восемьдесят шесть! – взмолился Михаил Моисеич.

– Ну и хорошо. Пожил!

Его вывели из церкви, сдавив сзади шею тисками пальцев.

Спустя десять минут (худших в жизни Мицкевича после окончания войны) его привели на дачный участок.

Сидевший на цепи громадный ротвейлер залился бешеным лаем и чуть не вцепился в ногу.

– Место! – скомандовал главарь. – Место, кому сказал!

– Внутрь!

Перед ним открыли дверь белой «Девятки» и как старый куль впихнули на заднее сиденье. Заворчал мотор.

Они объезжали поселок по периметру, чтобы не разворачиваться на узенькой дорожке. Справа шли заборы. Слева – лес за старой, просевшей во многих местах, сетчатой оградой.

Мицкевич сразу смекнул, что имеет дело с дураками. Его посадили рядом с дверью, которую даже не подумали запереть. Видно, были слишком низкого мнения о своей жертве.

Машина ехала с черепашьей скоростью. Михаил Моисеич дождался, когда лесная ограда снова начала проседать, рванул ручку и кубарем скатился в неглубокую, заросшую бурьяном канаву. Вскочил на ноги.

«Девятка» остановилась. Из дверей, как в замедленном кино, выскакивали, сатанея, трое бритоголовых шимпанзе.

Это и было замедленное кино. Мицкевич умел контролировать индивидуальное время в моменты опасности: одна из немногих, оставшихся у него сверхспособностей.

Кулак скинхеда тяжело, как сквозь водную толщу пронесся над ухом. Мицкевич ткнул ему пальцем в глаз. Второму влепил кулаком в кадык, так что враг зашелся надрывным кашлем. Третьего изловчился пнуть в пах.

С нахлынувшей невесть откуда прытью, не зацепившись и не споткнувшись сиганул через сетку. Бросился бежать, огибая стволы, прыгая через пни и коряги. Воздух ревел в ушах. В виски колотило. Легкие давились о ребра.

К счастью, лес с первых же шагов оказался совершенно непролазный. На дороге или в поле его догнали бы уже де-

сять раз, но здесь в бесконечной паутине корявых стволов, подлых кочек, зарослей и острых сучьев он со своим даром мог держаться на высоте.

Реальность плыла и пульсировала, иногда ускоряясь, лишь только что-то на миг переклинивало в теле. Каждая секунда грозила ему страшным сюрпризом.

«Одышка, спазм, инсульт…»

По пятам, ломая ветки и матерясь, перли три разъяренных минотавра.

Он все больше забирал вправо, надеясь, что враги проскочат и уйдут вперед. Их разделяли от силы тридцать метров. Спасительные тридцать метров, не позволявшие хищникам увидеть добычу.

Внезапно Мицкевич вырвался из лесных терней на густо заросшую высокой крапивой и ещё какой-то дрянью поляну. Пробежав несколько шагов, понял, что не успеет, и упал лицом в жгучие листья. От страха он не сразу почувствовал боль. Трясущейся рукой нащупал слетевшие очки. Замер. Из леса, судя по треску сучьев, уже вышла проклятая троица.

– Ну чё, где эта тварь-то? – сипло пробормотал один.

– Может спрятался?

– В крапиве?

– Че, пойдем искать что ль? Не, я туда не полезу…

Мицкевичу вспомнилось, что все гнавшиеся за ним арийцы в шортах, а двое по пояс голые.

– Ой, бли-ин, чуть глаз не выколол, сука жидовская!

– Ну дай, посмотрю, дай! И не плачь, а то я тоже заплачу!

– Где он так драться выучился? Может, он сенсей какой-нибудь?

– Рэмбо еврейский…

– Жалко, собаки нет!

– Дома есть. Может, ребятам позвонить, чтоб…

– Тут лес, сигнала не будет.

– Шайзе…

– Да нет, не мог он тут спрятаться! Мы бы заметили. Рожей в крапиве долго не пролежишь.

«Пролежишь как миленький!» – подумал Мицкевич, облизнув ужаленные губы.

– Палку подлиннее возьми, пошарь!

– Я вот че предлагаю: разделиться. Он все равно далеко не убежит, старик же. А спрятаться может. Пойдем в разные стороны.

– Ладно.

Кто-то звонко сплюнул. Над головой зашелестели шаги.

Они шли по тропинке, раздвигая крапиву палкой и рыская по сторонам волчьими взглядами. Потом, судя по всему, и правда разделились, исчезнув в чаще.

Михаил Моисеич поднялся на ноги и, озираясь как загнанный зверь, умоляя сердце прекратить так яростно сотрясать организм, спешно зашагал прочь. Его шатало.

Обнадеживаться было глупо. Каждую секунду его мог предать любой орган тела: от мозга до мочевого пузыря. Кро-

ме того, надо было как-то добраться лесом до главной дороги, минуя оккупированный нациками поселок.

Через десять минут Мицкевич был уже твердо уверен, что заплутал. А еще через минуту случайно пересекся с одним из преследователей.

Скинхед, ощерясь и вытаращив глаза, бросился за ним, замахиваясь резиновой палкой. Споткнулся о корень и, пролетев добрый метр, забороздил носом по земле.

Мицкевич, ликуя, подобрал дубинку, огрел врага пять раз по лысой башке и пнул напоследок в темя.

– Вот те, дур-рак!

Невероятная победа придала ему сил.

Больше скинхедов он не встретил. Один лишь раз услыхал долетавшие из чащи вялым эхом крики: видимо звали своего избитого товарища.

Запыхавшись, Михаил Моисеич опустился под дерево, судорожно переводя дух. Подумал о том, что, если выберется, то проклянет все на свете, пошлет Петю к лешему и улетит к сыну в Штаты.

«Раньше, раньше надо было…»

Услышал лай. Шелест собачьих лап. Голос.

В памяти тут же вспыхнула страшная псина на даче у бритоголовых.

«Привели!»

У него потемнело в глазах, сердце куда-то провалилось. Он понял, что никуда уже не сможет бежать, да и не за чем.

Это конец.

Все ближе, ближе. Мицкевич сжался ежом, стиснул зубы и веки.

Мощные лапы ударили его в грудь, опрокинув на спину.

Он не помнил, сколько секунд прошло, прежде чем он открыл глаза от прикосновения влажного носа.

В лицо ему смотрели глупые, совсем не злые глазищи на серой лохматой морде с огромным свисающим из пасти слюнявым языком.

– Ты чего делаешь, а! Чего людей пугаешь! – из кустов вывалился пожилой мужчина в кепке и с корзинкой. – А ну иди сюда, парша! Простите, ради бога… Он добрый! Вы его не пугайтесь!

– Где выход? Из леса! Где выход?! – бешено забормотал Михаил Моисеич, поднимаясь с земли.

– Там… Ну здесь два пути. В ту сторону – это вот к поселку, а вон в ту…

Мицкевич, не дослушав, двинулся в безопасном направлении, подальше от глуховских дач. Возмущаться не было ни времени, ни сил, ни даже злости. Помощи – и той не хотелось просить.

После бесконечно долгого, скверного и страшного пути впереди, наконец, забрезжили прогалины.

От накатившего облегчения захотелось рыдать: кошмар рассеялся. Будущее представилось ему каким-то светлым праздником, фильмом со счастливой концовкой. Вот пря-

мо на опушке его ждет автобусная остановка, он садится в нагретый солнцем автобус, приезжает домой, звонит сыну, Москва-Шереметьево-Майами, пальмы, небоскребы… внуки.

Когда, пройдя сотню метров по бурьяну, Михаил Моисеич вдруг отчетливо разглядел протянутую впереди самую настоящую колючую проволоку, ему вновь подурнело до тошноты. Словно неведомая сила вырвала его из реальности и перенесла на шестьдесят лет назад в белорусские леса.

– Да что ж это?! Кому надо?! Зачем?! С ума посходили, сволочи!

Ему почудилось, что единственно возможный путь – назад в лес, в Глухово к этим уродам. Рыдать теперь хотелось уже от отчаяния.

– С-суки! – шипел Мицкевич, трясясь и тараща глаза. – Фашисты! Звери!

Он помнил, как, в бешенстве сопя и дрожа, шел вдоль колючки, ограждавшей, как оказалось, совершенно пустой участок. Как потом, наконец-то, добрался до спасительного шоссе. Как тщетно пытался остановить пролетавшие мимо машины. Как совершенно вымотанный плелся по обочине в дорожной пыли, пока не набрел на одиноко стоящий в кустах автомобиль гаишников.

Лоснящиеся от пота физиономии под черными козырьками не выражали ни любопытства, ни участия.

– Вы че от нас хотите-то?

– Чего… п-помощи.

– Скинхеды просто так ни на кого не нападут. У них там свои конкретные интересы…

– Я хочу отсюда в безопасное место, понимаете! – взвизгнул Мицкевич, топнув ногой.

На следующее утро, проведя бессонную ночь в изоляторе, Михаил Моисеич предстал перед очами майора.

– Ну-ну… – буркнул тот, отпивая кофе, после того как похожий на мумию Мицкевич остатками голоса досказал свою историю. – А вы знаете, что там случилось потом?

– А-э… что?

– Парень, которого вы избили, сейчас в реанимации с черепно-мозговой травмой.

– Я?! Я избил?! Да вы… С-совесть у вас есть вообще! – заорал Мицкевич, вскочив со стула, и чуть не потерял равновесие от слабости.

– Вы, вы! Сами же рассказали.

– Да я… да они ж…

– Да-а… Хех! Вот уж и впрямь, коза волка съела! Рассказать, так и не поверит никто. Восемьдесят шесть лет!

Майор ухмыльнулся в рыжеватые усы.

– Это… б-была… самозащита! – яростно пролаял Мицкевич. – Или это тоже теперь уголовно наказуемо?

– Ну это еще неплохо бы выяснить, как там на самом деле было, – туманно промолвил майор, ковыряя спичкой под ногтем. – А про самозащиту вы лучше расскажите друзьям

этого скина. И его папаше. Знаете, кто у него отец?

Мицкевич с трудом овладел собой.

– Напрасно сердитесь, мы же о вас печемся. Хоть вы и такой боевой у нас, хе-хе!

Майор оскалил побитые табаком и кофе зубы. Вдруг с грохотом поднялся и, уперев руки в стол, профессионально-свирепо уставился на Мицкевича.

– Вот что, Михал Михалыч, или как вас там… Сидите дома, дальше сельского магазина ни ногой! Это понятно? В сторону Глухово даже не смотреть! В случае чего скинхеды будут знать ваш адрес. Вашего приятеля, алкаша-шизофреника – в психушку! Вам это ясно, нет?

Мицкевич кивнул. Скорее машинально, чем осознанно.

– Вот так! И давайте без вопросов, ладно? Скажите спасибо, что все закончилось именно так.

Он рухнул в кресло и сосредоточенно засопел, прихлебывая из чашки.

Через два часа Михаил Моисеич, забыв обо всем, клевал носом на заднем сиденье залитого утренним солнцем, дребезжащего автобуса, везущего его домой.

Расставание

День близился к закату. В воздухе, напоенном теплым безмятежным дыханием августа, не было ни намека на подступающую осень. Желтые листья, иногда пролетавшие над

головой, казалось, могли лететь так целую вечность. Луг покрыли золотистые россыпи отживших свое трав. Стрижи готовились ко сну.

Коля остановил велосипед у калитки Аркановых. Сидевший в садовой беседке за ноутбуком Максим бросил на него неприветливый взгляд.

– Привет! А где Рита?

– Не знаю.

– Ее нет дома?

– Нет! Еще раз повторить? – Максим сверкнул на Колю злыми глазами.

– В чем дело-то?

– Че те от нее надо? Ей ты не нужен!

Коля почувствовал, что назревает какая-то скверная стычка. Он уже два года не разговаривал и почти не пересекался с братом Риты. Очевидно, за это время между семьей Аркановых и окружающими дачниками произошло что-то необратимое. А, может, дело было не в соседях? Поговаривали, что их отца прошлой осенью пытались убить.

– Вали отсюда, понял! Вы все, жлобье русское, нам уже поперек горла стоите!

– Чего?

– Что слышал! Отошел от калитки!

Коля отшатнулся, послал Максима к какой-то матери, остервенело стиснув зубы, сел на велосипед и поехал дальше.

Он подумал, что, очевидно, доля правды в разговорах про

нерусских есть. Они действительно другие: неуравновешеннее и злее обычных людей. Но ведь Рита тоже была одной из них…

«А, может, это из-за скинхедов?» – подумал Коля, проезжая шлагбаум.

После того мерзкого случая, когда бритоголовые гонялись в лесу за каким-то стариком, дачники потребовали вынести их лагерь за пределы поселка. Заверения в том, что молодчики принадлежат к благочестивой патриотической организации, что их цель: оберегать покой глуховцев, что случившееся не более, чем дурацкий инцидент, никого не убедили. Нациков согнали с места, впрочем, недалеко: администрация тут же выделила им новую территорию рядом с игорной зоной.

Коля с вихрем в ушах скатился вниз по дороге к развалинам церкви, которые теперь с неясной целью обнесли массивными щитами.

Дальше ехать было некуда, только назад до дома.

Вдруг Коля увидел знакомую фигурку с длинными черными волосами, сидящую к нему спиной на краю склона.

– Привет! – сказал Коля.

На мгновение он подумал, что Рита не ответит или тоже начнет огрызаться.

– Привет.

– Что делаешь?

– Сижу, как видишь.

Она почти не изменилась за последнее время. По крайней мере Коле так казалось. Сам он очень существенно выстрелил вверх и теперь чувствовал себя рядом с подругой незаслуженно взрослым.

Он сел рядом. Впереди раскинулся знакомый с детства вид: река, ивовые дебри, дом бандита (теперь его почтительно называли олигархом), далекие луга, опоясанные хмурой лесной каймой.

– Как дела? – спросил Коля.

– Нормально. Ты к нам домой не заходил?

– Нет. Максим не пустил. Он меня теперь ненавидит.

– Это бред какой-то… – тихо произнесла Рита.

– Ты о чем?

– О чем?! Ты голову-то включи! – она взвилась, грозно уставившись на Колю своими жгучими восточными глазами. – Ты что, не видишь, что кругом происходит? Все как будто с ума сошли!

– Да. Может быть…

– Грызутся как собаки! Ходят к этим мафиози деньги клянчить! В Глухово каждую ночь какие-то шабаши, дерутся, пьяные на машинах ездят! У всех крыша съехала, и у моих, и у твоих!

Коля хотел возразить, но понял, что слова Риты не столь уж далеки от истины. В его семье тоже с недавних пор происходило что-то неладное: мама разругалась с Алиной, дед стал глупым и хвастливым, отец отдалился от семьи, утонув

в работе.

– Священника знаешь? – тревожно спросила Рита. – Нашего, местного. Ходил к нему?

– Н-нет. У нас в семье набожных нет.

– Он псих! Он такой бред несёт!

– Откуда ты знаешь?

– От верблюда! Когда у нас бритоголовые жили, он им знамена освящал! Ещё говорит, что надо готовиться к концу света. А сам перстни носит!

– Так, может, он просто мошенник? Секту создает ради бабла?

– Нет, он реально больной. Я пару раз его видела… Даже не хочу рассказывать.

Коля вспомнил про новую церковь, которая с первых дней не знала отбоя от прихожан. Мало кто в поселке разделял мнение Риты.

Про отца Савелия он знал только то, что это был какой-то странноватый батюшка с вечно кисло-озабоченным выражением лица. Да мало ли таких?

– Мы, может быть, сюда больше не приедем, – промолвила Рита. – Папа хочет дачу продать.

Коля вздохнул. Он знал, что будет тосковать по Рите, хоть и с натяжкой мог назвать их отношения дружбой. О чем-то большем между ними никогда не заходило и речи. Дело, впрочем, было не только в ней. В последнее время почти все его друзья, кроме Алешки посъезжали со своих дач.

– Жалко…

Он наклонился и в приступе решимости поцеловал ее в щеку.

Рита тут же отстранилась.

– Не надо!

– Извини. Я… просто буду скучать.

– Ладно.

– Может, мы просто повзрослели? – предположил Коля. – В детстве многих гадостей не замечаешь. Зла в мире как будто нет, все взрослые кажутся добрыми. Представляешь, мне всего пару лет назад на политику вообще плевать было, я даже не знал, что там в Чечне происходит. Услышу новость, что террористы захватили заложников или что подводная лодка затонула… и забуду через пять минут. Меня ж это не касается. А теперь как-то вдруг начало доходить.

– Ты это к чему?

– Может, здесь всегда так было? Просто мы, наконец, стали это видеть. И, может, сейчас из-за денег вся эта дьявольщина как-то… резче проступает?

– Тоже мне, открытие! Я давно это знаю. То, что здесь люди собачились, сколько себя помню… Просто раньше это не было похоже на балаган.

– Да… Будто бы всех накачали каким-то наркотиком.

– Скоро здесь убивать начнут, – мрачно подытожила Рита.

Коля не знал, говорит ли она всерьез или шутит. Верить ее словам совершенно не хотелось.

– Да ладно тебе! Кто будет убивать? Скины вон один раз рыпнулись, их сразу вышвырнули за шлагбаум. Сейчас же не начало девяностых!

– Тут и без них хватает…

Рита погрузилась в молчание, так и не пролив свет на свое зловещее пророчество.

– Ты живешь в жанре «триллер»! – спустя минуту оживился Коля.

Ок кивнул в сторону владений нового русского:

– Помнишь ты предсказывала, что его убьют? А в итоге, он теперь тут самый влиятельный и крутой. Скоро президент к нему будет ездить, денег просить.

– Хм… А ты уверен, что он до сих пор жив?

– Да. А как же… – изумленно пробормотал Коля. – Его ж недавно по телевизору показывали!

– Ну и что? Могла быть старая запись. А я, например, часто здесь сижу и ни разу его не видела.

– Может, он просто сюда больше не приезжает.

– А почему его машина все еще там?

Машина и правда стояла на парковке под навесом. При этом калитка, окна и двери обоих домов были закрыты наглухо. И воду в грязном бассейне давным давно спустили.

– Брат сказал, один раз в сумерках видел у него в окнах какие-то зеленые вспышки.

– Может, он там вечеринку устроил с лазерами?

Рита пожала плечами.

– Все равно, странно.

– Н-да.

Коля обнял ее за плечо. Они молча разглядывали участок, не без удовольствия чувствуя трепет перед его смутной и недоброй тайной. Ощущение забытости и заброшенности сквозило из каждой щели. И все же кто-то продолжал там жить…

Потом они оседлали велосипеды (у Риты, наконец, появился собственный велик) и поехали домой.

Солнце, плавясь, приближалось к черной кромке леса. Темнело уже не по летнему рано.

Интервью

Коротко стриженный коренастый человек в дорогом костюме при золотых часах вышел из номера отеля-люкс в центре Лондона.

Кативший по коридору тележку с чаем прилизанный метрдотель мгновенно озарился щедрой английской улыбкой.

– Привет, клоун…

– Morning, sir!

Человек, представлявшийся русским бизнесменом Анатолием, зашел в лифт и нажал минус-первый этаж подземной парковки.

Следом за ним, придержав дверь, в кабину вошел ка-

кой-то невзрачный парень в темной рубашке, с ничего не выражающим сонным лицом.

– Вы тоже в гараж? – сказал он по-английски.

Анатолий пожал плечами.

Двери закрылись, лифт тронулся.

Молниеносным движением незнакомец извлек из кармана тонкий шприц и, вонзив иглу жертве в шею, за пару секунд ввел смертельную инъекцию.

Анатолий пошатнулся, в недоумении поглядел на киллера. Начал оседать.

Случайный свидетель решил бы, что он просто смертельно пьян или у него проблемы с сердцем. Впрочем, свидетелей на парковке не оказалось.

Наемный убийца Винсент Харпер, по прозвищу Спрут, последний раз взглянул в остекленевшие глаза умирающего.

«Сдыхает!»

Он до сих пор не мог прийти в себя, после того как вчера этот русский облапал дверную ручку своей прокатной тачки, смазанную VX-газом, и как ни в чем не бывало укатил по делам.

Винсент где-то читал, что Григорий Распутин тоже был невосприимчив к ядам. Быть может, у русских иммунитет?

Он направился к своей машине.

Вдруг на плечо ему легла чья-то тяжелая рука. Ошеломленный киллер обернулся.

Перед ним, изрыгая дым, разевала пасть чудовищная чер-

ная рожа с кабаньими клыками и языками пламени вместо глаз.

Винсент охнул и умер от разрыва сердца.

«Анатолий» велел камерам слежения забыть этот эпизод и, меланхолично насвистывая, сел за руль своего «Ягуара». Ему нравилась человеческая жизнь в новом тысячелетии.

Через час Мэтью Файнс, розовощекий с горящими глазами и всклокоченной шевелюрой ведущий авторской передачи на канале Би-би-си, бодро стиснул ему руку и, скаля зубы, усадил в кресло для гостей.

– Анатолий, скажу откровенно, многие в моей стране и в западном мире с интересом наблюдали ваше восхождение.

– Да, да, мне это известно.

– Ваша история похожа на захватывающий сериал, наполненный загадками. Кто-то называет вас русским Говардом Хьюзом, кто-то утверждает, что вы пустышка, созданная Кремлем, с целью улучшить имидж постсоветского нувориша. Что вы можете ответить на это?

– Во-первых, мне нечего скрывать и нечего стыдиться. Если я грешил, то лишь в тех пределах, которые допускало построение бизнеса в России в первое свободное десятилетие.

– У вас превосходный английский, Анатолий.

– Благодарю, Мэтью.

– И все же, что бы вы могли возразить тем, кто ищет скелеты в вашем шкафу?

– Мне нет нужды хранить скелеты в шкафах. Все скелеты

моих врагов висят у меня над камином.

– Оу… Мне не вполне понятна ваша метафора.

– Это не метафора, Мэтью.

– То есть, вы признаетесь, что…

– Да. Именно так.

– М-м… Конечно, после советского коллапса, когда Россия превратилась в Дикий Запад, строить бизнес, не прибегая к насилию было невозможно. Другое дело, что не каждый российский предприниматель может позволить себе так откровенно говорить то, что говорите вы.

– Да, не всем хватает духу. И это их беда.

– Хм! Анатолий, насколько верны слухи, что на вас, если я не ошибаюсь, было совершено уже пять покушений?

– Семь. Последнее произошло сегодня утром.

– Ха-ха-ха! О, мой бог! Ха-ха! Фирменный русский юмор!

– Это правда.

– Да… Э-э… Что вы могли бы сказать тем, кто утверждает, что западным инвесторам следует держаться подальше от России? Вы знаете, ну… мафиозное государство, недействующие законы, вездесущая коррупция и прочие болезненные стереотипы.

– Я бы посоветовал им не смотреть ваш канал, а приехать в Москву и увидеть все своими глазами.

– Ха-ха-ха! Мы вырежем этот фрагмент!

– Я говорю серьезно, Мэтью. Запад видит Россию такой, какой ему хочется ее видеть. Это возвышает вас в собствен-

ных глазах.

– Окей. Я чувствую дыхание холодной войны! И все же, Анатолий, вы можете спорить и демонстрировать нам свой патриотизм – я, кстати, тоже люблю Россию, как и вы – но есть вещи, которые вы опровергнуть не сможете. Согласитесь, что когда в офис крупнейшей независимой телекомпании врываются вооруженные люди в масках, кладут сотрудников лицом в пол, вышибают двери, а потом эта компания в одночасье меняет владельца, это больше похоже на гангстерские разборки, чем на цивилизованный капитализм.

– Это в наших традициях.

– Вау!

– Мы семьдесят лет жили в коммунистической тюрьме, теперь нам приходится наверстывать потерянные десятилетия. Конечно, все не так гладко, как хотелось бы. Но… мы учимся.

– Сейчас новый президент России пытается реанимировать национальную гордость, оказывая давление на бизнес, споря с соседями и демонстрируя военную мощь. Верите ли вы, что русский медведь все еще жив?

– Конечно.

– Вас не пугает перспектива постепенного возвращения к диктатуре под маской наведения порядка и возрождения имперского величия?

– Мэтью, позвольте спросить, что вы знаете о диктатуре в моей стране?

– Хах! Вопросы здесь задаю я!

– И все же. Вы уверены, что придуманные Западом понятия диктатуры и демократии применимы к той вселенной в которой уже тысячу лет живет русский народ?

– Вы утверждаете, что русские живут в отдельной вселенной?

– Именно.

Сидевшие перед телевизором Жека, Сашок и Карим, забыв про пиво, как завороженные смотрели в экран.

– Еклмнэ, где он так по-английски выучился?! – выдохнул Сашок.

– Да это не он! Он таким умным никогда не был! – Жека мрачно отхлебнул «Гиннесса». – Ты посмотри, блин! Рожа его, а глаза другие!

Толян и правда имел вызывающе умный взгляд. Прочитать в его глазах интеллект не мешали ни широкая физиономия, ни узковатый лоб, ни грубые скулы. Блеклые рыбьи глаза как будто обрели второе дно.

Анатолий не спеша знакомил ведущего с тревогами Достоевского, предчувствиями Мережковского, идеями Ильина, объяснял истоки заблуждений Чаадаева.

– Да он же мне сам говорил, что больше двух страниц в день прочесть не может!

– Может, это озарение на него нашло? – проворчал Карим.

– Ты че, какое на хрен озарение!

– А че! У нас в Барнауле старик жил, семьдесят лет. Ни с

того ни с сего стал запоминать газеты. Статью мог отбарабанить наизусть! Раньше, говорит, даже стихов не учил, а тут вдруг…

– Это не то!

– А, может, он нас дурил все это время, а сам умный был? – выпалил Сашок.

– Хех! А че, тема!

После того как Толян принялся бешено скакать из одной точки земного шара в другую, все приближенные Директора отслеживали его появления в сети и на ТВ. Пользы это не приносило никакой, только еще больше запутывало. Порой создавалось впечатление, что Толян пребывает одновременно в двух местах. Иногда он внезапнейшим образом объявлялся в Москве или в Глухово, а через час никто не мог внятно объяснить, куда он исчез.

Никто не понимал в чем дело. Никто, кроме Директора с его феноменальным чутьем. Директор не был мистиком, но и не отметал возможности сверхъестественного. Он понимал, что головокружительный взлет Толяна лишь начальное звено в цепочке странных, забавно-диких и откровенно бредовых событий, уже который год происходивших в Глухово.

Ежедневное безумие глуховского праздника жизни проявлялось все отчетливее. Словно некая сила подчинила себе души людей. Достаточно того, что глуховцы впервые объединились. Но объединились в каком-то истеричном, ничем не обусловленном порыве, в каком-то колоссальном напря-

жении, вызванном страхами и порождающем сумасшедшие идеи. Так в массах ходила мысль, что неплохо бы отколоться от страны и стать государством в государстве (благодаря действиям местной милиции, плотно спевшейся с мафией, кое-какие предпосылки для этого уже имелись). Среди глуховцев зарождался новый вид патриотизма: люди все реже покидали поселок и с подозрением посматривали на чужаков, особенно на москвичей. Все больше дачников зимовали на своих участках, чтобы не пропустить ритуал денежной жатвы, который теперь проходил три раза в год.

В поселке обосновались сторонники националистических и языческих течений, присягнувшие на верность подмосковной «твердыне славянского духа». Обряд с глиняным болваном по инициативе местного священника перерос в подобие крестного хода, с иконами, песнопениями и торжественным переносом статуи из дома хозяина в поле и обратно.

Беспричинная бодрость и веселость, причудливо сочетающаяся со страхом перед невесть чем, охватывала души и сердца. Казалось, люди ждали второго пришествия, явления ни то спасителя, ни то сурового судьи. Когда по поселку прошла сенсационная весть, что скоро в Глухово приедет эксцентричный американский миллиардер Дональд Трамп, чтобы построить высотное казино «Вавилон-тауэр», людей захлестнули противоречия: недоверие и нелюбовь к надменному американцу боролись с восторгом и гордостью. Ко всеобщей досаде и радости, сообщение о визите Трампа оказа-

лось уткой.

Москва и отчасти даже вся страна с интересом наблюдала за глуховской страной чудес, репортажи из которой напоминали реалити-шоу. Как и в любом по-настоящему хорошем шоу здесь были элементы не только фарса, но и трагедии и даже ужаса. В Глухово происходили убийства. Бандиты устраивали разборки. Одного должника сожгли в его доме вместе с семьей. Как-то раз крупно проигравшийся в казино местный житель от избытка злости залез на чужой участок и сожрал заживо вместе с перьями двух куриц. Ни алкоголя ни наркотиков в его крови обнаружено не было. И это лишь самые громкие случаи.

Что касалось главного благодетеля глуховцев, о нем в народе ходили разные, часто темные слухи: одни считали, что он уже давно мертв, другие – что он сошел с ума и собирает в кучки свои ногти и волосы. Однако основная масса верила в его безграничную силу и милость, не задаваясь сложными вопросами: «как?» и «зачем?»

Директор знал, что Анатолий жив и пребывает в здравом уме. Они регулярно общались по телефону. Директор уверял, что больше не сердится и по-отечески ласково предлагал Толе раскрыть, наконец, свой великий секрет. Он и правда уже почти не сердился: благодаря Толиным аферам бежавшие к нему золотые ручьи превратились в реки. Анатолий высокомерно обещал исполнить просьбу несколько позже. Отследить сигнал его мобильника решительно не удава-

лось.

Директор ждал. Ждать он умел.

Откровение

День был прохладный и ветренный, как это обычно случалось в июне после первых теплых недель. По небу ползли рваные облака, в которых, игриво подмигивая, пряталось солнце.

Посреди поля в окружении разноцветных праздничных флагов и гирлянд привычно шатался, как стадо сытых овец, набивший карманы и сумки деньгами глуховский люд. Никто не испытывал былого подъема. На смену радости приходила неуверенность и даже что-то похожее на стыд. При этом каждый, кто был способен мыслить, повторял себе: «Уж кто-кто, а я не участник всего этого, мне только нужны деньги. Я ползал на коленях, чтобы их подобрать, но не за чем больше!»

Стоявший в отдалении на позолоченном пьедестале в окружении телохранителей истукан насмешливо кривил рот (многие подмечали, что его неподвижная рожа иногда как будто меняла выражение). Казалось, он успокаивающе кивал своей пастве: «Да, да, да, конечно…»

Более сотни юношей и девушек шестнадцати-семнадцати лет, глуховских и не только, подходили к корзинке, по очереди запуская туда руку и вынимая камешки.

Лидер неоязычников предложил этот древний способ, дабы судьба выбрала тех, кто приведет жилище Анатолия в надлежащий вид перед большим празднеством.

За помощь избранным была обещана солидная плата.

– Мам, это бред какой-то! – говорил Коля, которому посчастливилось вынуть камешек с рисунком. – Я что, гастарбайтер!

– Коль, ты понимаешь, что это деньги тебе на вуз и на аспирантуру. Я в твоем возрасте вообще ездила коровники чистить забесплатно!

– А я вагоны в мороз грузил! Пни корчевал руками! – кипятился дед. – Вон, палец не гнется! Мне что ль надо было? Сказали «надо!» – я пошел!

– Ладно, хоть увидим, как люди живут! – хлопнул Колю по плечу Алешка, которому тоже выпало сомнительное счастье стать прислугой во дворце.

Коля неохотно кивнул, обвел поле тоскливым взглядом, все еще надеясь увидеть в толпе Риту. Никакой Риты, конечно, не было.

Кто-то до сих пор шарил в траве, ища завалявшиеся купюры. Бандиты в стильных черных костюмах (а-ля итальянцы) потягивали напитки. Отец Савелий беседовал с каким-то пухлым, как слива священником с раскрасневшимися шарами щек и жиденькой бородкой.

– Истинно, истинно! – басил тот. – В тяжелые времена живем. В последние времена!

В какой-то момент из народной гущи выскочил жилистый усатый мужик в спортивных штанах и нестиранной тельняшке.

– Хапнули! Мои бабки хапнули, суки! Вот как вы работаете, да?! – заорал он, потрясая кулаками и пуча глаза.

– Че за базар? Ты кто? – лениво крикнул Каленый.

– Вот оно как, значит! Добренькими притворяетесь, деньги раздаете! А потом… а потом хапаете! У честных людей!

Он стал надвигаться на болвана.

– Отошел! – прикрикнули бандиты.

Кто-то начал вынимать оружие.

– Да я вас щас, к-козлов…

– Пошел отсюда, тварь!

Не внимая угрозам, бесстрашный мужик вновь двинулся к истукану с твердым намерением разбить ему глиняную физиономию. Скорее всего он был пьян. Или пребывал в состоянии сильнейшего аффекта.

Каленый нацелил пистолет ему в грудь.

– Еще шаг, падаль!

Изо рта болвана прямо в лицо мужику вырвалась мощная струя густого сизого дыма.

Все в испуге отпрянули. Истукан щедро поливал ошарашенного противника курениями, пока у того не подкосились ноги.

Через минуту мужик, эйфорически хихикая и лепеча, валялся на траве лицом вверх и пытался схватить рукой солн-

це. Два сердобольных забулдыги (должно быть, его друзья) бормоча извинения, уволокли беднягу прочь.

Отец Савелий ворвался в церковь. В бешенстве затворил двери. Чуть не сшиб забытое уборщицей ведро.

– У-у, дура проклятая! Ведра свои гр-рязные оставляет!

Он заметался по церкви, корча рожи, подскакивая и трясясь как эпилептик.

Из темного угла за ним наблюдали два спокойных блестящих глаза. Кошка Ушаня была единственным зрителем разыгравшегося в божьем чертоге чудовищного действа.

– Черти, черти, черти! – визжал отец Савелий. – Ну ничего! Недолго вам осталось! Всех… всех в пекло! Даже детей! Получите сполна! И… и я получу! Я… к-козлище бородатое! У-у-у! Ла-адно… Все… все в списочках! Никуда не денетесь, не спрячетесь, не ускачете, не уползете!

Он некоторое время конвульсивно взмахивал руками, вгоняя себя в экстаз, тряс бородой, так что огоньки свечей нервно трепетали. Потом окинул безумным взглядом взиравшие на него со стен лики святых.

– Чего смотрите! Не насмотрелись? Да-а… Я себе перстенек купил! Вот! Видали! Адамант! А еще часики золотые у меня есть! И картины есть! И посуда есть! Нравится мне красивое! Всю жизнь к этому прикоснуться не мог! Но ничего, теперь наверстаем! Перед смертушкой-то… перед концом и подышать не грех!

Он ссутулился и оперся о колени, чтоб отдышаться.

– О-о… Сколько дураков к богу обращались! И ни один… ни один не понял, что если бог ответит, то… только твоими… твоими устами! Кто с Моисеем говорил? Терновник, что ли? Не-ет! Сам себе он все это сказал, сам придумал… с божьей подачи! Так что нечего мне указывать! Вот… где господь сидит!

Отец Савелий трижды стукнул себя костлявым пальцем в лоб.

– А я козел еще тот, хе-хе… Козел-провокатор!

Он рассмеялся жутким блеющим смехом.

– Да-а, все правильно! Ну кто же, как не я? Таков уж мой жребий. Погубить всех, затащить на дно и спасти нас, несчастных, через погибель нашу. Не каждому по силам… Но тут уж ты сам повелел! Сам на путь наставил!

Черная меланхолия, пришедшая на смену вспышке гнева, теперь перетекала в ласковую умиротворенность. Отец Савелий сидел на поставленном вверх дном ведре, то и дело поглядывая на вход (видимо боялся внезапных прихожан). В его зрачках плясали озорные огоньки.

– Господи! – робко позвал он.

– Да, слушаю тебя, – ответил сам себе глубоким сухим голосом.

Ушаня видела, как на мгновение у священника потухли и помутнели глаза.

– Скоро все закончится?

– Скоро.

– Таков твой план…

– Да.

– Прости мою дерзость, господи… Скажи, зачем ты выбрал своим орудием мщения такой уродливый предмет, как эта статуя? Это же еще хуже тельца. Не лучше ли было бы… Ах, господи, я не смею тебя поучать!

– Чтобы ты, Сава, излечился от своего брезгливого ханжества.

– О-о… Мне так и подумалось сначала!

– Погоди! Разве ты не видишь, что за тобой следят?

Отец Савелий содрогнулся и принялся в панике вертеть головой.

– К-кто?! Кто?!

– Да вот же, дурила, кошка!

Ушаня вышла из тени и, бросив на священника презрительный взгляд, засеменила к дверям.

Отец Савелий, кряхтя и постанывая от стыда, выпустил ее на волю.

– Чертенок ушастый! Все подслушала! Побежала докладывать…

– А теперь надень ведро себе на голову, – мрачно приказал бог. – И молись!

– Да… Ох! Э-э… М-можно, я хотя бы запру дверь? Зайдут же!

– Нет.

– О-о… Горе мне!

Отец Савелий дрожащими руками снял клобук, надел на голову ведро и, встав на колени, принялся лихорадочно шептать:

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя и на земле, как на небе…

Он знал, что своей неосмотрительностью заслуживает самой суровой кары.

Припадок

Софья Владимировна зашла в спальню и, опустившись в кресло, закрыла лицо руками. С мужем творилось что-то чудовищное.

«А ведь все было отлично! Света приехала… В кое-то веке хотели посидеть как люди на даче за столом всей семьей! Нельзя было этого барана Генриховича к нему пускать! Что они друг к другу липнут, старые идиоты?!»

Голос мужа громыхал на террасе как батарея гаубиц.

– А Югославию кто разрушил?! Кто?!

– Местный царек-националист, – со змеиной усмешкой парировал Борис Генрихович.

– Да он последний гвоздь был, на котором все держалось!

– Погоди! Может быть, меня память подводит? Может, натовцы мирную страну разбомбили? Нет, ты скажи! Вот жила себе такая мирная, процветающая Югославия. Никто там

никого не убивал, не сжигал, не расстреливал тысячами…

– Опять ерничаешь! Опять свою шарманку завел! – в бешенстве сжимал кулаки Иван Петрович.

По залитому солнцем полу, никем не замечаемая, бегала домашняя перепелка.

– А Ирак-то при Хусейне какой мирный был! Конфетка, не страна!

– Зато теперь там рай, да?! Свободный, демократический!

– Папа, если вы не прекратите, я уеду к бабушке! – воскликнула, выйдя из себя, Света.

– Господи… Подожди! Ты… тебе вообще плевать что ль, что мы здесь обсуждаем? – Иван Петрович понизил голос и подозрительно сощурился на дочь. – Ни родина, ни честь семьи тебя не колышат, да? Вот! – он ткнул пальцем в Бориса Генриховича. – Дорогой сосед! Мне в моем доме объясняет, что все мои священные чувства – д-дерьмо собачье! А тебе наплевать! Пусть он хоть свастику нам на стену повесит!

Борис Генрихович прыснул со смеху, заплевав стол.

– Я не хочу лезть в ваши дела!

– Ах, вот оно что! Ну тогда хотя бы скажи… вот по чесноку: ты за кого? За Россию или за таких как он?

– Нет! Мне вообще *тайцы* нравятся! – вдруг выдохнула Света.

Лицо отца вытянулось и одеревенело.

– К-кто?

– Тайцы! Я ездила в Таиланд на каникулах. Это очень доб-

рые и мирные люди. И очень любят свою страну в отличие от нас!

– А-а… Добрые-мирные! Они хоть одну войну выиграли, добрые-мирные? Чем измеряется их патриотизм? – он стал надвигаться на дочь, нервно и часто моргая. – Что они делали в сорок первом? Под японцами лежали? Тоже мне, пример! Да я этот Таиланд на карте найти не смогу!

– Зато Северокорейскую Республику найдешь! – фыркнул Борис Генрихович.

– Рот закрой! Я с дочерью говорю!

– Света, – прошептал Борис Генрихович, сочувственно заглянув девушке в глаза. – Езжай-ка лучше обратно в Германию. Ты же видишь, что тут происходит.

– Да ты… – Иван Петрович вскочил из-за стола, разлив бокал. – Во-он отсюда пошел!

Борис Генрихович сверкнул глазами, встал и, трясясь от ярости, зашагал к выходу.

– Иуда! Свинья! – рычал ему вслед сосед. – Все пр-родать готов!

Борис Генрихович резко остановился. Потом вдруг подскочил к Ивану и, страшно таращась на него с пожеланием лютой смерти во взгляде, зашипел:

– У тебя родина один раз сократилась? Скоро еще сократится! До размеров твоего вшивого участка! Будешь с вилами маршировать и гимн петь! Придурок! С-сам ты Иуда! Сам все продашь и сдашь, как только тебе задницу припечет!

Иван Петрович ошалело отпихнул его.

– Убью!

Он дико оглядел террасу в поисках оружия. Потом рухнул на стул и в изнеможении разрыдался.

– Суки! Предатели… Все предатели!

– Да-а, предатели! – торжествуя, осклабился Борис Генрихович и вдруг почувствовал, что у него у самого катятся из глаз слезы.

Он вытер лицо рукавом, бессильно гримасничая и шепча проклятья.

Света тоже плакала, уткнув нос в салфетку.

Из дома на террасу в слезах, шлепая босоножками, выбежала Софья Владимировна и с руганью принялась поднимать мужа:

– Пошли со мной! Вставай! Позор! Два алкоголика!

– Соня! – стонал Иван Петрович, хватаясь за грудь. – Сердце… Я… скоро умру! Я хочу, чтобы этот гад… чтоб он никогда не смел…

– Вот такой вот фарс! – хихикал, вытирая глаза Борис Генрихович. – Простите за все! Энтшульдигунг! На лицо типичный распад личности!

– Я сегодня же отсюда уеду! – всхлипывала Света.

Перепелка в панике вертелась под столом, хлопая крыльями.

Никто из них не знал, что в этот день по самым разным причинам плакал и рыдал весь поселок.

Репортаж

Коля вместе с Алешкой и еще тремя ребятами уже который час перекладывал плитку на парковке и садовых дорожках. Работа едва перевалила за треть.

Кругом все также трудились, не покладая рук. Кто-то мыл окна, кто-то прибирал помещения, кто-то красил перила, кто-то чистил бассейн, кто-то устанавливал фонтан, кто-то косил газон и стриг разросшиеся кусты.

«Почему нельзя было нанять профессионалов?» – эта мысль мучила всех, кроме организаторов и надсмотрщиков. Они уже давно привыкли к причудам Анатолия. В этот раз гениальный воротила распорядился, чтобы все работы по подготовке к его юбилею (на который он сам, как ни странно, даже не собирался приезжать) выполняли случайные подростки с окрестных дач и деревень. Отбор был доверен секте Родноверов. Единственным, что роднило всех претендентов, включая Колю, была более-менее приятная внешность и скромный, честный нрав. Кореша только пожимали плечами, не желая утруждать мозги построением догадок. Денег им отвалили вдоволь, остальное не имело значения.

Коля, вытирая пот, долбил резиновым молотком упрямую плитку, болтал что-то про недавно увиденный фильм, до которого выдохшемуся Алешке не было никакого дела, когда за воротами вдруг остановилась легковая машина.

Коля решил, что это доставка продуктов, но вскоре увидел просунувшуюся в калитку миловидную женскую физиономию с золотистыми локонами в круглых очках. В руке она держала микрофон, а в затылок ей глядело око переносной видеокамеры.

– Так! В чем дело? – недовольно заговорил бандит, которого, кажется, звали Сергеем.

– Здравствуйте! Можно вас на пару слов? Мы делаем фильм…

– Интервью не даем!

Они некоторое время препирались, после чего журналистка и оператор покорно сели в машину и укатили восвояси.

Сергей щелкнул замком.

– Шакалье…

– Они не с телевидения? – спросил разлегшийся в шезлонге с сигарой браток.

– Не-е. Какие-то типа независимые журналюшки. Оборзели, мрази!

К вечеру после долгих трудов ребята, сев на велосипеды и мопеды, разъехались по домам. Двое бандитов проводили их надменными взглядами.

Коле повезло меньше всех. Сначала его задержали, велев затопить баню. Потом у него на велосипеде слетела цепь и он провозился с ней, марая пальцы, минут десять. Потом запачкал смазкой очки и пришлось отмывать их в реке.

Коля ехал домой в едва наметившихся прозрачных сумерках, когда посреди пустынной, идущей в гору дороги, в полукилометре от въезда в дачный поселок ему открылось гнусное зрелище.

На обочине стояли две машины: здоровенный черный джип и желтая иномарка с покореженным крылом и разбитой фарой. Очевидно джип боковым ударом вытолкнул ее с дороги, заставив остановиться.

Рядом с иномаркой стояли уже знакомая Коле светловолосая журналистка в очках, парень-оператор и двое братков. Один из них с ледяной невозмутимостью выкручивал ухо оператору, который хныкал, гнулся и приплясывал от боли, как семилетний мальчишка. Видеокамера валялась на асфальте. Блондинка вытирала слезящиеся глаза.

– Вы знаете, это такое хамство! У меня просто слов нет!

– Вас сюда кто-нибудь приглашал? – ухмылялся второй бандит. – Сюда без приглашения не ездят! Вы свое удостоверение можете вашему дружку засунуть в…

– Бандитизм! Скотство!

– Ты, красавица, еще бандитизма не видела! Если б это был бандитизм, ты бы у нас вокруг столба в трусах вертелась!

Он хотел выдать еще что-то смачное, но вдруг заметил Колю и подозвал его свистом.

– Слышь! Поди сюда! – бандит протянул Коле диск, вынутый из видеокамеры. – Вот это возьми, садись на своего коня и дуй обратно! Передашь Сереге, ты его знаешь. Скажешь,

Каленый просил. У нехороших журналистов забрали.

Коля несмело кивнул, чувствуя, что уже практически вляпался.

– Давай, ноги в руки! Если забудешь или сломаешь или потеряешь, я, блин, тебя найду. Мама потом будет слезы лить.

– Вы не имеете права! – с ненавистью промолвила журналистка.

– А вы оба сейчас поедете вместе с нами в милицию. Да, да, да! Чтоб потом не верещали, что мы че-то делали в обход закона. Щас вам представители закона все и разъяснят!

Они сели в джип и двинулись вниз по дороге. Коля поехал следом. На перекрестке они разминулись. Бандиты с журналистами свернули в Глухово, а Коля, положив диск под рубашку, начал черепашьими шажками, придерживая велосипед, осторожно спускаться по крутой тропинке к реке.

Он не чувствовал себя виноватым. Ему против его воли дали задание, пригрозив расправой.

«Что мне еще остается?»

Коля добрался до участка. Калитка была заперта. На радиозвонки никто не отвечал. Коля подергал ворота, понял, что на них висит незащелкнутый замок, и, повозившись, открыл их.

На территории никого не было. Коля побродил по участку, заглянул в оба дома. Потом увидел свет в окнах бани, а на крыльце две пары мужских ботинок и три пары красных и

розовых женских туфелек.

«Н-да…» – хмуро подумал Коля.

Он позвонил маме, чтобы та не волновалась. Зашел в главный дом и сел на диван в гостиной. Перспектива ждать два, три, а то и четыре часа, вызывала у него почти физическую тошноту.

От нечего делать Коля зажег телевизор. «Поле чудес», новости, реклама пива, Петросян, фильм про ментов, «Брюс всемогущий», пиво, бокс…

Он подумал, что можно было бы посмотреть DVD. Под телевизором стоял проигрыватель с десятком фильмов.

И вдруг… Коля не решился бы на это, будь у него хоть малейшее сомнение, что оба бандита сейчас хлещут водку в обнимку с бабами. Он взял вверенный ему диск, поглядел в окно и с замиранием сердца вставил в дисковод.

Первая запись. На экране чернобородый байкер в бандане и темных очках сидел за металлическим столом, вертя в толстых пальцах золотую зажигалку.

– Вообще, вы знаете, я не люблю давать интервью без подготовки! – резко говорил он с какой-то деланной, ненатуральной хрипотцой. – Вы меня предупредили за полдня всего!

– Богдан Дмитриевич Соломатов. По прозвищу Шприц? – не слыша его упрека, напирала журналистка.

– Да, это мое прозвище.

– Вы лидер одного из самых известных и крутых в стране

байк-клубов. С чего вы начинали свой путь?

– Ну, конечно, как лидер я не начинал. Я был просто мелким бунтарем, борцом с совковой системой. Это потом уже…

Журналистка задавала вопросы по биографии и жизненной философии Шприца, грамотно чередуя мнимое восхищение с завуалированной насмешкой. Большинство подколов, впрочем, интервьюируемый просто не замечал.

– Скажите, чем вас так привлекло Глухово?

– Знаете… э-э… атмосферой!

– То есть?

– Мне нравится сила, я ее уважаю! В этом месте сосредоточена сила. Я это чувствую сердцем!

– Сила желтого дьявола?

– Э-э нет, блин, вы не поняли! При чем тут дьявол? Вы хозяина видели хоть раз? Анатолия Григорича?

– Вживую нет. А интервью с ним, конечно, смотрела.

– Вы понимаете, что это блестящий ум! Ум и сила! На таких, как он мужиках держится вся страна!

– Хорошо. Недавно вы поддержали идею обнести Глухово колючей проволокой…

– Нет, я такого не говорил!

– Говорили.

– Про проволоку не говорил!

– М-м допустим. Вы поддерживаете сепаратистские настроения в обществе. Что вами движет?

– Послушайте, вы же видите, что страна не тянет! Стране нужен новый центр духовной власти! Как когда-то Киев им стал, а потом Москва…

– Ну Глухово – это почти Москва, сто километров.

– Не в этом дело! Вы понимаете, вот это… э-э вся вот эта свобода с демократией, которые *нам* внушили из-за бугра. Когда безработица, когда народ спивается, когда нет никакой общей цели, когда разводы, когда женщины творят что хотят…

– Я женщина!

– Ну да.

– И творю, что хочу.

– Э-э… Да, правильно! Ну вот… Должно произойти некое очищение. Должен зародиться новый э-э центр притяжения, как бы. Где ему быть, в Москве, что ль? Это никакой не сепаратизм, даже близко! Я просто хочу, чтобы вражеские силы, пока мы еще не окрепли, не могли проникнуть в нашу жизнь!

Коля понял, что ничего важного в этом интервью не услышит и промотал на пять минут вперед.

– Кстати, скажите, а почему ваш клуб при вашей глубокой религиозности называется «Племя из ада»? Почему не из рая, например?

– Ну «Племя из ада» же лучше звучит, не находите?

– Нет, не нахожу. Знаете, если подставить в этом словосочетании лишнюю «з» перед последним словом, получится…

не очень благозвучно.

– Вы меня щас оскорбили!

– Простите.

– Глубоко оскорбили! Я за такое сразу даю в морду! Но поскольку вы слабый пол, я дам в морду этому шнурку с видеокамерой!

– О нет, нет, только не это! Я прошу вас меня извинить!

– Племя из ада, че вам не нравится! Трайб фром хелл!

– Ну, почему не Хеллз трайб, почему не Хеллиш трайб?

– Слушайте, у меня филологическое образование! Я лучше вас понимаю смысловые оттенки! «Трайб фром хелл» и «Хеллз трайб» – это совершенно разные понятия! Это, блин, как сапог и валенок!

Коля перемотал на второе интервью. На фоне старого письменного стола с допотопной печатной машинкой вполоборота к оператору сидел статный мужчина с офицерскими усами на благородно-печальном лице.

– Аркадий Романович, в этом году вы опубликовали свой дебютный роман «Мятеж проклятых» о событиях Афганской войны. Ваша книга имеет огромный успех и у критиков, и у читателей. Все были удивлены, узнав, что до этого вы не писали даже рассказов.

– Это моя первая работа, – вздохнул мужчина, глядя куда-то в сторону. – Этот роман как будто вывалился из меня. Я его писал всего четыре месяца.

– Насколько мне известно, в основу легли ваши личные

воспоминания о войне?

– Да, это во многом автобиографическое произведение. Плагиат у судьбы, если угодно.

– Я прочла его.

– Рад.

– Насколько я могу судить, вы в этом романе пытаетесь препарировать такой феномен человеческой природы, как предательство?

– Да.

– У вас почти все герои в конце-концов становятся предателями. Саня предает свою любовь, майор – свою страну, Глебыч – свою мечту, Гриша – друзей, Махмуд – свою веру.

– Вы еще изменницу Асю позабыли.

– Да, да, да…

– Хм… н-да… Я долго пытался понять, что движет человеком, когда он предает ближнего. Я не имею в виду те ситуации, когда главной движущей силой является страх. Здесь-то все понятно. Это применимо почти к любому из нас. Когда человек предает ради денег, славы или власти – мерзко, но тоже, в общем-то, никакой особенной интриги нет. А когда человек предает ради удовольствия?

– Вы с этим сталкивались?

– Конечно. Вот когда он сталкивает мертвое тело своего еще недавно как бы друга в глухой овраг, и на лице его играет безумная улыбка: вот ты сдох, а я жи-ив! Ты труп, а я дышу-у! Что это? Откуда это берется? У меня нет ответа.

Коля перемотал дальше.

– Случилось то, о чем нас еще больше века назад предупреждал Достоевский, – приглушенно-скорбно говорил Аркадий Романович, мрачно посасывая сигарету. – Освободившиеся сателлиты готовы повернуть свои штыки против нас. И прежде всего речь идет, конечно, о славянских народах. Потому что братская ненависть страшнее любой другой. По определению.

– И вы считаете, что как только Запад даст сигнал, они бросятся на нас?

– Непременно. И будут совершенно правы.

– Как! Вы… занимаете их сторону?

– У них есть своя историческая правда, которой они следуют. А наша правда прямо противоположна. Наша задача сейчас в том, чтобы передавить их всех поодиночке, пока они не объединились в единый разящий кулак.

– Жестко!

– Я прошу вас не спешить с обобщениями.

– Но то, что вы говорите – это по сути…

– Я не фашист. Будь моя воля, все люди на земле были бы братьями и жили в мире. Но реалии мира неизменны: как только метрополия ослабевает, все осколки-лимитрофы начинают смотреть в ее сторону. Это голодный инстинкт и не более.

– То есть, народы живут, как звери в джунглях?

– Как пауки в банке.

– Оу… Вас не назовешь филантропом.

– Я говорю о странах, а не о людях. Мы все по отдельности хорошие и добрые, но у страны (у любой, даже у США) мозгов и души не больше, чем у тарантула.

Коля перемотал немного вперед. Офицер строил планы по возвращению Крыма после решения кавказской проблемы.

Коля вспомнил о времени и мотнул к следующему интервью.

Худое, бескровное лицо отца Савелия с ледяным взглядом из-под тяжелых век торчало на фоне одноэтажного кирпичного домика с решетчатыми окнами.

– У меня в доме беспорядок, так что лучше здесь.

– Хорошо. Отец Савелий, я сразу бы хотела предупредить, что некоторые мои вопросы могут показаться вам колкими. Вы одна из наиболее противоречивых фигур…

– Да, да, мне это известно.

– Вы правда верите в скорый конец света?

– А я по-вашему ваньку валяю на проповедях? Вы считаете, я говорю не то, что думаю?

– Нет, я так, конечно, не считаю…

– Конец света уже наступил! Все! Экологи подсчитали, что при нынешнем уровне выбросов в атмосферу, наша цивилизация не протянет и ста лет!

– Но ведь прогресс не стоит на месте.

Отец Савелий раздраженно махнул рукой, словно услышал заведомую глупость.

– Скажите, каким образом ваша вера, в которой я даже не смею усомниться, сочетается с тем, что вы носите перстни и очки в золотой оправе?

– А вы считаете это за роскошь?

– Ну… вообще-то, да.

– Мне рассказать вам, сколько я жертвовал в прежние годы на благие цели? Почитайте внимательно притчу о богаче и Лазаре. Там описывается гедонист, утопающий в физических наслаждениях, проводящий жизнь в пирах и блуде! Я похож на него? Да, я преклоняюсь перед благородством прекрасных изделий, перед талантом и трудом, вложенными в них. Украшения, мебель, картины, книги… для меня это как экспонаты в музее!

– Интересный ход мысли.

– Скажите, вас не оскорбит, если вам придется читать Тургенева, найденного на помойке? Вы же возмутитесь, вам захочется держать в руках хорошую, красивую, дорогую книгу!

– Да, это так.

– Я питаюсь два раза в день перловой и пшенной кашей. У меня нету ни машины, ни телевизора, ни ваших современных телефонов. Я не нуждаюсь ни в чем, что облегчало бы мне жизнь и отвлекало от дум! Только книги и живопись!

Коля подумал, не выключить ли ему запись. Ничего важного и секретного в ней, судя по всему, не было. Слушать откровения странных людей было не очень-то приятно.

Однако через несколько минут журналистка начала забрасывать священника действительно взрывоопасными вопросами.

– В интервью «Московскому комсомольцу» год назад вы заявили, что в Макдональдсе и прочих ресторанах быстрого питания кормят человечиной. На чем основан такой вывод?

– Послушайте… Сейчас на Земле живет уже шесть миллиардов человек. Вдумайтесь! Это жуткая цифра! Бесконечный океан голодных ртов! Сто лет назад никто и в страшном сне не мог представить такую перенаселенность! Я читал труды исследователей – вы, конечно, о них понятия не имеете – они писали, что к началу девяностых годов на планете не останется территорий для засеивания! Откуда взять зерно на прокорм куриц и коров для шести миллиардов?

– Н-ну…

– Во-от! Самый многочисленный скот на планете это сам человек! А уж засекретить как следует это дело – тьфу, прости господи! Вы знаете, какие мастаки в ЦРУ сидят!

Конец интервью был посвящен ритуалу с глиняным болваном, его смыслу и технике исполнения.

– Но все-таки, в чем фокус? Как внутри него помещается столько денег? Я видела фотографии – это очень небольшой предмет. Что за техника? Это же трюк, достойный Дэвида Копперфильда!

– Я… не… знаю! – отрывисто и зло проговорил отец Савелий.

– Как вы можете не знать, вы же чуть ли не предводитель всего этого, с позволения сказать, культа!

– Я не буду отвечать на ваш вопрос!

– Хорошо. А как насчет того, что – я подняла кое-какую информацию об этом уродце – эта штуковина один в один похожа на древнюю копилку, найденную в Иордании в шестьдесят девятом году советской экспедицией? Потом при очень странных обстоятельствах…

– Выключите камеру! – вскрикнул отец Савелий, и в глазах его запылало бешенство.

– Простите?

– Теперь понятно, для чего вы сюда явились! Я запрещаю вам это публиковать! Выньте из камеры бобину и отдайте мне!

– Ч-что? – хихикнула журналистка, ловя кураж скандала.

– Бобину!

– Вы отстали от жизни, это называется диск!

– Мне все равно, как это называется! Отдайте!

– И не подумаем! У вас нет права что-то от нас требовать. Вы дали свое согласие на интервью!

– Пресвятая! Избавь… Я сейчас делаю звонок, и с этой камерой вас отсюда не выпустят!

Отец Савелий дрожащей рукой достал из кармана мобильник к неописуемой радости блондинки.

– Попался! Попался! А кто говорил, что у него телефона нет?

– На крайний случай не грех иметь, – униженно проскрипел священник.

– Выключай камеру! – журналистка, сияя, обратилась к оператору. – Все что надо, у нас уже есть! Это бомба! Спасибо вам большое за откровенный диалог!

Экран погас. Коля вынул диск и выключил телевизор. Ему вдруг стало мерзко и страшно сидеть в этом богом проклятом доме, выполняя приказ подонков. Отчего-то проснулась злоба на всех: и на себя, и на мать, и на деда, и на отца, который безвылазно торчит в своем «Лукойле». И на всех соседей, и даже на Алешку.

– Чтоб вас! – прошептал Коля.

Он было решил оставить диск на столе вместе с запиской, но вспомнил свирепые волчьи глаза бандюгана. Рисковать было нельзя.

Коля, собравшись духом, постучался в дверь бани. Услышал пьяную матерщину, женский щебет и топот босых ног.

– Т-ты… к-какого… зд-десь делаешь? – выдавила из себя красная физиономия в банной шапке.

– Каленый просил передать вам.

– К-кале… С-сука! Дебил! В доме оставь! Ты че, б-бухой что ли!

Через минуту Коля был свободен. Стояла уже почти кромешная тьма. Подниматься с велосипедом по крутой тропинке во мраке было небезопасно, и Коля дал огромный крюк через Глухово.

Неон застилал глаза. Справа завывал Элвис Пресли, слева мяукал Киркоров. Черные человеческие фигуры слонялись как неприкаянные зомби, в мертвом вихре огней. Кто-то орал и махал кулаками в припадке пьяной искренности. Кто-то, неподвижно сидел на асфальте, обхватив руками свинцовую голову. Коля видел разбитые окна какого-то кабака, рядом с которым мигала красно-синим милицейская «Лада».

– Ты почему так долго? – взволнованно выдохнула мама, когда Коля переступил порог.

– Задержали.

– Почему? Всех отпустили, а тебя задержали?

– Надо отсюда уезжать! – не выдержал Коля. – Продать дачу, уехать и не возвращаться! И деньги мне на универ будут!

Мать покачала головой, видимо сама пребывая в тяжких метаниях.

– Дед не согласится.

Коля выругался. Как всегда все упиралось в деда!

Василий Палыч сидел у себя в комнате и смотрел по новому телевизору фильм про войну. Под креслом стояла открытая банка пива.

– Смотри… – прошамкал дед. – К нам немцы тоже вот так вот в деревню приезжали, я их помню. Здор-ровые, сытые, зубастые… Не то что наши.

Коля понял, что заводить разговор с дедом бессмысленно.

Вышел во двор, позвонил отцу.

– О, Колька, привет!

Коля хотел рассказать ему, что происходит, но связь самым подлым образом то и дело прерывалась.

– Слушай, нет, ну солидные деньги! – воодушевленно заговорил отец, прослушав половину рассказа. – Ты че?! С дуба рухнул, отказываться!

– Пап, я…

– Анатолия Григорича-то видел?

– Нет.

– Колян, ты что, не понимаешь, что это шанс? Ты работаешь у *него* в доме! Просто так, от балды такие решения не принимаются! Он ищет молодые кадры, неужели тебе это не ясно?

Дослушав отцовское наставление, Коля вернулся в дом, поужинал и, больше не заговаривая с матерью, в самом скверном расположении духа лег спать. Впереди ждал новый рабочий день.

Пожар

В сумерках автомобили стекались к сияющим, как новый торговый центр владениям Анатолия, паркуясь прямо в поле. Не «Мерседесы», не «Порше», принадлежащие избранным. Старые колымаги глуховских пенсионеров, ярко-второсортные иномарки их детей, байкерские мотоциклы и дешевые мопеды с галдящими между собой наездниками – все смешалось в мутном нервном потоке.

Большинство гостей приходило пешком, объятое трепетным желанием прикоснуться к чужой, знакомой только по фильмам и журналам жизни.

Этой ночью в честь сорокалетнего юбилея Хозяина всем желающим было позволено явиться в гости и делать у него дома *абсолютно все*, что им заблагорассудится. Почти все поначалу приняли это за глупую шутку. Первыми потянулись семьи подростков, участвовавших в приготовлениях. Потом их соседи. Потом соседи соседей.

На участке было светлее, чем днем. По краям газона били и плясали фонтаны холодных искр, крутились огненные спирали. Громадные, специально привезенные экзотические растения отбрасывали в их мерцании жуткие тени, перенося гостей в дебри Гватемалы.

На залитой светом софитов эстраде щеголяла красавица-певица в серебристом платье, с короткой мальчиковатой стрижкой. Среди танцующих и пьющих, ловко маневрируя, сновали официанты в белых костюмах, оживляя в памяти образы из Фицджеральда.

В главном зале дома был накрыт роскошный стол, ломящийся от дорогих деликатесов и самой изысканной выпивки на любой вкус.

В столовой теперь расположилась стойка с услужливым барменом. Любимая винная коллекция Анатолия таяла буквально на глазах.

На верхнем этаже тоже было не до скуки. Там в расчищен-

ной от мебели биллиардной вертел свои диски чернокожий диджей, и мерцали лазерные лучи.

В бассейне было не протолкнуться.

Желающие после вина, танцев и купания окунуться в океан покоя, шли в гостевой дом, дышать кальянным дымом.

– Вот это да! – вздыхала мать, окидывая вечеринку неверящим взглядом. – И ведь кто-то так каждый день живет!

Коля растерянно смотрел по сторонам, словно не узнавая плоды своего же собственного труда.

Вот посреди газона высокомерно торчит глиняный болван на своем позолоченном пьедестале. Рядом охрана. Как будто решили вывести идола на прогулку. Вот журчит фонтан, а какие-то мужики зачерпывают и жадно пьют из него… судя по всему, отнюдь не воду. Вот Шприц расписывается на голом плече какой-то хихикающей девчушки. Вот хлопают в небе трескучими снопами изумрудно-рубиново-золотые фейерверки. Вот, запнувшись о чью-то ногу, официант едва не роняет поднос. Вот толстый рыжеусый майор милиции в форме и с бокалом постреливает вокруг недобрым взглядом.

Опьяненная весельем и какая-то неестественно призрачная, из толпы вынырнула физиономия Алешки.

– Привет!

– Привет!

– Круто, да?

– Ага!

Больше и говорить не о чем.

Коля идет дальше. Дед что-то ворчит, видимо не в силах вытерпеть такого издевательства над своей старостью.

– Чего приехали, а? Содом какой-то!

– Папа, хватит! – одергивает его мать. – Коля, ты обещаешь мне не выпивать?

Коля кивает, хотя, по чести, кто как не он заслужил это право?

Какой-то разодетый кавказский щеголь, зажав в зубах нелепо толстую сигару, настойчиво клеится к девушке. Миг спустя Коля узнает сестру, а потом и Олега рядом. Щеголя уже отвадили.

Стараясь держаться независимо, Коля слонялся по дому и участку, танцевал с какой-то незнакомой девчонкой, украдкой все-таки пробовал горячительное, радуясь, что совершенно не хмелеет (правда взгляд отчего-то больше не мог концентрироваться на всех предметах сразу), о чем-то весело болтал со вновь появившимся Алешкой, который все сманивал его зайти в кальянную.

Глаза наполнились томной влагой, дышать становилось приятно-тяжело.

– Хватит! – велел себе Коля, отметив, что уже начинает мыслить вслух.

То, что мать его не раскусит он даже не надеялся, но, по крайней мере, удалось удержаться на краю.

Вновь расставшись с Алешкой, Коля вернулся в главный

дом, и вдруг посреди залитого слепящим светом, галдящего зала разглядел маму, Алину и Олега.

– Вы оба понимаете, что долго так жить нельзя! – негодовала мать. – Вы понимаете, что… это вам все еще аукнется!

– Мам, я тя умоляю, не начинай! – закатывая глаза, вздыхала Алина.

– Что «не начинай», Алин! Ты сейчас стоишь передо мной совершенно пьяная! Мне это как нож по сердцу!

– Вся в дедушку! – насмешливо фыркнула сестра.

Коля мысленно выругал себя и попытался как-то вытравить из головы пелену дурмана. Зашел в ванную, умылся ледяной водой, растер себе уши и веки. Стало получше.

Когда Коля вернулся в гостиную, мать молчала, подавленно потупив взор. Алина гневно и развязно выговаривала ей. Олег пытался ее урезонить.

Потом Алина сорвалась с места и, словно осатаневшая фурия, стуча каблуками бросилась к камину.

– Народ! Публика! – торжественно воскликнула она, сверкая глазами и жемчужным оскалом. – До вас еще не дошел смысл всего этого прелестного шабаша? Вам разрешено здесь делать ВСЕ! Все, что угодно, вы это понимаете? Такова воля нашего любимого хозяина!

Она схватила статуэтку индийского слона и, хохотнув, швырнула в окно. Звенящим водопадом посыпались стекла.

– Алин… – оторопело вымолвил Олег.

– Это все ваше! Берите себе все! Да здравствует анархия!

Олег взял подругу за руку и, шепотом ругаясь, вывел из зала. Коля подошел к застывшей в прострации маме.

В создавшемся на какое-то время шоковом затишье не было слышно ни ругани охранников, ни воплей Алины, ни шума потасовки. Похоже, никто даже не пытался ее задержать.

Коля заметил одного из бандитов, который, стоя в углу, с ухмылкой поглядывал то на разбитое окно, то на гостей.

И вдруг по толпе пошло бормотание:

– Правда?

– А что, можно, да?

– Точно, точно! Все разрешено!

Какой-то коренастый мужик с шальными глазами, в запятнанной вином гавайке, заорал кошачьим голосом:

– Глуховцы! Хватай все, что есть, пока не поздно!

И тут же присвоил мраморные каминные часы и золотой канделябр.

Публика пришла в беспорядочное движение. Коля с изумлением видел, как какие-то пьяные типы без церемоний принялись снимать со стен картины и собирать дорогую посуду. Кто-то уже нес на вытянутых руках роскошный корейский телек.

Один за другим все как будто сходили с ума, поддаваясь темным чарам.

– Можно?

– Мо-ожно!

– А че такого?

– Ну, если скажут, вернем!

Когда Коля с матерью выходили из дома, за спиной вновь раздался страшный треск и звон бьющегося стекла. Кто-то наслаждался разрушением. Стоявшая на выходе охрана демонстративно бездействовала, куря и болтая по рациям.

Масса еще недавно робких и скованных великой честью гостей на глазах, будто не осознавая себя, превращалась в орду диких гуннов, бессовестно разоряюших открывший им двери дом. В стороне как всегда оставались единицы. Кто-то орал, пытаясь их образумить. Кто-то в смятении бежал, хватаясь за голову.

С верхнего этажа посыпала, все это время танцевавшая молодежь, недоуменно озирая бушующую вакханалию.

– Держи! Бери! Мое! – ревело вокруг.

Кто-то выносил из дома батареи бутылок, кто-то малогабаритную мебель, кто-то электронику, кто-то утварь. Двое гопников, отдуваясь, волокли по дорожке тяжелый сейф.

– Кольк! – сквозь сумасшедший гул Коля услышал спокойный голос деда. – Идем!

– Ч-чего?

– Поможешь мне плоскогубцы искать!

– Дед, ты че?! – заорал Коля.

– А чего такого? Ты же видишь, дали добро!

Коля ошарашенно завертел головой.

Словно в бредовом сне видел он шатающиеся в полумраке

тени, одичавшие лица, сломанный пивной фонтанчик, опрокинутые пальмы, байкера Шприца, увлеченно бьющего кому-то морду.

На глаза попался вдруг тот самый алкоголик в гавайке, спровоцировавший хаос. Их взгляды встретились, и Коля увидел спокойные глаза совершенно трезвого человека.

Прежде, чем он успел осознать, *что* произошло, со стороны дома раздались перепуганные крики, и огромная масса народу хлынула во двор. В окнах первого этажа шевелились оранжевые сполохи.

– Пожар! Пожар!

– Че произошло-то?!

– Какой-то пьяный козел поджег!

– Мы на горе всем буржуям… Как там дальше? Хе-хе!

Народ бежал и бежал. Кто-то, несмотря на панику, продолжал тащить добро. Из-за образовавшейся на выходе давки, многие лезли из окон. Женщины метались в толпе, истерично зовя родных.

Последним из дверей в клубах дыма выскочил, сверкая бриллиантами в ушах, чернокожий диджей.

– O, shit! Fucking shit!

Из ниоткуда снова возник Алешка.

– Ты живой?

– Да.

– Бли-ин, мамка узнает, убьет меня!

Коля вдруг вспомнил про сестру и испуганно огляделся.

Алина и Олег стояли рядом с мамой и дедом.

– А из наших там никого, кроме тебя не было? – спросил Коля.

– Не знаю.

Впервые он был рад, что Рита, Влад и остальные больше не ездят в Глухово.

Люди шатались вокруг, тупо глядя на занимающийся пламенем дом, словно преодолевали муторное алкогольное оцепенение. Кто-то уже требовал вызвать пожарных. Кто-то звонил по мобильнику. Кто-то стыдливо клал на газон награбленное, не зная, что с ним теперь делать.

Внезапно в стенах дома ухнул взрыв, из окон брызнули стекла. Женщины завопили.

Коля вспомнил про канистры с горючим, стоявшие в подсобке рядом с переносным генератором.

Мощные языки пламени заметались в окнах, подгоняемые свежим воздухом. Огонь пробирался на второй этаж, пожирая дом, как гангрена здоровое тело.

По толпе пошел надрывный кашель. У Коли зачесались глаза.

– Да какие теперь пожарные… – проворчал дед.

Коля снова вспомнил про мнимого пьяницу-зачинщика. Вспомнил и других забулдыг, которые с нехарактерным для пьяных проворством первыми бросились растаскивать дом. Говорить о них кому-то было теперь абсолютно бессмысленно.

Они вышли за ворота, миновав истукана, вокруг которого плотным кольцом стояли невозмутимые охранники. Казалось, ничто здесь не имело ценности, кроме его озаренного желтыми отблесками глиняного тела.

Олег и Алина сели на мопед, хотя мать категорически запрещала Алине ехать в таком состоянии.

– Ты знаешь, что там случилось? – тихо спросил Алешка.

Коля медленно покачал головой.

– Догадываюсь…

– Бред какой-то! Что эти дебилы там устроили! Нам же всем теперь…

Что-то угрожающе затрещало в пожаре. Должно быть, стали рушиться деревянные перекрытия.

Они бросили последний взгляд на дом, напоминавший теперь клетку, из которой, ревя, рвалось на волю исполинское огненное чудище.

Вдали мигали милицейские огни. Бывшие гости в гробовом молчании, вжав головы в плечи, разъезжались по домам.

Взыскание

Преступление свершилось. Едва открыв поутру глаза, глуховцы почувствовали себя в совершенно новом, прежде неведомом статусе. Как будто небо превратилось в бескрайнюю бетонную плиту, постепенно и неумолимо опускающуюся на поселок.

Многие тотчас решили съехать куда подальше. Едва они проехали Глухово, как уткнулись в возникшие за ночь на всех дорогах милицейские блокпосты. Тот, кто не мог доказать, что не присутствовал ночью в гостях у Анатолия, был обязан вернуться домой. По факту разворачивали всех.

– Пока не определится круг подозреваемых, – туманно поясняли представители власти.

Хотя шансы проскочить в потоке машин были довольно неплохие, большинство, узнав о запрете, не решалось играть в прятки с законом (или с тем, что пришло ему на замену).

Телевидение лишь мельком коснулось темы пожара. Глуховские бары и казино жили своей обычной жизнью, туристов было хоть отбавляй. Однако прикинуться приезжим под свинцовым взором всесильного милиционера не смел никто.

Поверить в реальность коллективного наказания было пока еще трудновато. Впрочем, привыкшие за последние годы к чудесам глуховцы допускали теперь уже все, что угодно. Особенно старики.

– Могут на поселение сослать, – весело усмехался дед. – А че такого! Поживем лет пять в степи без компьютиров. И пра-ально! Как воровать и жечь, так все молодцы, а как отвечать…

Взгляд его между тем становился суровым, и Коля чувствовал, что доля шутки в его словах не так уж велика.

Мать по телефону умоляла приехать отца, который вздыхал, обвинял ее в домыслах и злился, что из-за Алины при-

дется оплачивать разбитое стекло. Коля ему тоже звонил.

– Пап, они реально никого не выпускают!

– Кто, бандиты?

– Нет, милиция.

– Если милиция, то успокойся! Вы в ста километрах от Москвы находитесь, ты че… фильмов насмотрелся что ли? Готовься к универу! Я к вам приехать не могу – работы лом!

Мать особенно переживала за Алину, которой с каждым днем все больше доставалось от местных. Старики обзывали ее проституткой, наркоманкой и даже ведьмой. После всего, что случилось, не так уж безумно выглядела версия, что в ту ночь Алина околдовала или загипнотизировала гостей, сведя их с ума.

Один раз ее пытались побить, но получили достойный отпор и от нее, и от Олега. На калитке их дома каждые три дня появлялись оскорбительные надписи. При этом, вопреки мольбам и требованиям матери, Алина наотрез отказывалась переселяться обратно к семье.

На седьмой день в вечернем ток-шоу, наконец-то, вышло интервью с Анатолием. Все замерли у экранов, затаив дыхание.

– Ну что я могу сказать… Знатно повеселились, знатно! – снисходительно и даже иронично говорил Хозяин, всплескивая руками. – Бывает… Хотя, конечно, жалко дом. Всего шесть лет назад построен был.

– Прости, батюшка! – шептали старики, в основном те,

кто в ту ночь даже не участвовал в банкете.

– Тут как раз тот случай, когда не виноват никто и виноваты все, – продолжал Анатолий. – Ну выпил наш человек, ну поддался искушению, взял какой-нибудь, прости господи, подсвечник… У меня у самого в юности таких грешков было ого-го! Первый раз сел за мелочевку.

– Но, все-таки, кто-то же поджег, Анатолий Григорьевич. Намеренно поджег!

– Да-а… Вот это меня больше всего и огорчает. Не всегда за добро платят добром!

Глаза его заволоклись глубокой философской печалью.

– И что же вы думаете на этот счет?

– А что тут думать? Пусть следствие выясняет – это его забота.

– Ну а как быть с теми, кто участвовал в грабеже? Просто простить и забыть?

– Нет, ну почему же? Пусть эти господа, чтобы жить потом со спокойной, чистой совестью, пожертвуют деньги на восстановление.

– Пожертвуют? То есть, в добровольном порядке?

– М-м… ну а пусть даже и в добровольном.

По губам Анатолия змеей проползла многозначительная усмешка. Лицо его на миг сделалось непроницаемым и жутким.

– Я ведь не феодал, чтобы кого-то принуждать.

На следующее утро глуховцев собрали в поле перед гли-

няным истуканом. Даже самые бесшабашные оптимисты теперь уж не ждали ничего доброго.

– Ну что, глухие овцы! – по-простецки развязно обратился к толпе в мегафон Каленый. – Заварили кашу?

Толпа ответила нестройным блеянием, оправдываясь, извиняясь, недоумевая.

– Че делать будем? Ну, ну, ну! Какие идеи? Готовы за свои бабки отгрохать новый дворец?

Народ хмуро зашумел. Всех успокаивала мысль, что платить придется не так много, если возьмут со всего населения.

– Я обращаюсь к тем, кто был в ту ночь непосредственно в доме Хозяина! К виновникам!

Коля увидел, как мать в отчаянии закрыла глаза.

– Ворье и дебоширы, выйти из строя! Живо, живо! Как сказал, хе-хе, Анатолий Григорич, на совершенно добровольной основе! Смелей!

Никто не выходил.

– Или платить придется всем! Не только за дом, но и за имущество! А какие сокровища там погибли: мебель, ковры, люстры, картины… мама родна!

Толпа зашумела еще громче, зверея и озлобляясь с каждой секундой. Кто-то пришибленно возмущался, кто-то начал тыкать пальцем в соседей. Где-то вспыхивали перебранки и даже драки.

– Заткнулись все! Черт с вами! – Каленый презрительно скривил рот. – Просто вернете все деньги, которые он вам

дал, и баста! Чтоб за неделю расплатились!

Теперь народ уже гудел, как пчелиный рой. Ярость, однако, устремлялась не на Каленого, а только друг на друга.

– Что ж вы нас, из-за какой-то стервы малолетней хотите по миру пустить? – задыхаясь, прокричала пожилая женщина. – Это ведь она! Она ж, гадюка, все это…

– Так, так, так? – заинтригованно поддержал Каленый.

– Точно! – взревел лысый мужик с пивным животом. – Могу подтвердить, это гипнотизерша! Я там был! Она слово сказала, и все р-раз – как с катушек съехали!

– Ведьма она, вот кто!

Коля почувствовал, как у него зябнет шея. Он вдруг осознал, что в этой толпе любой может запросто накинуться и на него, и на мать, и на деда. Благо, самой сестры поблизости не было.

– Едрить тебя… – сумрачно шептал дед.

Мама стояла, пошатываясь, сама не своя.

– С зачинщицей тоже надо бы разобраться! – улыбнулся Каленый. – По-человечески.

Топтавшийся рядом отец Савелий, у которого на пальцах теперь сверкали аж три перстня, опасливо промолвил что-то на ухо бандиту.

– А-э… Да, да, да! Все будет по-закону! Просто объяснят милой девочке, что бить стекла нехорошо!

Он холодно рассмеялся сквозь сомкнутые губы.

– Короче, товарищи шалопаи, воры, алкоголики, думайте,

чем себе помочь! Ищите виновных, выясняйте э-э как это юридическим языком… степень персональной ответственности. Если ни до чего не докумекаете, отдадите все, что имеете! И никакая Москва вам не поможет! Это если кто надумал жаловаться. За юридической консультацией можете обращаться лично ко мне, хе-хе!

Народ стал угрюмо расходиться. Толпа теперь была увлечена лишь одной идеей.

– Есть ведьмы, есть! – кудахтала старуха в панамке, когда они покидали поле. – И колдуны есть! Сколько всего про них по телевизору говорят!

– Вот сволочь, а! Какую свинью нам подложила, тварь!

– К сте-енке надо таких ставить!

Мама плакала. Коля лихорадочно пытался осознать, насколько все изменилось. Впервые в жизни он кожей ощущал бродившее в воздухе зло.

Игры джинна

– Я не понимаю! Я ничего не понимаю! Да что ж это творится! – мать в истерике металась по комнате, ломая пальцы. – Это же Подмосковье! Не Чечня, не Сибирь!

– Так у нас и в Москве-то творится будь здоров… – проворчал дед. – Все, кончай с ума сходить! Ничего они с ней не сделают!

– Тебе-то откуда знать! – огрызнулась мать, и в глазах ее

снова заблестели слезы.

– Хватит уже! Ой, господи… Ну хочешь, я Алинку прямо щас домой привезу!

– Если б я знала, где она живет! Она же мне, з-зараза, даже адрес не сказала!

– Ну по телефону позвони, значит!

– Звонила! Трубку не берет… – мама вновь разревелась в подушку.

– Ну чего стоишь, смотришь! – рявкнул дед на Колю. – Видишь же, какие дела! Иди там… погуляй!

– Не смей никуда выходить, понял! Вообще никуда! – всхлипнула мать.

– Чего? – оторопел Коля. – Мне что теперь, за калитку не высовываться?

– Да!

– Мам…

– Что «мам»! Ездить будем только в магазин и только на машине!

Коля чувствовал, что сейчас самое неподходящее время для спора. Но подчиниться маме, значило пойти против законов природы.

– Папа! – мать вперила в деда полубезумный взгляд, судорожно дыша. – У твоего друга Петровича тесть, у него же связи в ФСБ!

– Ну?

– Так пусть он потребует от них!

– Потребует, ага! У Петровича щас это… хандра. Как разбогател, так и поплохело ему… на политической почве.

– Да плевать мне на его хандру!

Мать стала отчаянно биться, чтобы дед выполнил ее волю. Коля ушел к себе в комнату.

Отец уже знал обо всем и обещал приехать в пятницу. Расстояние от Москвы и присутствие милиции оставались для него святыми оберегами семьи. Коле теперь даже казалось, что папа еще более советский человек, чем дед. Или от такой работы и правда киснут мозги?

Около полуночи Коле вдруг позвонил Алешка.

– Я за шлагбаумом, приезжай! Срочно нужна твоя помощь, давай быстрее!

– Что случилось-то?

– Человеку плохо! Может умереть! А кругом вообще никого, блин!

Ссылаться на мамин запрет было последним делом. Как и уходить в ночь, бросая мать в таком состоянии.

Однако мама в этот вечер, не выдержав, опилась снотворным и вроде уснула. Дед, как обычно, храпел в бане.

С величайшей осторожностью Коля отыскал в доме связку ключей, тихо, как вор отпер входную дверь, замок на калитке и, сев на велосипед, помчался к другу.

– Ему, кажись, лучше стало, – промолвил Алешка, с тревогой и сочувствием оглядывая сидящего на обочине, покрытого ссадинами и кровоподтеками дядю Петю.

Старик был словно контужен взрывом. Его слабая, безжизненная рука медленно, как в полусне гладила по спинке сидевшую рядом Ушаню.

– В канаве лежал, представляешь! Какие-то уроды избили! Я бы его и не заметил, если б не кот.

– Это кошка вроде.

– Да какая разница! Я своих хотел позвать, потом вспомнил: отец-то уехал, машины нет!

– А че скорую не вызвал?

Алешка сделал круглые глаза и по слогам произнес:

– Не от-ве-ча-ют! Зис из Раша, блин!

– Пошли! – тихо, но твердо произнес вдруг дядя Петя.

– Куда? – изумился Алешка. – Домой к вам? В больницу?

– Не-е! К Мицкевичу, к приятелю моему. Он вам, ребята, все расскажет и про болвана глиняного, и про богатство, и про то, что скоро уже будет. Он все знает. Сам в этом замешан.

– А далеко? – спросил Коля.

– Да-а… Пешком далековато придется. Машину бы…

До сих пор Дядя Петя ничуть не походил на сумасшедшего. Впрочем, Коля едва допускал, что отправится с ним куда бы то ни было.

– Может, вам все-таки к врачу? У вас ничего не сломано?

Дядя Петя пошевелил пальцами обеих рук, ощупал затылок и неуверенно помотал головой.

– Вроде нет. Ушаня меня опять выручила. Вот она, позна-

комьтесь!

Вдали сквозь призрачный туман засияли огни приближающейся машины.

– Глазам не верю… – проворчал Алешка.

Голосовать не пришлось. Старая красная «Копейка» остановилась, едва свет фар осветил Колю. Из машины вылез Олег.

– Колька!

– Здрасьте.

– Алину забрали, – упавшим голосом поведал Олег, нервно моргая.

– Как?! Кто?

– Братки, кто! Еду к вам, новость сообщить.

«Вот об этом маме уж точно лучше не знать», – мрачно подумал Коля.

– И про твою сестру он тоже знает, – прокряхтел дядя Петя, с трудом пробуя встать на ноги.

– У нас вот… – неуверенно заговорил Алешка. – Человека избили. Надо бы отвезти его к врачам.

– Не к врачам, а к Мицкевичу! – решительно возразил дядя Петя. – Ничего страшного, просто синяки… Не впервой! И вам тоже поехать надо! Он и про Алину вам расскажет, и про пожар!

– А что он про Алину может знать? – недоуменно спросил Олег. – Вы-то сами что про нее знаете?

– Знаю… Это не из-за разбитого стекла. Нужно ехать. Вы

мне поверьте, у меня с головой сейчас все в абсолютном порядке!

– Адрес знаете?

– Покажу. Дорогу хорошо помню.

Олег напряженно задумался, теребя небритый подбородок.

– Н-ну ладно. Поехали.

– Я с вами, – вздохнул Алешка. – Щас, велик домой отгоню. Скажу родичам, что у друзей ночую. Коль, можешь свой тоже у меня оставить!

– Нас же остановят на выезде! – вспомнил Коля.

– Не боись, по полю объедем. Батина лошадка хоть и старая, но еще пока, тьфу-тьфу-тьфу, не подводила.

Олег с уважением похлопал «Копейку» по пыльной крыше.

Машина, трясясь и переваливаясь, шла по темному лугу, как катер по бескрайнему ночному океану. Коля и Алешка сидели сзади, слушая стоны двигателя и шорох колес.

Потом, наконец, вывернули на шоссе и помчались с ветерком. Расчет оказался верен, блокпосты удалось оставить далеко позади.

Через двадцать минут дядя Петя указал на освещенный тусклым фонарем поворот.

– Вот сюда.

Они подъехали к темному дому, сперва показавшемуся Коле заброшенной развалиной.

Дядя Петя просунул свой посох сквозь сетку ограды и принялся стучать в стену.

– Люди… Хосподи… – ворчал Мицкевич, принимая незваных гостей. – Я вам что, хранитель панацеи от всех болезней!

– Ты виноват, – сурово сказал дядя Петя.

– Ах, уже и виноват! Ну спасибо, друг, спасибо! Правильно, давайте козла отпущения искать! Чтоб было к кому потом с топорами…

Он зажег свет и оторопел.

– Петь… Кто это тебя так?

– Не важно, – дядя Петя небрежно махнул рукой. – Давай, рассказывай ребятам, из-за чего все началось.

– А что это за ребята? Как звать хоть?

Коля и Алешка без охоты представились.

– Ну слушайте… – промолвил Михаил Моисеич, которого Коля уже мысленно окрестил «МММ», ставя чайник и садясь за стол. – Вы в духов верите? Если нет, можете прямо щас ехать домой, я вам ничего не объясню!

Коля пожал плечами. Этим летом ему уже верилось во что угодно.

– Так вот. У меня был сосуд с джинном внутри. Не с напитком, а с духом. Условно говоря.

– А почему условно? – спросил Алешка.

– А потому что джинн не внутри! Это только в сказках его в волшебной лампе держат. А по-настоящему сосуд – это

средство сообщения духа с нашим миром. А сам он живет за пределами нашего восприятия. Вы, когда врача по телефону вызываете, вы же не думаете, что врач сидит в телефоне, правда?

– Вы с-серьезно? – неуверенно спросил Коля.

– Я вас предупредил! Можете вообще ничему не верить, мне от этого только лучше! Я старый уже, в маразме…

– Простите.

– Ну вот. Есть разные виды джиннов, страшные и не очень: Мариды, Силаты, Гули… А у меня был самый худший: Ифрит. Причем, по-моему, чуть ли не главный в их иерархии. Пока его у меня не забрали, он не мог разгуляться. Жил как бы в полусне.

– А что же ты болвана не разбил? – мрачно спросил дядя Петя.

– Ничего себе! Не разбил… Я археолог, а не вандал! Это же уникальнейшая вещь!

Дядя Петя укоризненно покачал головой.

– Ну да, да… – через силу выцедил Мицкевич. – Чего… Он мне жизнь продлевал! А разобьешь – мало ли? Уж кто-кто, а джинн найдет способ отомстить!

– Ты его новому русскому отдал и рассказал, что это такое. Джинн тебя заставил?

– Ну… можно сказать, что заставил, да. Тебе сколько лет? – вдруг с вызовом спросил Михаил Моисеич, посмотрев другу в глаза.

– Я уже давно не считаю… Шестьдесят пять наверно.

– А мне восемьдесят семь! Все! Аллес! Ни сегодня-завтра отойду! А я мозгами-то молодой! Я к этому привыкнуть не могу никак! Страшно до черта! Всех уже похоронил, кроме Борьки. И тот в Америке! Мне теперь только жить, жить и жить задача!

Михаил Моисеич, дрожащей от волнения рукой снял чайник и разлил по чашкам кипяток. Заварка закружилась хороводом в зеленовато-желтой воде.

– И что теперь будет? – спросил Коля.

– Вам царь Соломон э-э… Сулейман ибн Дауд знаком?

Коля слышал это имя в какой-то скучной сказке про мотыльков.

– Жил такой правитель давным-давно. Для арабов Сулейман, для евреев Соломон. Сын Давида, который Голиафа победил. Правил Израильским царством. Любил заигрывать с джиннами. Тоже, как и вы, думал, что дух бессильно, сложа руки, сидит, пока его не призовешь. Ну он и не мог по-другому думать. Джинны ему служили. А потом, когда он умер, вот этот вот красавец Ифрит развалил все его царство. Не сам, разумеется, а руками жителей.

– И что он сделал? – без тени интереса спросил Олег.

Похоже он думал, что дядя Петя привел его к своему соседу по палате.

– А вот то же, что и сейчас делает: даровое богатство, веселье, разврат. Поил их из Фонтана глупости, ссорил друг

с другом, сманивал на преступления. Рвал ткань общества, говоря языком социологии.

– Ну короче, у меня подругу похитили! – Олег не выдержал. – Что вы об этом знаете и что можете предложить?

– Ее хотят убить, – холодно проговорил Мицкевич.

– Ч-чего?!

Колю передернуло, Олег вскочил со стула.

– Точнее, он хочет. Ифрит. Они-то сами пока даже не знают, что и зачем делают. Просто выполняют его приказы. Дом кто поджег? Кто провокацию организовал?

– Точно, точно! – закивал Коля. – Я все видел!

– Это все, как щас любят говорить, манипуляция общественным сознанием. Запугать, зачморить, чтобы почувствовали себя виноватыми, чтобы перегрызлись меж собой. Зло ради зла! Это уже вторая стадия.

– А третья? – спросил Алешка.

– А третья будет, когда ведьм и врагов народа резать начнут. Сначала врагов, а потом уже и просто друг-друга без разбора. Когда условно дом номер пять по Лесной улице будет воевать с домами: «четыре» и «шесть».

– Да как такое возможно?!

– А что?

– Это же б-бред! – Коля взмахнул руками, не находя нужных слов. – Москва рядом! Сразу милиция, спецназ приедет, если что-то будет!

– Неа! – МММ хитро улыбнулся. – Никто не приедет!

Приедут, когда уже будет поздно.

– А в правительстве что, ни о чем не догадываются?

– Догадываются, только плевать они хотели. У них агентурная сеть: экстрасенсы, оккультисты, астрологи – все в наличии. А кто пойдет с Ифритом воевать? Идите, повоюйте там… со штормом, с землетрясением! Им щас надо от вас только одно: чтобы ваш поселок сварился в своем соку как можно тише. А потом свалить все на атаку террористов или на местные разборки!

Олег хлопнул ладонью по столу.

– Так все! Пацаны, едем домой! – он зло развернулся и зашагал к выходу. – Дядь Петь, я вас уважаю, но… У меня тетя тоже с приветом была, я от нее этих сказок наслушался! И про вампиров, и про масонов…

– А вам рассказать про вампиров? – фыркнул Моисеич. – Или про масонов с розенкройцерами?

– Про бабайку, епт! – огрызнулся Олег, надевая кроссовки. – Мне Алину надо спасать! Единственное, что вы правильно сказали – это то, что ее могут убить! В любой момент!

– Не в любой. Это будет целый ритуал. В том же месте, скорее всего, где раздавали деньги.

– Вы послушайте, послушайте, – прошептал дядя Петя.

– Когда – этого я не знаю. Надо быть начеку. Смотреть, как будет собираться народ. Вам нужно составить для себя какой-то план. Это единственная возможность ее спасти, потому что все будет происходить на открытом пространстве.

А сейчас что-то делать просто бессмысленно.

– А нельзя… как-нибудь *всех* спасти? – несмело вымолвил Коля, с изумлением осознавая, что верит этому сказочнику.

– Их спасти нельзя. А самим спастись – да ради бога! Захотят спастись – спасутся, – Мицкевич раздосадованно взмахнул рукой. – Вот прям щас могли бы спастись, если бы все вместе сели в машины и обходными путями кто куда! Кто бы их там стал преследовать? Не-е… Сидят. Боятся! Да и просто в голову не приходит что-то сделать самим. Чары Ифрита в действии!

У Коли в кармане запел мобильник.

– Ты где?! – орала мама.

Пришлось врать. К счастью, рядом был Алешка. Дядя Петя неумело сыграл роль Алешкиного деда.

Коля надеялся, что к утру мама все-таки отойдет.

«Лишь бы не узнала про Алину!»

Они распрощались с Михаилом Моисеичем, оставив его наедине с неспокойной совестью и грустными мыслями.

Домой ехали молча. В зеркале заднего вида Коля наблюдал суровое лицо Олега. В его, прежде беспечных глазах напряженно работала мысль. Пальцы остервенело стиснули руль.

Ушаня, свернувшись в полусне, иногда поскребывала когтями кожаное сиденье и дергала ухом.

«И ведь ни до чего ей нет дела!» – подумалось Коле.

Это было не так. Однако Ушаня никогда не была челове-

ком и, как положено кошке, высоко ценила искусство спать.

Козел и ведьма

Алина ехала на заднем сиденье, настороженно разглядывая стриженные затылки сидящих впереди отморозков.

Один из них был спокойный здоровяк с малоподвижным лицом и пробирающим до костей волчьим взглядом. Другой – вертлявый, чернявый, с волосатыми тощими руками, то и дело ухмылялся и подмигивал Алине в зеркальце.

«А кто не бабник? Ну кто не бабник? Да тот, кто женщин и не видел никогда!» – издевательски благодушно пело радио.

– Каленый!

– Че? – отозвался здоровяк.

– Хотел тебя похвалить. Умеешь с народом разговаривать.

– Еще бы. В деревне рос! Я это колхозное быдло знаю, как свою мамашу.

– М-м…

– Завтра им скажу: на колени, падлы! Встанут, че ты думаешь!

– Девочка! – чернявый вновь лукаво подмигнул Алине. – А ты не колхозное быдло?

Алина не ответила.

– Че молчишь?

Она демонстративно отвернулась и стала смотреть в окно.

– Суровая, да?

– За дорогой смотри! – одернул его кореш.

Жека причмокнул и, вдохновленно подпевая автомагнитоле, прибавил газу.

Они подкатили к владениям Хозяина. Страшный, как великаний череп остов сгоревшего дома таращил в сумерках свои обугленные глазницы.

Алину завели в дом для гостей, посадили в спальне на втором этаже и заперли дверь.

Она легла на кровать, жалея, что нету мобильника. Не потому что надеялась каким-нибудь чудом дозвониться до отважных спасителей.

«Хоть музыку послушать!»

Сигарет тоже не было.

Глядя на большое зеркало, Алина подумала, что если его разбить, выбрать осколок подлиннее и обернуть его в кусок ткани, то выйдет неплохая замена ножу. Это если с ней попробуют сотворить самое страшное. Впрочем, звон стекла наверняка привлечет внимание. Стоит ли будить Лихо?

Она закрыла глаза, не в силах побороть чудовищное, сковывающее напряжение в каждой клетке тела.

«Так я к утру совсем обессилю. Им даже делать ничего не придется…» – хмуро подумала она. – «Э-эх, надо было маму слушать!»

Стрелки часов на комоде невыносимо долго, будто в насмешку, топтались на одном месте. Приглядевшись, Алина поняла, что часы стоят.

За окном сгущался мрак. Снизу доносились плохо различимые голоса и хлопанье дверей.

Прошло часа три. Или два. А может, всего один. Дверь распахнулась, и незнакомый бандит велел Алине встать и идти за ним. Никакого животного блеска в его глазах вроде бы не было.

Алина зашла в гостиную и увидела сидевшего черной тенью за столом бледного и тощего (из него как из тряпки, казалось, выжали все живое) отца Савелия.

Его тонкие пальцы скрестились на манер паучьих лап. Глаза из-под клобука смотрели скорбно и выжидающе.

– Сядь, – не выражая ни радости, ни агрессии, промолвил священник.

– Меня ради этого сюда привезли? – Алина с презрительным недоумением взглянула на конвоира. – Ради вот этого?

Бандит развернулся и закрыл дверь, не удостоив ее ответом.

Алина села.

– Ты понимаешь, что с тобою произошло? – поджав губы, спросил священник, глядя на Алину, как на змею за стеклом террариума.

– Нет, – совершенно искренне ответила Алина. – Я понятия не имею, что на меня нашло в тот вечер! Я никогда не бью стекол в чужих домах. Даже когда выпью.

– Во-от! – округлив глаза, с возбужденным наслаждением заговорил отец Савелий. – Ты все понимаешь, ты же не глу-

пая…

– Короче, звоните моему отцу! Он вашему хозяину новую стекляшку закажет. Только уточните размер. За все остальное будут платить те, кто грабил и поджигал!

– А ты не задумываешься, какая сила овладела тобой в тот миг?

– Задумываюсь. День и ночь. И не нахожу ответа.

– Как же ты не находишь ответа, если он очевиден и лежит на поверхности?

– Ну пф-ф… даже не знаю… – Алина наиграно закатила глаза и надула губы.

При всей опасности ее положения не поиздеваться над этим средневековым придурком было невозможно.

– Ктулху… Сатана, может быть?

– Да-а! – зловеще улыбаясь, закивал отец Савелий. – Он самый. Кто, как не он, мог сподвигнуть тебя укусить кормящую руку?

– Я у этой руки ни копейки не взяла. А за стекло, сорри! Оплатим.

Священник с ироничным сожалением покачал головой.

– Думаешь, сейчас время для веселья?

– А что мне каяться, что ль? – зло фыркнула Алина. – Я людей не похищаю в отличие от ваших лбов! И идола вместо бога не воздвигаю! Прикольно у вас все сочетается в вашей церкви…

– Замолчи!

– Почему это?

– Мне… за это не перед тобой оправдываться! Не тебе и не таким, как ты дано постичь замысел божий!

Алина насмешливо сощурилась на драгоценные камни, украшавшие пальцы отца Савелия.

– Окей! Полностью с вами согласна. А теперь уже, наконец, скажите вашим лбам, чтоб отвезли меня домой! Я… в душе каюсь. Лью горькие слезы и самозабвенно целую глиняный зад вашему бол…

– Хватит! – взвизгнул отец Савелий. – Довольно! Не спроста же все тобою началось? А? Ведьма!

– Оу!

– Ты же одна из них? С чего бы тебя вдруг наделили такой властью над людьми? Не за одни же глазки!

Алина уже без былой насмешки разглядывала сидящего перед ней дергающегося старика. Он прикидывала, чем может закончиться весь этот забродивший маразм.

– Секретные колдовские организации, сатанинские кружки, за сотни лет пролезшие на самый верх и теперь управляющие миром. Я про вас о-очень много читал! Это вы подстраиваете катастрофы! Войны, революции! Юровский цареубийца в эмиграции ездил в Вольфенбюттель получать от вас перстень!

– Я не понимаю, что вам от меня нужно! – свирепо проговорила Алина.

– Хех! Н-не понимает… Знаешь, почему ты такая кра-

сивая? – выпалил вдруг отец Савелий, резко подаваясь вперед. – Когда души нет, когда сердце черно, вся данная богом добродетель во плоть уходит! По поверхности размазывается!

Он дрожащим пальцем коснулся ее руки выше запястья.

Вот теперь Алине стало по-настоящему не по себе.

– Вы что только что сделали, дедушка? – тихо промолвила она, потрясенно улыбнувшись

Священник отдернул руку, и в его глазах заметался суеверный ужас.

– Ведьма!

– Охренеть! Сука, еще раз меня коснешься…

– Ве-едьма… – как одержимый повторял отец Савелий, прижимаясь к спинке стула. – Ведьма…

– Козел! – выплюнула Алина.

В зал, заслышав ругань, вошел бандит.

– За-заберите… Прочь! – застонал отец Савелий и, пряча глаза, сбивчиво принялся шептать молитву.

– Нашла, кого стращать! – вполголоса усмехнулся браток, ведя Алину обратно в темницу.

– В смысле, соблазнять?

– Да… черт, какая разница!

Она вновь оказалась одна в запертой спальне. В окно зарядил мелкий, унылый дождик.

Спустя некоторое время из тьмы донесся разгоряченный монолог отца Савелия, в котором Алина различила лишь па-

ру слов, и насмешливые замечания бандитов. Заворчала выезжающая из ворот машина. Потом вновь воцарилась тишина.

Алина от души прокляла всех, включая себя. Тщательно оживила в памяти тот бредовый миг, когда, захлебнувшись в кураже, метнула статуэтку в окно.

«Что со мной было?»

Она подумала об Олеге. Ей было страшно.

Притча

– Скажи мне, демон, что будет, когда я умру? – спросил вдруг царь, роняя пунцовую виноградину степенно расхаживавшему под ногами павлину.

– Почему же ты думаешь, мой господин, что ты непременно умрешь?

– Полно дурачить меня, чудовище! – грустно улыбнулся владыка. – Я глупец, но не настолько, чтобы не видеть очевидного. Ты и твои друзья славно постарались, чтобы держать меня в плену иллюзий. Но… я почувствовал перебор. Почувствовал, когда вы якобы обучили меня языку зверей и птиц. Лань, с которой я беседовал в последний раз… Это трудно описать… Один раз она увильнула от ответа, и тогда я вдруг явственно распознал в ней одного из твоих прихвостней.

Обаятельное смуглое лицо Ифрита растянулось в уязвлен-

ной улыбке. В черных усах проступил сахарный оскал.

– Ничто не скроется от твоего всевидящего ока, царь. Этот паршивец решил разыграть тебя! Если пожелаешь, я запру его в глиняный кувшин на тысячу лет.

Соломон с усталым презрением махнул старческой рукой с золотым кольцом на среднем пальце.

– Что будет когда я умру? Отвечай!

– Ты не умрешь.

– Ложь.

Ифрит задумчиво потеребил свою черную бороду, размышляя, как поделикатнее передать царю свое видение ситуации.

Над головой вспорхнула золотистая щурка. Ласковый ветер принес запах имбиря и роз. За цветастой стеной олеандров меланхолично журчал фонтан.

– Сейчас я тебе кое-что расскажу, мой повелитель.

– Давай, – чуть оживился царь.

Он подобрал полы длинных белых одежд и положил на колени посох, с которым уже давно не расставался.

– Один человек прожил сотню лет и так и не поверил в смерть. Однажды смерть явилась к нему и потребовала отдаться ей. Но человек сказал: «Я в тебя не верю!» «Как это ты в меня не веришь?!» – вскричала смерть. – «Я, черная бездна небытия, стою перед тобой!» «Оттого и не верю», – спокойно ответил человек. – «Что небытия нет». «Глупый червь! Я прибрала твоих родителей, твоих братьев и сестер,

твою жену и даже детей! Как ты еще смеешь сомневаться!» «Ну и что?» – пожал плечами человек. – «Это произошло с другими, а не со мной». «Ах так!» – воскликнула смерть. – «Ну что же, смотри!» И она стала показывать человеку бесчисленные кости, среди которых были нищие и цари, разбойники и философы, рабы и полководцы. Но человек смотрел безо всякого содрогания: «Твой собеседник сейчас я, а не они. Что есть, то есть, чего нет, того нет. Я есть. Тебя нет. Докажи мне, что ты существуешь!» И смерть вдруг поняла, что ничего не может сделать. Принялась скакать, извиваться, рычать, корчиться и гримасничать. Так она скачет и поныне, не зная, как убедить упрямца в том, что она есть, а его нет.

Соломон удовлетворенно хмыкнул.

– Твоя хитрость никогда тебе не изменит, великий интриган. И все же… – царь не без усилий поднялся с кресла, опираясь на посох. – Мне все труднее тешить себя надеждой, что смерть обойдет меня стороной. И я давно уже разуверился как-нибудь увидеть мир через тысячу или через две, три тысячи лет. Быть может, люди к тому времени будут ездить в повозках без лошадей и даже летать по небу на волшебных лодках. А, может, мир погибнет гораздо раньше. Но могу ли я верить, демон, что когда… что если меня не станет, хотя бы весь этот прекрасный сад останется таким же, какой он есть сейчас? И ни одна сила на свете не посмеет его осквернить!

– Даю тебе слово, владыка.

Ифрит очнулся от сладких воспоминаний. На лугу уже на-

чинал собираться народ.

Кара

Бескрайнее поле впервые отчего-то напоминало замкнутое пространство, накрытое синим куполом с мертвенно-равнодушным глазом солнца в зените.

Люди, несмело поглядывая в сторону черных хозяйских автомобилей, шли к тому месту, где должно было разыграться загадочное и едва ли доброе действо. Вдали от строящихся домов, на скошенном участке луга красовалось свалянное из сена и соломы двухметровое подобие ни то кресла, ни то трона. Будто декорация для сельской постановки. Чего ему там стоять? Кто и зачем выдумал?

Ифрит чувствовал, что что-то не так: ему не очень-то нравилась толпа. Этот странный народ даже в своем падении умудрялся оставаться не до конца искренним, все норовил юркнуть в щель, оглядывался, прижимал уши. Он понял, что придется играть по-грязному. Пусть даже с риском прогневать неведомого высшего судью, которого, как известно, в тайне боится и сам аш-Шайтан.

Еще одно неудобство было в том, что джинн хоть и стал здесь абсолютным властителем, но отнюдь не считался им. Особенно теперь, когда среди рядовых бандитских джипов и «Бэх» возник длинный, как военный корабль, вороной «Мерседес», внутри которого за тонированными стеклами

сидел невзрачный невысокий пожилой тип в сером пиджаке.

– Я у бабушки в деревне! – ностальгически пропел Директор, выбираясь из салона и жмурясь от слепящих лучей.

– Ты смотри, кто заявился! – ухмыльнулся Давыдыч кивнув в сторону далекого «Мерседеса».

– Что поделаешь! Мы под мафиозным сапогом! – пафосно вздохнула Алла Юрьевна. – И каждый, подчеркиваю, каждый из нас несет за это равную ответственность!

Борис Генрихович с невыносимой мукой прикусил язык, чтобы снова не прогневать жену.

– Э-это что еще такое? – удивленно проворчал Василий Палыч, разглядев соломенную махину.

В нескольких метрах от «трона» стоял закрытый темный фургон, рядом представители криминальной власти и отец Савелий с иконой в руках. Болвана разместили в отдалении, как если бы машина и трон могли таить для него неведомую опасность.

Толпа сгустилась. Кроме глухого многоголосого ропота ничто не нарушало напряженную тишину.

Директор вынул мобильник и поднес к уху.

– Толя! Я вдруг ни с того ни с сего решил посмотреть, чем твои холопы-сектанты занимаются на зеленом лужку. Знаешь… мне закралось смутное подозрение, что сегодня все закончится чьей-то смертью.

Он бросил многозначительный взгляд на трон.

– Мебель из соломы делают только с одной целью.

Директор наблюдал, как стоявший у фургона Каленый поднял мегафон и заговорил с толпой в таких выражениях, что даже видавший виды старый циник изумленно присвистнул.

«Елы-палы… Не народ, а золото!»

Через несколько минут из фургона вывели девушку в длинной белой ночнушке.

– Алина! – воскликнул Коля.

Мама зарыдала тотчас. Дед зашатался, хлопая неверящими глазами. По толпе пошел встревоженный гул.

Увидев соломенный трон, Алина вдруг яростно принялась вырываться, чуть не ударила лбом в нос отца Савелия, подошедшего к ней с иконой. Священник в страхе отпрянул. Потом укусила за палец державшего ее Жеку.

– А-а! С-сука! – не своим голосом взвизгнул бандит.

Он ударил Алину наотмашь по лицу и принялся с садистским смехом выворачивать ей руку.

Мать уже теряла сознание. Коля схватил ее за плечи. Дед оторопело глядел на вопящую внучку.

– Послушайте, это к-какой-то бред, мы не… не должны д-допустить… не должны смотреть! – дрожа от ужаса, залопотал Борис Генрихович и стал отступать, пытаясь зарыться в гущу толпы.

– Чего творят, а? Ё-ё… – шептал остолбеневший Иван Петрович.

Каленый заорал в мегафон, чтобы успокоились.

– А вы че такие чувствительные, а! Вам же было сказано: поговорим с девчонкой по-человечески! И все! А когда поговорим… м-может, и вас всех отпустим подобру-поздорову! И долг вам скостим, да-а!

Толпа загудела громче. На этот раз наряду с протестом в гуле зазвучало смутное одобрение.

Директор вновь позвонил Анатолию.

– Толя, объясни, пожалуйста, что происходит? Погоди, что значит «сюрприз»? У тебя счеты с этой шлюхой? Ну так и разберись с ней сам по-тихому. Ёхан-драйзер, конечно, мне это не нравится!

Он дал знак своему телохранителю, и тот направился к Каленому за разъяснениями.

– Я те еще раз повторяю, мне эта чертовня даром не лежит! Ты своей блажью нас всех под монастырь подведешь! Че, в бога заигрался?! Ты пойми, Толь, я тебя из дерьма вынул, я тебя туда в любой момент и воткну вверх ногами! Так что хвост прижми, щенок!

В обход толпы прямиком к Алине вдруг подлетел Олег на рычащем мопеде. Швырнул под ноги Жеке и Кариму бесформенный газетный сверток с зажженным фитилем.

Братки отскочили, как ошпаренные коты. Алина прыгнула на багажник, взревел мотор, и вскоре от беглецов осталось лишь темное пятнышко, по которому Жека тщетно палил из пистолета.

Сверток взорвался пачкой китайских петард.

– За ними, живо! – взревел Каленый, поднимаясь с земли. – Народ, спокойствие!

Олег оглянулся. Подскакивая на колдобинах и, увы, постепенно приближаясь, за ними, как проворный крокодил, гнался пыльный «БМВ».

Из окна сбоку от водителя высунулась чья-то голова и рука с пистолетом.

Олег знал, что прицелиться во время езды возможно только в кино. Стрелок тоже это знал и, потому, щелкнув один раз для острастки, спрятался обратно.

Алина вцепилась в спину. Под колесами трещали камни.

«Напрасно по дороге едем!» – отчаянно подумал Олег.

Вырулить в поле не получалось из-за канав.

К счастью, встречных машин на пути не было, и вечно поднятый шлагбаум никто не догадался опустить.

Бандиты приближались. Вдруг на выезде, как раз там, где дорога становилась шире, выплыл откуда-то, неспешно катящийся по своим делам малиновый «Москвич».

Олег обогнул его, как делал это сотни раз. Секунда, две, три… Долгожданный гром и скрежет обдирающих друг другу бока машин возвестил победу. Незначительную. Крохотную. Секунд на двадцать.

Они пролетели мимо ангара, на котором теперь пестрела новая надпись: «Цой жив!». Понеслись под гору.

– Только не в Глухово! – крикнула в ухо Алина.

«А куда?» – безнадежно подумал Олег.

Железный крокодил из фильма ужасов вновь ревел за спиной, начиная дышать в затылок.

Кроме Глухово можно было метнуться в лес. Но тогда придется бросить мопед, а без мопеда…

Выбирать не было времени. Он и она промчались мимо руин церкви, через дорогу, мимо мертвого дерева и, даже не успев толком закричать, сиганули с крутого откоса навстречу реке и далеким лугам. Колеса завертелись в пустоте.

Удар! Живы! На колесах! Второй удар! Третий! Мопед, трясясь и вихляя, волочился вниз по холму, норовя перевернуться или развалиться на части. Олег чудом удерживал руль. Каждый новый миг стоил всей прожитой жизни.

Алина вдруг осознала, что самое страшное позади. Они прокатились полсотни метров по бугристому подножью холма и мягко затормозили.

Наверху, на краю склона неуверенно застыла бандитская «Бэха», едва не клюнув в пропасть передними колесами. Потом, злобно заворчав, начала сдавать назад.

– Все, оторвались! – не своим голосом воскликнул Олег и показал преследователям полруки, подкрепив жест непечатным словом.

– Давай, гони, щас стрелять начнут! – выдохнула Алина.

– Здесь не достанут! – фыркнул Олег, хотя ни малейшей уверенности в этом у него не было.

Уже на седьмом километре их остановила милиция. Робкая надежда обернулась шоком, когда Алине вдруг велели

сесть в «УАЗ» и, невзирая на ее рассказ и мольбы, повезли обратно в Глухово. Олег, которому сломали мопед и пригрозили тюрьмой до конца жизни, глядел им вслед, не веря своим глазам.

– Ну вот и явилась, наша красавица! И часу не прошло! – заулыбался Каленый.

Алина тихо всхлипывала, совершенно обессилев от отчаяния. Ее опять вели к соломенному трону. На этот раз среди скошенной травы недвусмысленно белела канистра с бензином.

– Я… тебе… приказываю! – Директор, бледнея от злости, схватил Каленого за плечо. – Ты, тварь, кого слушаешь, его или меня?!

– Кирилл Сергеич! – шепотом залебезил Каленый. – Вы н-не волнуйтесь. Это все не по-настоящему. Он нам все объяснил. Это… типа как социальный эксперимент.

– Да плевать я хотел, вашу мать! Сворачивай это шапито!

Каленый жалко осклабился, разрываясь между презренной толпой и разъяренным начальством.

Толпа шумела. Приближаясь к лесу человеческих ног, кошка Ушаня все острее чувствовала накопление зла. Что-то было не так. Чудовище решило смухлевать, забросив в гущу народа свою подсадную куклу. Ушаня никогда не изучала психологию толпы, не знала, что такое «ядро», но верный нюх работал лучше всяких знаний.

Внезапно она увидела Гулей: невидимых человеческому

глазу слуг Ифрита, существ на ослиных копытах, с женскими телами и отвратительными полусобачьими мордами вместо лиц. Двое низших джиннов, которых хозяин вынул из параллельного мира, чтобы натравить на нее, скалили зубы в жутких усмешках, предвкушая кровавый пир.

Ради таких гостей, Ушаня решила снова стать могучим сфинксом: а люди пусть думают, что пушистая проказница без толку резвится в траве.

Когда поединок закончился, и обе побитые твари, скуля, нырнули обратно в ад, Ушаня принялась искать генератор зла.

В какой-то миг, прорезавшись сквозь всеобщий гвалт, до ее слуха добрались необычайные крики. Кричал мужчина. Но голос был не мужской, не женский, а дьявольский. Казалось, рявкает бабуин, обученный человеческим словам.

Коренастый, лет сорока, плохо выбритый, со стеклянно-шальными глазенками. Вместо гавайки на нем была теперь футболка с советским гербом.

– Убейте ее! Убейте эту суку! Мучайте ее! Пусть горит! Пусть кожа, кожа послезает! Выколите глаза! Тва-арь! Ведьма-жидовка! Стерва пархатая! Медленно убивайте! Ме-едленно! Потихонечку, потихонечку! Чтобы все прочувствовала, гнида московская! Шлюха! Подстилка! Падаль! Посмотрите на нее! О-ё-ёй! Пла-ачет! Девочка пла-ачет! А как же не плакать, лярва, подыхать-то не хочется!

И он разразился грязным сатанинским хохотом.

Все, стоявшие рядом, словно превратились в замороженные статуи. Люди подальше принимали его шизофазию за глас толпы. Кто-то бессознательно подчинялся ей, кто-то в ужасе мотал головой и пытался выбраться из зазомбированной гущи.

Ушаня подкралась к мужику сзади и, прыгнув на спину, вцепилась когтями в загривок.

– А-а-а! На помощь! На помощь! Убивают! Враги! Нож в спину! А-а-а! Больно! Сволочи! Мама! За что?! Я же свой! А-ар-ра-а!

Он заметался по толпе, валя случайных людей, размахивая руками и выкрикивая бессвязные слова. Потом кое-как прорвался сквозь людскую толщу и, не смея дотронуться до своей спины, где по-прежнему намертво вцепившись, сидела Ушаня, сломя голову, кинулся бежать в поле.

Бежал долго, как перепуганный зверь, то и дело норовя перейти на четвереньки. Потом с диким воем закружился волчком, упал на спину, чуть не придавив свою мучительницу, и, дернувшись, замер. Из широко раскрытого рта, ноздрей и глаз, как из паровозной трубы, в небо повалил чернильно-черный дым.

Теперь люди были свободны. Правда ощутили это не сразу и не все.

– Да вы что ж, уроды, совсем совесть потеряли! – кричал Колин дед, отчаянно прорываясь к Алине.

– Че ты мне пистолетиком тычешь! Давай! Всех не пере-

стреляешь! – ревел Иван Петрович, надвигаясь на оробевшего Сашка.

С каждой секундой все больше людей разлепляли глаза, отходили от тяжелого колдовского дурмана, становясь теми, кем были раньше. Их уже было за сотню, за две сотни.

Толпа прекращала быть единым существом. Переставала быть толпой.

Карим выпустил в воздух очередь из «Вихря».

– Спокойно, овцы! – заорал Каленый.

Вопреки собственным ожиданиям, голос его прозвучал не по-сержантски, а как-то слабенько, по-школьному.

– Вы чего делать удумали?! – заголосила из толпы баба Нина. – Живого ребенка сжечь?! Фашисты!

– Вам было сказано русским языком… – Каленый вдруг почувствовал, что слова липнут на языке.

«А че было сказано-то?» – ошарашенно подумал он. – «Привести, посадить в солому, напугать всех… А дальше что? Реально сжечь?»

Он обвел толпу растерянным взглядом, чувствуя в голове слепящий свет отрезвления, и чуть не выронил мегафон.

«Сжечь девчонку! При тыще свидетелей! Да кто их проконтролирует? Кто тут все контролирует?! Мы, что ль? Мусора?»

Он повернул голову и увидел застывшее зловещей маской лицо Директора.

«Звездец… На Толяна все валить!»

– Каленый! – забормотал под ухом Жека. – Тебе Толян че сказал? Говори, ты же тут главный, епта!

Бандиты видели, что толпа начинает бродить, точно в нее кинули дрожжи. Такая масса запросто могла бы порвать их в клочья, не будь у них оружия. Впрочем, даже не опасный физически, народ наваливался на них морально всей своей тушей. Словно штормовые волны, бьющие через мол.

– Девочка! – мягко обратился Каленый к Алине. – Слезай! Щас мы тебя отпустим к маме.

Алина с лютой ненавистью сверкнула на него раскрасневшимися глазами.

У Каленого зазвенел мобильник.

– А теперь, – произнес из телефона невозмутимый голос Анатолия. – Полейте солому для верности бензином и подожгите. Надеюсь, дождя у вас нет?

– Толян! – Каленый взволнованно зашептал, прикрывая рот рукой и бегая зрачками. – Ты че… в-вообще, что ль! Ты нас засадить что ли всех хочешь?!

– Я щедро заплатил тебе. Ты обещал…

– Толян, я те все верну! Но я таким дерьмом заниматься не буду, блин! Ты че! Ты за кого нас держишь, а! Я щас все скажу Дир… Кириллу Сергеичу! Ты, блин, доиграешься, Толян! Доиграешься!

Каленый перевел дух и поднял мегафон:

– Друзья! Глуховцы! Как я и говорил э-э… в каждой шутке есть… доля шутки! Алинка усвоила урок! Да, Алин? И я

думаю, что теперь нам всем пора э-эм…

Он заглох на полуслове, слушая гроздья оскорблений, щедро летящие со всех сторон.

– Нечисть! Сволота! Садюги!

Рядом возник Сашок с пистолетом наготове:

– Че терь делать-то?

– А ё… – Каленый затравленно шарил глазами по толпе, как загнанный в угол волк. – Это… сучку эту отдай родителям. Может, угомонятся!

Сашок спешно выполнил поручение. Алина была спасена.

– Пальни-ка еще раз поверх голов! – велел Каленый Кариму.

– Сам пальни! – Карим злобно сунул ему автомат, как дохлого кота. – Давай сам, если такой крутой!

Толпа уже редела. Борис Генрихович кричал что-то о необходимости вернуть мерзавцам их деньги. Старухи, оказавшись вдруг храбрее всех, подходили прямо к браткам, стыдили их, плевали в болвана, невзирая на истеричные вопли отца Савелия.

Человек с аккуратными усами и военной выправкой высыпал под ноги Каленому содержимое своего бумажника и бросил туда же сотовый телефон.

– Я выплачу вам все до последней копейки! – холодно пообещал Аркадий Романович. – В Афгане я бы с вами и говорить не стал!

Коля, Алина, дед и мама, еще не отошедшая от шока, воз-

вращались домой с твердым намерением сейчас же бежать из Глухово. Почти все вокруг разделяли их порыв.

Народ ушел. С неба закрапал дождь. Одно за другим на пыльном теле истукана замелькали темные пятна. Где-то полыхнула молния. Налетел ветер.

На лугу остались только братки, Директор, отец Савелий и проклятый всеми глиняный болван.

– Конец… – пролепетал вдруг отец Савелий. – Это конец! Апокалипсис!

Он заметался среди застывших в хмуром отупении бандитов, трясясь и заглядывая в глаза каждому.

– Да что ж вы! Грядет погибель! Гнев божий, Страшный суд! О-о… Мы свидетели конца времен!

– Пош-шел ты! – зарычал на него Каленый.

– Юноша! М-мы должны… Господь возложил на нас…

– Апокалипсис хочешь! Ща те будет Апокалипсис!

Он с размаху врезал батюшке в челюсть, так что тот кубарем покатился на траву.

– Ну че? Полегчало? Или ещё дать? – входя в раж, ярился Каленый. – Говори, козлина, не стесняйся!

Отец Савелий поднялся на ноги, машинально вытер кровь с разбитой губы, поправил на голове клобук. Физическая боль и оскорбления, казалось, просто не доходили до него.

– Четыре всадника… И он один из них!

– Да катись уже! – рявкнул Сашок.

Страшно тараща глаза, пригибаясь к земле и кладя мел-

кие кресты, отец Савелий попятился, как рак. Потом развернулся и побежал к церкви, оставив на сырой траве забытую икону.

У Каленого снова проснулся мобильник.

– Не справились… – то ли спросил, то ли равнодушно констатировал Анатолий.

– Толян! Ты б… М-может, у тебя того… крыша съехала? – прошипел Каленый, хрустнув от злости зубами. – Ты ж, гад, больной на всю голову!

Директор вырвал у него телефон.

– Теперь будешь разговаривать только со мной!

Анатолий заговорил что-то в ухо шефу, отчего длинное серое лицо Кирилла Сергеевича вытянулось и посерело ещё больше. Зрачки вспыхнули, пальцы до побеления костяшек сжали сотовый. Директор погружался в то состояние, при котором кто-то в его окружении обычно переставал жить.

– Толя… Толенька, – произнес он своим самым страшным, сладким, как медовая патока голосом. – Знаешь… я кое-что вспомнил. У тебя же мама до сих пор жива. В Зеленограде, да?

Он перевел дух, смакуя и наслаждаясь внезапной выдумкой.

– Слушай, Толя! Я тебе ее буду по кусочкам присылать! Каждый день! Ты только адресок скажи. Сегодня пальчик. Завтра глазик. Как тебе такое?

– Братаны! Кирилл Сергеич! – испуганно подал голос Же-

ка.

Директор не сразу обратил на него внимание, увлеченный сердечным разговором.

– Каленый!

– Че?

Жека с недоумевающим ужасом разглядывал лицо истукана.

– Рожа другая!

Небесная вспышка озарила широко разверзнутую, страшно оскаленную частоколом зубов пасть, в которую неведомым образом превратилась узенькая щель рта.

– Чего-о!

Каленый отпрянул. Ошалелыми глазами уставился на Жеку.

– Ты…

– Н-не… – обронил Жека, дрожа как осиновый лист.

– Ты…

– Народ! Он живо-ой!!! – заорал Жека лошадиным голосом.

Поток пламени, вырвавшись из глиняной пасти, как из огнемета, накрыл его целиком.

Директор видел, как то, что миг назад было Жекой, бродит по полю, путаясь в огненном покрывале. То, что было Каленым, теперь, вереща, каталось по земле. Рядом отплясывал Карим с гребнем огня во всю спину. Сашок, стоявший дальше всех, десять секунд остолбенело таращил глаза, по-

том, захныкав от ужаса, припустил как заяц, не разбирая дороги.

Бандиты прятались за машинами. Болван выдал новую струю, на этот раз вихляя огненным языком на десятки метров вокруг.

Присевшему от страха Директору почудилось, будто глиняная голова медленно начинает поворачиваться в его сторону.

Бандиты уже смекнули, что их вот-вот испепелят, и бросились прочь от машин, ныряя в улочки и карабкаясь через заборы. Директор поймал за шкирку своего убегавшего водителя, хватил его по лицу.

– За руль, падла! Вези!

Они заскочили в «Мерседес». Взвизгнули колеса. На скорости двести километров автомобиль вылетел из поселка.

Когда они добрались до шоссе, Директор дрожащими пальцами вытащил из кармана флакон с кокаином. Просыпал себе на брюки. Выматерился.

– Скорость сбавь!

Водитель не реагировал.

– Разобьемся! Скорость сбавь!

Он повернул голову и увидел за рулем задубевший труп с восковым лицом.

Мертвец подмигнул ему потухшим глазом, вжимая педаль и выезжая на встречную полосу.

«Это сон!» – подумал Директор.

Последнее, что он видел, была чудовищная морда летящего навстречу «Камаза».

Гроза

Выместив зло на подонках, Ифрит решил хорошенько приголубить весь ненавистный поселок.

Над головою болвана грязно-свинцовые облака скручивались в воронку, из которой вот-вот должен был родиться смерч. И пусть метеорологи гадают, откуда в Подмосковье взялось столь экзотическое бедствие. Униженному людишками джинну не было дела до такой фигни.

На Глухово обрушилась непроглядная стена дождя, так что даже самые спешные беглецы, решили повременить с отъездом. Ветер ломал ветви деревьев, уносил сушившиеся простыни, срывал кровельные листы. Улицы превратились в бурлящие потоки, луг – в топкое болото. Вспышки и гром разделяли не больше пяти секунд.

Ифрит почуял, что даже теперь что-то маленькое и злобное под самым боком упорно не поддается контролю.

Увидел дядю Петю, шлепающего к нему по полю сквозь ветер и ливень, с палкой в одной руке и молотком в другой.

До джинна вдруг дошло, что он ничего не сможет предпринять. Огненное дыхание, возможное за счет украденного накануне из бензобаков бензина, выдохлось. Не было даже верной куклы, которую коварно задрала кошка.

Впрочем… на эту роль имелся готовый кандидат. Тот, кто сейчас, дрожа от вселенского ужаса, молился, валяясь ниц на полу своей церкви, в ожидании топота адских коней.

Отец Савелий воспрял. Словно подчиняясь чьей-то воле, подошел к дверям и выглянул в грозовую темень. Увидел при сполохах своего врага. Колдуна. Беса. Мерзавца, задумавшего помешать господу исполнить его грандиозный, мудрый план.

Алая пелена заволокла глаза. Ненависть колючим комком врезалась в гортань, загремела в ушах барабанным боем.

– Убить! – проклокотал священник сквозь стиснутые зубы. – Во имя… в-всего… Уби-ить!

Он вынул из-под алтаря особый крест, подаренный байкером Шприцем. Внутри этого креста пряталось короткое обоюдоострое лезвие. Отец Савелий держал эту штуку в церкви, с тех пор как на него чуть не напал злобный еврей.

«Не убий!» – жалостливо пискнула душа.

«Убий!» – приказал Хозяин.

Дядя Петя приближался к глиняному чудовищу, потрясая увесистым молотком. Он почти не боялся. Жизнь, которой стоило дорожить, закончилась для него давным-давно.

«Только бы крыша у меня не съехала!» – с тревогой думал он, вспоминая Ушаню.

Слишком долго кошка не была рядом с ним. В голове расползался мрак, пожирающий самосознание, логику и память.

Когда до болвана оставалось метров сорок, что-то слегка ударило его в спину. Дядя Петя почувствовал боль. Потерял равновесие, упал на колени.

– Гнева нет во мне! – прошипел сквозь катящиеся по лицу капли отец Савелий. – Н-но…

Ударил еще раз.

– Я войною пойду против него! И выжгу его совсем!

Он испытующе-злорадно посмотрел в глаза поверженному противнику и, отбросив кинжал, нараспев читая молитву, двинулся навстречу застывшей в тусклой полосе света между землей и небом, темной фигуре.

Теперь, когда снова мелькнула вспышка, можно уже было различить очертания дымчатого исполина, медленно и грозно восстающего над глиняным сосудом.

«Неужели господь выглядит так?» – с трепетом подумал отец Савелий и еще громче заорал спасительные слова.

Он приблизился к идолу. Хотел упасть ему в ноги, обхватить руками постамент и взмолиться о самом сокровенном.

Молния ударила прямо в болвана. Копилка взорвалась, как авиабомба, выбросив джинна обратно в четвертое измерение.

Зарождающийся смерч и жуткий образ растворились во мгле, как пустынные миражи.

Возвращение

Толян лежал на дне взрывной воронки в одних трусах, безразлично глядя в позолоченную ранними лучами утреннюю лазурь. От грозы остались лишь разметанные по небосводу клочья облаков. Было прохладно и сыро. Насыщенный свежестью воздух резвился в легких.

Толян ничего этого не понимал. Ума ему хватило лишь на то, чтобы подняться на ноги. Будучи забывшим все на свете, беспросветным дурачком, он все же нашел смысл вылезти из неглубокой ямы. Обвел пустым взглядом оживающий после потопа и бури луг.

В нескольких метрах от него валялись обгоревшие трупы. Скромно лежал, тихо отошедший в иной мир, дядя Петя. Рядом неподвижно, точно провожая друга в великий, таинственный путь, сидела Ушаня. От отца Савелия не осталось даже следов на размякшей земле.

Толян пошел куда глаза глядят.

Через несколько часов, жившая в крохотной деревушке Васьки баба Юля увидела сидящего на крыльце ее дома, как ей сперва с испугу показалось, совершенно голого мужчину с несчастным, дурным лицом.

– Вы кто? Вас как звать-то? – несмело спрашивала хозяйка, держа наготове скалку.

Незваный гость не отвечал и лишь заморожено шевелил губами.

– Вы… Ты, наверное, психический больной? – заключила баба Юля и перекрестилась. – Ой, хосподи, принес на мою

долю… Не зря всю ночь упыри снились! Ты что ж, даже говорить не умеешь?

Баба Юля не знала ни о русском Говарде Хьюзе, ни о подмосковном Лас-Вегасе. Из деревни она почти не выезжала. Все родные лежали на кладбище. Телевизор давно сломался. По радиоприемнику слушала только старые песни под Новый год.

Перспектива приютить на склоне лет идиота не внушала особой радости.

Впрочем, дело оказалось совсем не безнадежно. Едва она усадила незнакомца за стол, как тот инстинктивно схватил ложку, причем тремя пальцами, а не пятерней.

«Во те на… Да ты не дурачок, оказывается! Просто забыл все!» – подумала баба Юля. – «Может, в аварию попал? Или по голове стукнули?»

К концу дня Толян вспомнил, что такое стакан, зеркало, тапочки, карандаш и умывальник. Начал жестикулировать и даже произнес несколько слов.

На утро он проснулся пятилетним ребенком. Баба Юля дала почитать ему старенькую книжку про Козу-Дерезу.

Разум возвращался к своему владельцу медленно, тяжело, но верно и неуклонно. В остекленевших глазах вновь затеплилась жизнь.

На следующий день Толяну было уже восемь лет. Потом десять, двенадцать, пятнадцать…

Что упорно не оживало в его мозгу, так это воспоминания.

Толян отчего-то вбил себе в голову, что баба Юля – его бабушка, к которой он приехал на лето. Он постоянно пытался ей что-то рассказать, безуспешно напрягая отсутствующую память.

– Че-то не помню ниче… – хмуро бормотал он себе под нос. – Ниче не помню, ба! Представляешь?

Живя как во сне, Толян, тем не менее, старался быть прилежным внуком и охотно помогал по хозяйству: колол дрова, подметал пол, полол грядки, собирал крыжовник. Любая работа пробуждала в нем огонь человеческой энергии, подстегивала восстановительный процесс.

– Я, ба, в Москву седня поеду!

– Да куда ж ты поедешь такой, ты же не помнишь ничего!

– Ну не помню и че! Я ребят с района встречу, они мне подскажут!

Толян просил денег на билет, выходил на дорогу и каждый раз возвращался, чувствуя, что никуда не поедет.

Баба Юля почти не общалась с соседями. Порядочные люди, согласно ее убеждению, в этой деревне все поумирали. Соседи же с любопытством поглядывали на ни то сына, ни то зятя, живущего в доме нелюдимой старухи. Толян уже успел зарасти щетиной, и даже те, кто видел его лицо по телевизору, ни о чем не подозревали.

Прошел месяц, два, три. А Толян так и остался странным, беспамятным полуподростком. Некоторые советовали бабе Юле сообщить о нем в милицию, пугали рассказами про ма-

ньяков.

– Не надо мне ваших советов! – отмахивалась баба Юля. – Он уйдет, кто мне на старости поможет? Вы что ль?

Потом у Толяна появилась юношеская любовь. Вторая, третья. А потом баба Юля впервые в жизни ощутила себя бабушкой, а не старухой.

В настоящее время Анатолий продолжает жить в деревне без паспорта с гражданской женой и двумя детьми. Носит густую бороду, занимается столярным делом и через силу читает русскую литературу.

Однажды съездив в Москву, вернулся подавленный, с твердым убеждением, что «жить в таком гадюшнике нельзя».

До сих пор ни одна живая душа не признала в нем пропавшего без вести, давно забытого всеми гениального афериста, чье детище схлопнулось также моментально и необъяснимо.

Едва хозяин исчез, все махинации, как по щелчку пальцев, всплыли на поверхность. Строительство игорной зоны было признано полностью незаконным. С фантастической скоростью позакрывались казино и клубы. Чиновники пошли под суд. Оставшиеся без верхушки бандиты перегрызлись между собой. Байкеры разъехались. Фашисты и сектанты разбрелись по лесам.

Для простых людей угасание глуховской звезды стало праздником – настолько безобразной, разлагающей и нелепой была ее недолгая жизнь.

Эпилог

Коля ехал за рулем своей первой личной машины, вновь после долгой разлуки видя тот самый, несущийся навстречу, не отпускающий пейзаж.

Вечные домишки с шиферными крышами за покосившимися заборами. Магазинчики стройматериалов, заросшие сады, водонапорные башни. Старухи на обочинах продают яблоки и картошку.

«А асфальт-то тут по-прежнему хороший!» – подумал Коля, заезжая в Глухово.

Все остальное давно обветшало и потускнело. Коле казалось, он заехал на заброшенный склад кинодекораций.

Да и было ли когда-то реальным все это великолепие, если окинуть его трезвым, взрослым взглядом?

Переделанные в магазины или просто заколоченные игорные дома теперь казались маленькими и жалкими. Пародийная «Пизанская башня» вызывала чувство неловкости.

Коля вспомнил виды Гонконга и Дубая. Вот посмеялись бы бывшие рыбаки и бедуины над таким отечественным «шиком»!

Лишь памятник героям войны оставался вне времени. У постамента лежали свежие цветы.

Коля свернул в сторону дачного поселка. Луга уже полностью застроили, так что и лугов-то никаких не осталось.

Ангар снесли. Магазинчик закрылся. Дорога стала еще ухабистее.

Приехав на дачу, Коля получил от съемщиков деньги, заплатил взнос и, борясь с пронизывающей меланхолией, двинулся в обратный путь. Задерживаться было негде. И не за чем.

Увидел топавшую по дороге до сих пор живую бабу Нину.

«Сколько ж ей теперь?»

На перекрестке он вдруг остановился в неясных и тревожных сомнениях. Припарковал машину на обочине, вылез, подошел к краю холма.

Сожженный особняк все еще уродливо темнел за навсегда запертыми ржавыми воротами. Как памятник чему-то давно прошедшему, но так и не готовому истлеть до конца.

Коля пролистал выцветшие детские воспоминания, поправил очки. Развернувшись, поехал на кладбище проведать никому не нужную, заросшую травой могилу Петра Геннадича. Человека, без которого, быть может, его сестры уже пятнадцать лет как не было бы в живых.

«Даже фотографии не нашлось…» – с грустью подумал Коля.